

Н. Н. Варварцев

УКРАИНА

В РОССИЙСКО-
ИТАЛЬЯНСКИХ
ОБЩЕСТВЕННЫХ
И КУЛЬТУРНЫХ
СВЯЗЯХ

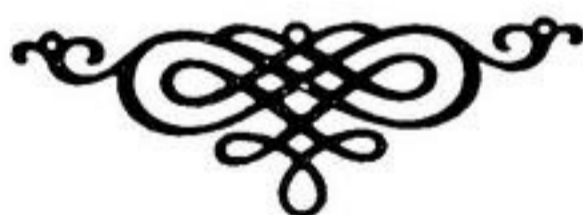

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Н.Н. Варварцев

УКРАИНА
В РОССИЙСКО-
ИТАЛЬЯНСКИХ
ОБЩЕСТВЕННЫХ
И КУЛЬТУРНЫХ
СВЯЗЯХ

(первая половина XIX в.)

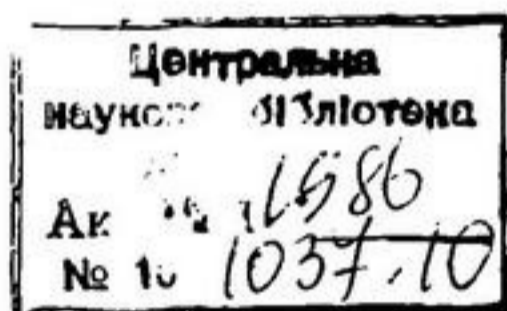
КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1986

В монографии на основе большого круга источников, в том числе неопубликованных документов из советских и итальянских архивов, рассматриваются идейные связи и контакты революционных организаций России и Италии в борьбе против феодально-клерикальной реакции в первой половине XIX в., дается характеристика их деятельности на Украине. Анализируются процессы взаимодействия передовой общественности в области культуры, науки и прикладных знаний, роль обмена духовными ценностями в расширении и укреплении сотрудничества между народами.

Для научных сотрудников, преподавателей и студентов вузов, всех, кто интересуется историей освободительного движения и культуры.

Ответственный редактор П. С. СОХАНЬ

Рецензенты И. М. КУЛИНИЧ, В. Б. ЕВТУХ

Редакция исторической литературы

В $\frac{0504030000-135}{M221(04)-86}$ 33-86

© Издательство «Наукова думка», 1986

ВВЕДЕНИЕ

Возрастающая интернационализация общественной жизни — важнейшая закономерность развития стран и народов. Этот процесс получил глубокое историческое и теоретическое обоснование в трудах основоположников марксизма-ленинизма. Анализируя ход мировой истории, сопровождавшийся ломкой обветшавшей системы феодальных отношений и рождением в недрах ее новых производительных сил, они показали объективную неизбежность расширения и усиления международных связей в будущем. «...Крупная промышленность, — подчеркивал Ф. Энгельс, — связала между собой все народы земли, объединила все маленькие местные рынки во всемирный рынок, подготовила всюду почву для цивилизации и прогресса...»¹

На современном этапе исторического развития связи между народами охватывают самые различные сферы общественного бытия и сознания. Без них немислимо восхождение человечества к вершинам социального прогресса, овладение силами природы, сохранение цивилизации от империалистической угрозы ядерного уничтожения. Закономерно, что именно из мира социализма исходят мощные импульсы, направленные на расширение и углубление международного общения и сотрудничества. У истоков этой политики стоял В. И. Ленин. Верная ленинским принципам дружбы и сотрудничества между народами, Коммунистическая партия Советского Союза неизменно подчеркивает необходимость дальнейшего развития международных связей в экономике, науке, технике, культуре. В проекте новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза записано: «КПСС — за развитие широких, долгосрочных и стабильных связей между государствами в сфере экономики, науки и техники на основе полного равноправия и взаимной выгоды»². В соответствии с этим положением Центральный Комитет КПСС нацеливает советское обществоведение, в том числе

историческую науку, на обновление, актуализацию содержания исследований, усиление их связи с практикой.

Возрастание роли исторических знаний в общественном прогрессе непосредственно сопряжено с необходимостью расширения разработок по всемирной и отечественной истории, прошлого и настоящего международных отношений. Это, в частности, отметило состоявшееся в сентябре 1983 г. собрание Отделения истории АН СССР, посвященное задачам исторической науки по реализации решений партии. В докладе академика-секретаря Отделения акад. С. Л. Тихвинского акцентировалось внимание на «необходимость углубленной разработки тем, связанных с принципами и методами марксистско-ленинского историзма, потребность в сравнительно-исторических исследованиях, анализирующих особенности и роль локальных исторических процессов в общем контексте всемирно-исторических закономерностей»³. Составной частью этих изысканий является изучение взаимоотношений России с зарубежными странами, в частности анализ общих вопросов истории Европейского континента в органической связи с историей нашей страны.

В исследовании этих, имеющих глубокие корни, контактов важное место занимает период, связанный с крушением феодализма и вызреванием новых, капиталистических отношений, подъемом борьбы народных масс. Между тем процессы, развивавшиеся в указанный период, как справедливо отмечалось в передовой статье журнала «История СССР» — «Актуальные проблемы изучения истории СССР», в последние годы разрабатываются чрезвычайно слабо (за исключением декабристской тематики). Это относится не только к конкретным сюжетам по частным темам, но и узловым проблемам периода⁴.

Цель предлагаемой работы — осветить один из аспектов проблемы: роль и место крупнейшего региона Российского государства — Украины в общественных, культурных и научных контактах с Италией в первой половине XIX в. Выбор темы обусловлен отсутствием работ, посвященных истории Украины в этом плане, а также общей недостаточной изученностью тенденций в идейном и культурном общении народов в ходе одного из этапных периодов европейского и мирового развития — от подъема антифеодального освободительного движения в 10—20-х годах прошлого столетия до революций 1848—1849 гг.

Исследования, имеющиеся в советской историографии, раскрывают некоторые важные стороны этих вопросов в российско-итальянских взаимоотношениях. Следует подчеркнуть, что данная проблематика — относительно новое явление

в науке. Если дореволюционная историография преимущественно сосредоточивала усилия на дипломатических отношениях, то работам советских авторов присущ широкий подход — стремление охватить развитие связей, затрагивающих также социальную сферу, общественную мысль, культурную и научную жизнь, то есть, в конечном счете, деятельность разных классов, групп, организаций на международной арене. Изучение этого комплекса вопросов открывает путь к освещению роли народа — основной силы в развитии международных отношений. Обращение к периоду, отдаленному от наших дней многими десятилетиями, позволяет, таким образом, проследить тенденции, представляющие не только историко-познавательный интерес, но и особую актуальность в современных условиях возрастающего воздействия народных масс на всю систему связей между странами.

Важное место в освещении проблемы занял сборник статей «Россия и Италия», в котором исследуются взаимоотношения двух стран в экономической, общественной и культурной областях, начиная с конца XVIII в. до второй мировой войны включительно⁵. Ряд помещенных в нем статей (В. И. Рутенбурга, К. Ф. Мизиано и др.) содержат материалы, относящиеся к 20—50-м годам XIX в.

Новые моменты в разработку темы вносят исследования В. Е. Невлера (Вилина). Некоторые из них, например, статья «Мадззини и „Молодая Европа“», а также специальный параграф в его монографии «Демократические силы Италии в борьбе за объединение Италии, 1831—1860», раскрывают идейные контакты итальянских и российских революционеров в 20—40-е годы прошлого столетия⁶.

Большой фактический материал по проблеме проанализирован также в главе «Движение карбонариев и русское общество» в монографии М. И. Ковальской о деятельности карбонариев в Италии в 1808—1821 гг.⁷ К освещаемой теме имеет отношение и работа, посвященная откликам итальянской печати на восстание декабристов в Петербурге и на Украине⁸.

Одновременно с конкретно-историческими исследованиями положено начало источниковедческому анализу проблемы. Опубликованы обзоры документов и других материалов, хранящихся в советских и итальянских архивных фондах⁹.

Наряду с изучением международной деятельности революционных организаций все большее внимание исследователей привлекают вопросы контактов в сфере культуры. О взаимоотношениях в различных областях искусства и литературы повествует книга Н. И. Тимофеева, трактующая проблему культурных связей двух стран сквозь призму исто-

рии и современности¹⁰. Довольно широко вопросы культурного взаимодействия рассматриваются с точки зрения задач искусствоведения и литературоведения. В этом плане представляют значительный интерес разделы и главы в специальных трудах о жизненном и творческом пути И. К. Айвазовского, К. П. Брюллова, А. А. Иванова, О. А. Кипренского, В. И. Штернберга, С. Ф. Щедрина и других художников, работавших в Италии в указанный период¹¹. Что же касается литературных связей, то они нашли отражение в разработке отдельных сюжетов. Так, в первых главах монографии З. М. Потаповой, посвященной второй половине XIX в., содержится материал о взаимоотношениях литератур периода 50-х годов¹².

К истории общественных и культурных взаимосвязей обращаются и зарубежные исследователи, прежде всего итальянские. Немалые усилия в этом направлении прилагают представители марксистской историографии, основывающие свои работы на богатом документальном материале. Так, ряд вопросов, характеризующих контакты общественности двух стран, нашел отражение в фундаментальном труде Дж. Берти, в целом посвященном дипломатическим связям России и итальянских государств начиная с конца XVIII в. до 1860 г.¹³ Ф. Делла Перута в монографии о деятельности Мадзини и итальянских революционеров в 30—40-х гг. XIX в. анализирует некоторые материалы, касающиеся их славянских связей¹⁴.

Публикации, затрагивающие проблематику итало-российских отношений, время от времени появляются и в буржуазной историографии. Некоторые из них вводят в оборот неизвестные ранее источники, новые данные. Вместе с тем далеко не все оценки, выводы, предлагаемые их авторами, можно считать обоснованными, зачастую они противоречат тем фактическим материалам, которые приводятся, что лишний раз свидетельствует об эклектизме и субъективизме буржуазной методологии.

Рассматривая явления далекого прошлого, историк не может абстрагироваться от нынешних условий существования в мире двух противоположных социально-экономических систем и непрекращающихся попыток сил империализма подорвать интернациональные традиции народов, сеять между ними недоверие и разобщение. Вопреки духу и букве хельсинкских договоренностей они накладывают запреты и вводят ограничения в западных странах на торговые, культурные и другие контакты с социалистическими государствами. Характерным проявлением линии на дестабилизацию сложившихся отношений, в частности, в гуманитарной области

явились предпринятые противниками разрядки нападки и грубый нажим на ЮНЕСКО — организацию, существующую под эгидой ООН и вносящую большой вклад в международный обмен достижениями культуры, науки и просвещения.

Стремясь изолировать народы других стран от главной опоры мирового прогресса — социалистической системы, империалистические круги все чаще прибегают к извращению исторического прошлого. В поисках «аргументов», призванных подкрепить политику военных блоков, они изобретают концепции «атлантической цивилизации», «западной солидарности» и т. п., пытаясь искусственно расчленив экономическую историю, культурные и научные достижения европейских народов. Так, народы России, по уверению авторов этих концепций, — чужаки в европейской культуре. Они, утверждают новоявленные открыватели «научных истин», не принимали участия в ее великих событиях.

Проблема исторических связей народов, таким образом, превращается в объект злостных фальсификаций и политических инсинуаций. В этих условиях анализ исторического прошлого, помимо научно-теоретического значения, приобретает важную роль в разоблачении тех, кто отравляет духовный климат планеты, сеет подозрения и вражду между народами.

Главной источниковой базой предлагаемой книги послужили документы, хранящиеся в архивах Советского Союза и Италии, — в делопроизводствах бывших высших государственных и местных органов власти, научных, культурных и других учреждений, личных фондах общественных деятелей, писателей, ученых. Наряду с этим для выявления фактического материала была обследована периодическая пресса, издававшаяся в рассматриваемый период в Петербурге, Москве, Одессе, Киеве и т. д. Ценные сведения извлечены из местных итальянских газет и журналов 20—50-х годов XIX в., комплекты которых сосредоточены в отделах периодики центральных национальных библиотек Рима, Флоренции, венецианской библиотеки Марчана, государственных архивах и музеях этих и других городов Италии.

Существенный источник необходимых сведений составили публикации сборников и подборок документов, произведения Пушкина, Белинского, Шевченко, Герцсена, Мадзини, Гарibaldi, других деятелей эпохи, мемуары и дневники современников, отчеты путешественников и т. д.

Говоря об источниковой базе, следует указать на ее особенность, — отсутствие сколько-нибудь компактных архивных фондов по вопросам общественных и культурных кон-

тактов в прошлом столетии, что намного усложняет поиск фактических сведений, делает его практически безбрежным. В то же время обширная история связей народов России и Италии первой половины XIX в. и ее недостаточная изученность не позволяют охватить все стороны темы в ограниченных рамках одной работы. Подобные трудности — общие для каждого, кто берется за изучение международных общественных и культурных связей прошлого столетия.

При решении задач по выявлению тенденций в общественных и культурных контактах автор, опираясь на положение марксистско-ленинской диалектики о взаимосвязи и взаимовлиянии явлений, стремился рассматривать избранную тему в контексте межгосударственных внешнеполитических отношений России и Италии, важнейших событий на мировой арене. Соответственно учитывались выводы и оценки, представленные в обобщающих работах по всеобщей и отечественной истории, а также опыт подготовки региональных исследований, в частности, посвященных украинско-немецким, украинско-болгарским связям¹⁶. Вместе с тем принималось во внимание и то, что история части украинских земель, находившихся в указанный период в составе Австрийской империи, является предметом самостоятельного исследования. Поэтому ее связи с Италией не подвергались систематизированному анализу, что, однако, не исключало обращение в рамках темы к отдельным аспектам и сюжетам этого раздела изысканий.

Предлагая работу вниманию читателей, отметим, что само появление труда об историческом опыте сотрудничества народов стало возможным благодаря развитию научных контактов между СССР и Италией, деловым связям историков двух стран. В частности, возможности значительного расширения источниковой базы настоящей работы открыла научная командировка автора в Италию в 1981 г. по программе сотрудничества между Академией наук СССР и Национальным советом исследований Италии.

Автор выражает признательность сотрудникам центральных и местных архивов и книгохранилищ нашей страны, а также архивов и библиотек Италии за консультации и содействие, оказанные ими в ходе сбора необходимых документальных материалов.

Часть I
ОБЩЕСТВЕННЫЕ СВЯЗИ

**1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ**

Первая половина XIX в.— время событий огромного исторического значения. Для большинства европейских стран оно было периодом, когда происходило дальнейшее разложение феодальных устоев, шел неуклонный процесс формирования экономической структуры капиталистического уклада. Увеличение производства, углубление международного разделения труда и расширение всемирного рынка вели к обострению противоречий между крепнувшими производительными силами и господствовавшими феодальными производственными отношениями, к крутому перелому в общественной жизни.

В Италии этот процесс усложнялся наличием восьми небольших монархических государств, разделявших страну пограничными, таможенными и другими барьерами. Феодально-абсолютистские порядки выступали главным препятствием развития производительных сил. Наиболее отсталой частью Апеннин был Юг, где сохранялись полупатриархальные хозяйства, а крестьяне владели жалкое существование.

Хотя в этот период стали появляться предприятия фабричного типа, главным образом в Ломбардии и Пьемонте, уровень промышленности в целом был намного ниже, чем в таких странах, как Англия и Франция. Национальная буржуазия, увеличиваясь количественно, сосредоточивалась преимущественно в торговле, банковском деле и лишь отчасти в сельском хозяйстве, где капиталистические формы хозяйствования медленно пробивали себе дорогу. Господствующим классом в стране, как и в предшествующие столетия, выступали помещики-землевладельцы. Засилье феодалов сдерживало решение жгучих вопросов итальянской действительности: создание единого всеитальянского рынка, ускорение промышленного производства, расширение внешних связей¹.

В своем социально-экономическом развитии Россия двигалась по тому же пути, что и остальные европейские государства, находившиеся в оковах феодальных отношений. Созревание объективных предпосылок смены старого уклада

новым происходило в ходе постепенного роста производительных сил.

На Украине этот процесс отражал общие для России закономерности развития. В то же время в нем проявились особенности, обусловленные географическими, национальными и другими местными факторами. Как и во всей стране, главным сектором экономики здесь было сельское хозяйство. На протяжении первой половины столетия оно болезненно приспособлялось к условиям товарно-денежных отношений, все теснее взаимодействовало с рынком, переходя к производству товарного зерна. На эту черту развития предреформенной деревни акцентировал внимание В. И. Ленин. «Производство хлеба помещиками на продажу,— писал он,— особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распада старого режима»².

Характерной особенностью развития Украины в первой половине XIX в. явился ускоренный экономический рост ее южных районов. Начавшееся в предшествующем столетии освоение этой территории продолжало вызывать переселенческие потоки. Царское правительство было не в состоянии быстро включить в хозяйственный оборот обширный край с помощью насаждения крепостнической системы. Вынужденное поступаться принципом дворянской монополии на землю, оно стало отдавать ее не только помещикам, но и купцам, разночинцам, представителям других сословий, что, в свою очередь, требовало использования наемного труда сезонных рабочих-отходников, иностранцев, беглых крестьян и др.³

Изменения в формах собственности, ярко проявившиеся на Юге, еще более расшатывали фундамент феодально-крепостнического господства. Во второй четверти XIX в. заметно ускорились формирование класса буржуазии из числа купцов, капитализировавшихся дворян, собственников ремесленных мастерских, богатых мещан и зажиточной части крестьянства. Вместе с тем возрастало обезземеливание крестьянского населения, обнищание его основной массы⁴.

В результате товаризации сельского хозяйства и промышленности, углубления общественного разделения труда и хозяйственной специализации отдельных регионов страны Украина к середине XIX в. представляла собой в целом район с преобладанием сельскохозяйственного производства и развитием обрабатывающих отраслей промышленности. В это же время заметно возросла роль рынка, с которым имели связи помещики, заинтересованные в сбыте продукции своих хозяйств и приобретении промышленных изделий, а также значительная прослойка неземледельческого населения. Са-

мый многочисленный класс — крестьянство — также втягивался в систему товарно-денежных отношений⁵.

Все это усиливало экономические связи украинских губерний с Центральной Россией, другими районами, способствовало дальнейшему вовлечению всей страны в сферу внешних сношений. Важнейшей исторической предпосылкой этих изменений было воссоединение Украины с Россией в 1654 г. Объединение сил двух братских славянских народов позволило создать надежный щит для отражения агрессивных действий Османской империи и крымских ханов и тем самым обеспечить условия для хозяйственного развития южных окраин, открытия и освоения черноморских коммуникаций со странами Южной Европы, Ближнего Востока, Северной Африки.

XVIII век положил начало внешнеторговым сношениям через молодые порты Червого и Азовского морей. Этот процесс довольно быстро набирал темпы в первой половине XIX в. Международная торговля здесь приобрела общероссийское и общеевропейское значение. С выходом России к черноморским берегам расширились прямые связи с Италией.

Исследуя состояние мирового хозяйства середины XIX в., К. Маркс указывал, что Южная Россия и Соединенные Штаты служили «двумя главными экспортными рынками» для наиболее развитых в промышленном отношении стран — Англии и Франции⁶.

Движение черноморской торговли оборачивалось выгодами как для России, в том числе Украины, так и для стран средиземноморского региона, получивших возможность использовать новый и кратчайший для многих из них путь торгового обмена. Основой расширения внешнеэкономических связей было освоение южных территорий и развитие капиталистических тенденций в сельском хозяйстве. Уже на рубеже XVIII и XIX вв. обороты внешней торговли на Черном море, центром которой стала Одесса, резко возросли. В течение 1798—1805 гг. экспорт через одесский порт увеличился в 44 раза, а импорт — в 18 раз⁷.

Следует отметить, что негативный момент в этот процесс вносился нарушениями со стороны Османской империи договоров относительно торговли и свободы мореплавания. В Петербург неоднократно поступали жалобы местных властей и негоциантов юга страны на неправомерные действия Порты и требования о возмещении нанесенных ею убытков. Так, в записке от 20 сентября (2 октября) 1823 г., направленной одесским купцом 1-й гильдии и корреспондентом Азиатского департамента Сикаром в министерство иностран-

ных дел, указывалось на препятствия, чинимые Портой торговле России с другими государствами и особенно с Италией. В 1822 г., писал Сикар, Турция закрыла Черное море «для генуэзских кораблей» и около трехсот из них возвратились, так и не получив возможности пройти к портам России. В 1823 г. Черное море также было «закрыто для генуэзских и неаполитанских судов»⁸.

В ответ Россия принимала меры по защите интересов торгового судоходства на Черном море. Прежде всего использовались дипломатические средства воздействия. В качестве примера может служить нота, адресованная 14(26) сентября 1822 г. уполномоченным дворов Австрии, Франции, Англии и Пруссии. В ней выдвигалось предложение о том, чтобы Порта отменила «все меры, принятые против торговли и свободы мореплавания на Черном море». Указывалось, в частности, на выбор одной из двух альтернатив: «либо она (Османская империя.— *Н. В.*) разрешит пропускать испанские, португальские, сицилийские и другие суда, либо она будет уважать тот флаг, под которым означенные корабли плавали прежде» (многие суда итальянских и других иностранных купцов в те годы ходили под российским флагом)⁹. Таким образом, дальнейшее укрепление позиций Российского государства на Черном море объективно служило стабилизации и углублению международных торговых отношений во всей Южной Европе.

Эта тенденция зримо проявилась в становлении и укреплении черноморского торгового обмена между Россией и Италией. С основанием Одессы и других портов начался один из новых этапов в истории двусторонних торговых связей — их переориентация на Юг России¹⁰. Соответственно возрастала роль Украины в развитии всего комплекса российско-итальянских, прежде всего экономических, отношений. На протяжении первой половины XIX в. на Апеннины через Украину в Ливорно, Триест, Геную, Неаполь поступал основной поток сельскохозяйственных товаров, производившихся главным образом в южных и юго-западных губерниях. В свою очередь черноморские порты превращались в главные центры итальянского импорта — фруктов, оливкового масла, изделий из шелка, предметов роскоши и др. Содержание привозной торговли из Италии, как и большинства статей импорта из южных стран, определялось в основном потребностями дворян, купечества, состоятельных слоев городского населения Причерноморья¹¹.

Большое место в расширении экономических связей занимала деятельность мореходов Лигурийского побережья, входившего в состав Сардинского королевства. Известные

своими давними традициями в освоении международных морских путей, они внесли вклад в развитие черноморской торговли в первой трети XIX ст. Изучавший в тот период непосредственно на юге Украины состояние торгового мореходства итальянский статистик Л. Серристоры в своей публикации привел характерный пример: в течение 1831 года в Черное море вошло 118 сардинских судов и лишь 5, принадлежавших другим странам¹². К середине столетия по количеству судов, прибывавших в черноморские и азовские порты (за исключением кавказских), итальянские занимали второе место после российских. В 1846 г. здесь побывало 404 торговых корабля под сардинским, неаполитанским, тосканским и римским флагами¹³.

Рассматривая развитие внешней торговли в качестве одного из средств скорейшего освоения южных территорий (Новороссии), правительство благоприятствовало привлечению сюда иностранцев и иностранного капитала, что нашло определенный отклик в Италии. В период основания Одессы наряду с купцами России, Греции и некоторых других стран в числе первых получили участки для заселения негоциант Ламбро из Триеста, Графени из Ливорно, другие итальянцы¹⁴. В 1802 г. торговцем Фурнье и ливорнским банкиром Жомом в городе был учрежден коммерческий банк с капиталом в 300 тыс. ливров¹⁵. В целом в первой четверти XIX в. среди негоциантов — выходцев Западной Европы — итальянцы представляли наиболее значительную группу¹⁶.

Одесские конторы итальянских купцов вступали в контакты с производителями сельскохозяйственной продукции в основном в южных и юго-западных губерниях. В руках купцов находилась значительная часть торгового флота, обеспечивавшего движение грузов между черноморско-азовскими и средиземноморскими портами. В 1843 г. эту трассу от начала до конца связало пароходное сообщение. Одесские пароходы «Одесса» и «Крым» начали сходиться в Константинополе с пароходами Ллойда и других иностранных компаний для обмена товарами, доставляемыми из Марселя, Генуи, Ливорно, Неаполя, Мальты, Триеста и других пунктов¹⁷.

Расположенные в разных концах Италии российские консульства основную часть своей деятельности посвящали торгово-морским связям. К их услугам нередко прибегали купцы и моряки черноморских и азовских городов. Так, в августе 1835 г. возле Мессины в результате шторма получила течь бригантина «Св. Николай» одесского купца Палеолога, направлявшаяся с грузом в Ливорно. Необходим был срочный ремонт, между тем в порты Сицилии не допускались суда с Востока, где свирепствовала эпидемия. И лишь благодаря

ходатайству российского консула бригантине разрешили причалить и разгрузиться в карантине Мессины, где команде оказали помощь: судно было «починено и по приговору экспертов найдено безопасным». Взяв на борт груз, оно отправилось к месту назначения¹⁸.

Вопросами черноморской торговли активно занимались и консульские службы итальянских государств в Одессе, Бердянске, Таганроге и других приморских городах, как свидетельствует сохранившаяся в ряде итальянских архивов их официальная переписка. Этому способствовало в определенной степени то, что в портовых городах Причерноморья и Приазовья консульские должности зачастую занимали владельцы торговых контор. Типичной фигурой дипломата-купца был Теодор Родокапакки, грек по происхождению. Продолжительное время он служил генеральным консулом Тосканы в Одессе, а его торговый дом занимался закупкой и продажей хлеба. В 1847 г. обороты Родокапакки достигали 4544 тыс. руб.¹⁹ Помимо финансовых операций контора Родокапакки непосредственно участвовала в перевозках различных международных грузов. Как отмечалось, например, в представленной правительству Тосканы консульской сводке о навигации по одесскому порту, бригантина Родокапакки под управлением капитана Карло Радзагуты в 1839 г. была единственным судном, прибывшим сюда под тосканским флагом²⁰.

Личная заинтересованность консулов в развитии черноморской торговли отражалась на содержании их отчетов, писем, годовых сводных таблиц и других документов, посылавшихся в Италию. В свои материалы, относящиеся особенно ко второй четверти столетия, они включали обильную и подробную информацию о состоянии внешнеторговых оборотов черноморских и азовских портов, датах прибытия и ухода судов, их количестве, национальной принадлежности, объемах, номенклатуре и стоимости товаров²¹.

Во многом аналогичный характер носили сообщения генерального консула Папского государства в Одессе, стремившегося ознакомить правящие круги и коммерсантов в Риме с общей картиной внешней торговли каждого черноморского порта и тем самым представить возможность увидеть место в этих связях итальянских экспортеров и импортеров. К примеру, отправленная им с препроводительным письмом от 20 февраля 1843 г. статистическая ведомость была полностью посвящена морской торговле Керчи. В документе говорилось о ее связях с Грецией, Англией, Турцией, а также отдельными районами Италии. Излагая сведения о ввозе товаров, автор отчета констатировал, в частности, что из Сицилии

в течение 1842 г. в Керчь поступали грузы с вином, апельсинами, лимонами и другими товарами ²².

Показательно, что внимание на черноморские торговые операции обращали также итальянские представительства, расположенные за тысячи верст от России. Так, консул Папского государства в Марселе в свои сводки о внешней торговле этого французского порта заносил подробные сведения о судах, прибывавших сюда из Одессы, Бердянска и других городов Южной Украины ²³.

Большой интерес, проявлявшийся в итальянских официальных и коммерческих кругах к черноморской торговле, усиливался тем обстоятельством, что купцы Италии занимались не только ввозом продукции для удовлетворения спроса на внутреннем рынке своей страны, но также посредничеством, обеспечивавшим их конторам дополнительные барыши. В первой половине столетия Италия превратилась в перевалочную базу сельскохозяйственной продукции, поступающей из портов Черного и Азовского морей для третьих стран, в первую очередь Англии, где в связи с дальнейшим ростом промышленности быстро увеличивалась численность городского населения и соответственно спрос на продовольствие. Огромные склады для хранения запасов продукции; предназначавшейся для дальнейшей транспортировки, находились в Ливорно, Триесте, Генуе.

Использование трассы от черноморско-азовских берегов до апеннинских содействовало более широкому включению Италии и России в систему мировых экономических взаимосвязей и укреплению базы сотрудничества стран Восточной и Западной Европы. В подъеме черноморской торговли со всей очевидностью проявлялась важнейшая закономерность эпохи с ее ломкой феодальной заскорузлости и обособленности отдельных местностей, сближением их хозяйственных интересов в рамках всемирного рынка, вызвавшего, по определению Маркса и Энгельса, «колоссальное развитие торговли, мореплавания и средств сухопутного сообщения» ²⁴.

Два фактора первостепенного значения — освоение южных территорий и расширение внешнеторговых морских операций — обусловили прилив переселенцев в новые районы Украины не только из глубинных, обжитых местностей страны, но и из-за границы. Растущий спрос на рабочие руки открывал путь для передвижения представителей разных слоев трудящихся. Соответствующие объявления в итальянской печати, посылка специальных вербовщиков и другие меры содействовали притоку рабочей силы в Северное Причерноморье. Существенными побудительными мотивами, вынуждавшими итальянцев покидать родные места в поисках

сных условий существования, были безработица и жестокая нищета. По уровню жизни народных масс Италия занимала одно из последних мест в Европе. Следует иметь в виду, что в этот период нужда гнала массы итальянцев также в Северную и Южную Америку, Францию, Англию и т. д.

Приток итальянцев в Россию был связан с основанием и высокими темпами строительства Одессы, превращавшейся, по образному определению современников, в столицу Причерноморья. Уже на третий год (1797) существования города в общем количестве жителей, составлявших 7—8 тыс. человек, было около 800 итальянцев, т. е. 10 процентов всего населения²⁵. Хотя абсолютное число последних на протяжении последующего полувека возрастало, их относительная доля в общем составе городского населения быстро падала в связи с интенсивным пополнением его русскими, украинцами, евреями и т. д. Так, в 30-х годах в Одессе насчитывалось 1600 итальянцев, что составляло 3 процента всех жителей города²⁶.

Компактные группы итальянцев обосновывались также в Феодосии, Керчи и некоторых других городах. Черноморско-азовская торговля во многом накладывала отпечаток на характер формирования профессионального состава этих переселенцев, — большинство их имело прямое или косвенное отношение к морскому судоходству. Среди них, помимо владельцев судов и контор по внешней торговле, были капитаны, лоцманы, матросы, портовые рабочие. Часть итальянцев занималась рыболовством, ремеслами. Более зажиточные открывали лавки, рестораны, постоялые дворы, преимущественно расположенные в припортовых зонах. Лишь незначительные группы итальянцев — крестьян — участвовали в сельском хозяйстве. Переселенцы из Апеннин довольно быстро сближались с местными жителями — записывались в купеческие гильдии, совместно с русскими и украинцами работали в командах кораблей, занимавшихся как международными перевозками, так и каботажом, поступали на государственную службу и т. д. В сезон навигации число итальянцев в черноморских и азовских портах возрастало за счет экипажей сардинских, неаполитанских и других итальянских судов, курсировавших на международных трассах. Прибытие торговых кораблей иных государств, в частности Австрии, также способствовало этим временным приливам итальянцев, поскольку в значительной мере их команды укомплектовывались уроженцами Генуи, Неаполя и других апеннинских городов. Согласно архивным документам, обнаруженным итальянскими исследователями истории промышленности и торговли, уже

в первые десятилетия XIX в. перевозки на Черном море «давали средства к жизни многочисленной прослойке моряков в Лигурии»²⁷. В целом развитие торгового мореплавания на Черном и Азовском морях оказало заметное воздействие на экономическую структуру ряда итальянских городов, прежде всего припортовых.

В то же время многие итальянцы — представители разных рабочих профессий — приезжали в Россию на заработки, с тем чтобы через определенное время вернуться на родину. Это было характерным для ремесленников (оловянщиков, мастеров гипсовых украшений и др.), мелких торговцев, которые, приискивая работу, объезжали различные губернии. Например, из билета, выданного Херсонским военным губернатором 7 ноября 1819 г., узнаем, что «оловянных дел подмастерье» сардинскоподданный Джованни Лонджинотти, 35 лет, не пожелавший оставаться в Одессе, отправился в Киев²⁸. Здесь же, в городе на Днепре, 3 сентября 1830 г. получили паспорта итальянские оловянщики Г. Сантини и Дж. Зени для проезда «обратно в свое отечество»²⁹. Сохранившийся в архиве объемистый журнал с торговыми записями на итальянском языке свидетельствует о том, что его владелец продавец картин и эстампов Джакомо Тессаро в январе-октябре 1835 г. исколесил тысячи верст. Свой товар он предлагал в Поволжье, Москве, Пензе, Тамбове, Воронеже, Харькове, Ромнах, Лубнах, Полтаве, Екатеринославе, Херсоне, Николаеве и других городах³⁰.

Вслед за моряками, торговцами, ремесленниками на южные окраины России двигались представители итальянской художественной интеллигенции (этот вопрос подробно рассматривается в части II). В связи с развитием городов и портов черноморско-азовского бассейна сюда направлялись мастера строительного дела, архитекторы. В Одессе в конце XVIII — начале XIX в. с их участием был возведен ряд монументальных зданий. Одно из первых — магистрат — сооружено в 1798 г. под руководством С. Вентури. Городской театр, план которого составил петербургский зодчий Тома де Томон, строился подрядчиком Поджио. В числе одесских архитекторов были Боффо, Моранди, Фраполи и др. Партии итальянских рабочих нанимались на различные строительные объекты. Поэт Батюшков, посетивший в 1818 г. Одессу, в письме от 12 июля отмечал, что «итальянцы пилят камни и мостят улицы: так их много!»³¹.

Участие увеличившегося количественно российского флота в перевозках в Италию вело, естественно, к расширению контактов с жителями страны непосредственно на их родине. Черноморские и азовские моряки и купцы посещали Ли-

ворно, Триест, Неаполь и т. д. Если пребывание моряков ограничивалось периодами стоянок в портах Италии, то купцы не всегда были связаны с рейсами грузовых судов. Для осуществления сделок со своими контрагентами они совершали вояжи по Италии даже в периоды драматических событий, потрясавших итальянское общество и его хозяйственный механизм, стремясь поддерживать деловые контакты на местах. Так, согласно сообщениям газеты «Гадзетта ди Рома», комплекты которой хранятся в Центральной национальной библиотеке в Риме, во время революционных событий 1848 г. в «вечном городе» среди прочих подданных Российского государства находились купцы. В период 7—8 июля в числе прибывших в Рим газета зарегистрировала «негоцианта, русско-го» Петра Ведейнсова, приехавшего из Ливорно, известного центра международной торговли. 12 декабря того же года из Рима в Неаполь отправлялся негоциант Павел Гаврилов³².

Предприимчивости купцов способствовала политика Российского государства по вопросам торговли. При всем своем резко враждебном отношении к революционным движениям и преобразованиям в антимонархическом духе в разных странах царское правительство вынуждено было сохранять сложившиеся торговые связи с ними. В письме от 29 января (10 февраля) 1824 г. находившемуся с миссией российского правительства в Берлине дипломату Моренгейму управляющий министерством иностранных дел Нессельроде в связи с событиями недавних революций в Южной Европе отмечал: «В 1820 г. Россия отозвала своего посланника из Неаполя, а в 1822 г.— своего поверенного в делах из Мадрида. Однако и в Неаполе, и в Испании Россия оставила своих консулов, ибо, как и остальные союзные державы, она отнюдь не желала, чтобы разрыв существовавших межправительственных отношений распространился на торговые связи, сложившиеся между частными лицами»³³.

Весьма примечательный в этом отношении документ, разысканный нами в Неаполитанском государственном архиве, был получен в Неаполе в разгар революции 1848 г. Это официальное уведомление новороссийского и бессарабского генерал-губернатора от 29 июля 1848 г. об издании распоряжения в подтверждение разрешения государственного канцлера иностранных дел «о беспрепятственном допущении в российские порты проходящих под трехцветным итальянским флагом судов». Данное распоряжение было сделано на основании образца флага, присланного из генерального консульства Обеих Сицилий в Одессе³⁴. Признание трехцветного флага, под которым боролись итальянские революционеры против монархических режимов, свидетельствовало о том,

что экономические интересы брали верх над догмами феодально-абсолютистских правителей.

В свою очередь, деятельность представителей итальянского делового мира не ограничивалась районом Причерноморья. Одним из показателей расширявшихся экономических контактов является их участие в многочисленных ярмарках, в частности на Украине. Из официального отчета о Крещенской ярмарке 1847 г. в Киеве, например, явствует, что среди 157 иностранцев, прибывших сюда, находилось 15 подданных итальянских государств³⁵. В действительности цифра эта была более высокой, поскольку статистика не учитывала в качестве итальянских тех купцов, которые приезжали из провинций Ломбардии и Венеции, включенных в Габсбургскую империю, и фигурировали как австрийские подданные.

В первой половине столетия участились поездки в Италию русских, украинских, польских помещиков. Эти вояжи представляют интерес в связи с тем, что способствовали ознакомлению с итальянской действительностью и самого угнетенного класса России, в том числе Украины, — крестьянства. Происходило это потому, что в зарубежные турне помещики, как правило, отправлялись в сопровождении многочисленной прислуги, состоявшей в основном из крепостных. Например, в заграничный паспорт, выданный в 1837 г. помещику Липовецкого уезда Киевской губернии князю М. Радзивилу для поездки «в Италию, австрийские и германские владения сроком на два года», были вписаны его крестьяне Остринский, Горбенко, Корниенко-Петринчук, Середницкий, «служитель» Бура, «дворовой человек» Голуб³⁶. Фамилиями крестьян различных губерний пестрят сохранившиеся в архивах дела о выдаче дворянам паспортов в Италию и другие страны.

Все это свидетельствовало о том, что в процесс сближения стран все шире включались низы — ремесленники, матросы, крестьяне. Движение к взаимопониманию и сотрудничеству все явственней прокладывало себе дорогу.

2. КАРБОНАРИИ И ДЕКАБРИСТЫ

В XIX век Россия и Италия вступили, продолжая возникшие в глубине веков и ставшие традиционными взаимосвязи. Именно с этого столетия в их отношениях открывается качественно новая полоса. Определяющим фактором происходящих здесь процессов становятся глубокие сдвиги в общественном базисе, выражавшие главную черту эпохи — переход от переживавшего свою нисходящую стадию феодализма к новой, капиталистической формации.

Обострение противоречий между производительными силами и производственными отношениями сопровождалось небывалым ранее подъемом борьбы масс, «войной народов и царей», возникновением в странах Европы революционной ситуации. Отечественная война 1812 г. против наполеоновского нашествия послужила важным катализатором освободительных идей на европейском континенте. В России она способствовала широкому пробуждению национального самосознания, распространению антикрепостнических и антимонархических настроений и идей. Усиление эксплуатации и ухудшение положения основного угнетенного класса общества — крестьянства, произвол и насилие помещиков и чиновников — все это накаляло социальные отношения, вызывало народные выступления против феодального гнета.

В условиях резкого обострения классовых столкновений на политическую арену страны выступили дворянские революционеры — декабристы, выдвинувшие впервые в России программу решительной борьбы против самодержавия и наметившие путь ее осуществления — вооруженное восстание. По определению Ленина, «самыми выдающимися деятелями дворянского периода были декабристы и Герцен»³⁷.

Для итальянского народа в рассматриваемый период свержение феодально-монархических режимов было такой же злободневной задачей, как и для народов России. Жестокая эксплуатация крестьян и городских низов переплеталась здесь с тяжелым иностранным гнетом. В 1815 г. Священный союз европейских монархов на своем Венском конгрессе закрепил реставрацию в Италии абсолютизма и раздробленность страны, создав тем самым условия для австрийского господства. Прямым следствием двойного гнета — внутренней и внешней реакции были массовое недовольство и мятежи.

В начале XIX в. итальянское освободительное движение, имевшее определенный опыт в предшествующие десятилетия, выходит на новый, карбонарский этап своего развития. Если на первой фазе (1807—1818 гг.) деятельность карбонариев ограничивалась в основном югом страны, то с эпохой Реставрации она охватывает всю Италию. Хотя и в этот период, несмотря на свою многочисленность, карбонарские ветви не могли преодолеть разобщенности, тем не менее в их политических программах и в организационной структуре было много общего. Требуя преобразования абсолютистских государств в конституционные, они выдвигали в качестве компонента своих программ лозунг национальной независимости и нередко единства страны. Свою миссию карбонарии видели в свершении политической революции, не затрагивающей,

однако, социальных отношений и прежде всего острейшего вопроса — об аграрных владениях. Внутри самого движения отсутствовало единство в понимании задач революции, что обуславливалось разнородностью его социальной базы — обуржуазившихся дворян и буржуазии, а также крестьянства и плебейских элементов города. При этом связи трудовых слоев с тайными обществами были слабыми и непрочными. В результате в карбонарском движении наибольшее распространение получили умеренно-либеральные взгляды с их идеалом конституционной монархии. Лишь меньшинство — радикально-демократические элементы — поддерживало республиканские лозунги ³⁸.

Условия и логика борьбы за социальное и национальное освобождение неизбежно ставили перед ее участниками в различных странах задачу поиска и установления взаимных связей. На эту тенденцию в революционном движении домарксистского периода указывал, анализируя исторический опыт России, В. И. Ленин ³⁹. Аналогичное явление было характерным и для итальянских революционеров. Карбонарии, занявшие в их рядах главенствующее место, с первых шагов своей деятельности находят взаимопонимание и поддержку у французских, швейцарских и других революционеров.

Проникновение в идейный мир зарубежных прогрессивных сил становится также отличительной чертой декабристских обществ. Стремление познать и осмыслить зарубежную действительность проявилось в освободительном движении России задолго до создания первых декабристских организаций. В годы, предшествовавшие Отечественной войне 1812 г., будущие декабристы наряду с изучением проблем родной страны устремляли свои взоры на Францию, Германию и другие европейские страны. К итальянским социально-политическим проблемам одним из первых среди них обратился Н. И. Тургенев, посетивший в 1811 г. Милан, Рим, Геную, Неаполь. В этих городах он знакомился не только с историческим прошлым, культурой страны, но и ее социальной действительностью, дававшей пищу для размышлений относительно путей общественного развития народов. В Италии Тургенев беседовал с работавшим там дипломатом П. Б. Козловским, среди друзей которого были члены карбонарских сект. В своей переписке с братом Тургенев отмечал, что его знакомства в этой стране привели к контактам с представителями итальянской общественности ⁴⁰.

Отечественная война 1812 г. и последовавший затем поход русских войск в Западную Европу дали возможность многим из тех, кто впоследствии стали основателями декабристских организаций, получить непосредственное представление

о жизни в зарубежных странах, общаться с представителями разных народов.

Период крушения наполеоновской империи стал важным моментом для итальянского освободительного движения, участники которого начинают все больше проявлять интерес к России, связывая с ней надежды на возрождение Италии. Однако сведения, которыми располагали итальянские патриоты о России в эти годы, не отражали всей сложности ее социально-политической действительности, порождая ряд иллюзий. Это выражалось в их представлении о том, будто Александр I может быть союзником в борьбе итальянского народа за освобождение из-под господства Габсбургской империи. Характерным проявлением подобных надежд было письмо тайного Комитета освобождения Италии, переданное через русского посла в Лондоне царю, а также королю Пруссии. В нем излагались расчеты на поддержку самодержцами целей Комитета — освобождение угнетенных народов Габсбургской империи, передача некоторых земель, в частности Галиции, в состав Российского государства⁴¹. Подобные апелляции к царю, одному из организаторов монархического «умиротворения» европейских народов, естественно, не могли вызвать сочувствия с его стороны. Это тем не менее не исключало особой позиции России по итальянскому вопросу. В отличие от меттерниховской Австрии российская дипломатия проявляла заинтересованность в территориальной целостности и политической независимости итальянских государств⁴².

Коллизии в официальных австро-российских отношениях, таким образом, в значительной мере сказывались на позиции участников итальянского освободительного движения, их планах и ожиданиях. Среди них ширилось стремление содействовать сотрудничеству между народами двух стран. В 1814 г. видный деятель карбонарского общества Л. Анджелони, обращаясь к Александру I, которого он тогда еще считал выразителем устремлений всей России, писал об итальянском народе как его «наиболее преданном и подходящем союзнике на юге Европы»⁴³.

Вместе с тем в ряды тайных обществ Италии проникают отдельные известия о появлении первых декабристских организаций. Около 1817 г., как отмечал в автобиографических заметках итальянский заговорщик Дж. Прати, он уже знал о русских офицерах — членах тайных обществ и в своей переписке высказывал желание заняться активнее вопросами, относящимися к России⁴⁴. Информацией о деятельности декабристских организаций располагал глава ломбардского тайного общества «Итальянская федерация» Ф. Конфалоньери. Источником этих сведений, как признался он на допросе,

проведенном австрийской полицией после восстания декабристов, был российский подданный граф Пален. До самого ареста между ним и Конфалоньери велась переписка, носившая политический характер⁴⁵.

В идейное сближение передовых сил России и Италии внесло свой вклад возникшее в 1814 г. в Одессе тайное общество «Филики этерия», ставившее своей целью подготовку и осуществление восстания греческого народа против османского владычества. В деятельности одесских этеристов отразилось существовавшее ранее сотрудничество между греческими и итальянскими патриотами. В Италии возникали и действовали первые тайные организации греков, одна из которых была основана в 1806 г. в Ломбардо-Венецианской области. Нити «Фелики этерии» с первых дней зарождения вели на Апеннины (Виченца), где существовал опорный пункт этой организации⁴⁶. 28 сентября 1820 г. в Одессе в ходе подготовки греческого восстания против османского владычества Александру Ипсиланти был передан список руководителей этеристских организаций в разных странах. Он открывался фамилией Х. Привариса, находившегося в г. Сан-Северо (Южная Италия). Руководители «Филики этерии» в Италии наряду с другими греками вносили значительные денежные взносы на осуществление целей своего общества⁴⁷.

Благодаря греческим поселениям в Италии и проживавшим там этеристам между югом России и Апеннинским полуостровом происходил интенсивный обмен сведениями о ходе освободительной борьбы народов. Значение этого канала связей намного возросло после греческого восстания в дунайских княжествах, начавшегося в 1821 г. под руководством А. Ипсиланти и послужившего сигналом к массовым антиосманским выступлениям в самой Греции. Итальянские портовые города использовались в качестве постоянных пунктов, откуда передавались сведения о действиях греческих повстанцев на Пелопоннесе и т. д. и через посредство одесской эфории (окружного комитета «Филики этерии») широко циркулировали в России, в том числе и на Украине. Тогда же члены «Фелики этерии» наладили специальную почтовую связь, предложив общинам Архипелага регулярно посылать судно в Барлетту, Триест и другие порты итальянского побережья. Связанные с этим расходы одесский центр организации обязывался взять на себя⁴⁸.

В этот же период в Италии, как и во многих губерниях России, начался сбор средств для греческих беженцев. Руководители созданного на базе местной эфории «Греческого филантропического общества» обратились с посланием к видным деятелям греческих общин разных стран, в том числе

итальянских городов Пизы, Ливорно и Триеста, с призывом оказать материальную помощь спасшимся от османских расправ повстанцам из армии Ипсиланти, а также присылать деньги на закупку оружия для патриотов, продолжавших борьбу на территории Греции.

Непосредственным откликом на проявление солидарности общественности России, Италии и других стран с борьбой греческого народа явилось составленное 13(1) марта 1821 г. донесение тосканского консула в Одессе, с приложенной к нему прокламацией Ипсиланти (в переводе на французский язык) от 23 февраля того же года. Свое сообщение тосканскому правительству консул начал с характеристики этой прокламации, выпущенной сразу после перехода Ипсиланти через российско-турецкую границу. Назвав ее «страстным воззванием князя А. Ипсиланти к греческой нации свергнуть турецкое иго путем всеобщего восстания», консул указывал, что в этой «революции» принимают участие греки, проживающие в Молдавии и Валахии. «Многие из них отправляются, чтобы присоединиться к повстанцам, и с этой целью производится сбор крупных денежных средств. Власти Российской империи удовлетворяются тем, что не отказывают в паспортах тем, кто просит их, и гостеприимно предоставляют в подходящих для этого местах карантина (Одесса.— *Н. В.*) убежища многочисленным семьям из Молдавии, решившим укрыться от опасности военных действий. В Бессарабию их уже прибыло более двух тысяч»⁴⁹.

В донесении не сообщалось никаких подробностей ни о личности Ипсиланти, ни о его национальной принадлежности, ни о прежней службе в русской армии в чине генерала. Подобную краткость трудно объяснить отсутствием у консула данных об Ипсиланти, известность которого была весьма широкой в Одессе и других южных городах. Наоборот, она свидетельствовала о том, что о руководителе восстания еще ранее имелась достаточная информация в тосканской столице. Посылая во Флоренцию экземпляр листовки Ипсиланти, консул тем самым обращал внимание своего правительства на провозглашенные в ней идеи международного единения свободлюбивых сил.

Воззвание начиналось словами «К оружию, доблестные греки, за Веру и Отечество!» Восстановление греческой независимости в нем трактовалось как дело международного значения. «Народы Европы, борющиеся за свои права и свободу, призывают вас (греков.— *Н. В.*) последовать их примеру» (в этот период в Испании и Италии происходили революции). «Цивилизованные народы Европы,— писал далее Ипсиланти,— трудятся для нашего счастья и выражают

благодарность нашим предкам за их благодеяния, желают свободы Греции. Стремясь быть достойными своих предков и своего времени, мы будем надеяться на поддержку и помощь этих народов»⁵⁰.

Как и в России, греческое восстание вызвало волну горячих симпатий среди передовых кругов Италии, увидевших в борьбе, подобно той, которую возглавил Ипсиланти, путь к освобождению и своей родины. Одними из первых откликнулись на это событие группировавшиеся вокруг флорентийского журнала «Антолоджиа» писатели и ученые, используя страницы издания для пропаганды идей греческих революционеров. Так, в сентябрьском номере за 1821 год редакция опубликовала обширную «Записку о разных народах, проживающих в европейской Турции». В примечании указывалось, что записка вызывает «большой интерес в нынешней обстановке; мы уверены, что делаем благодарное дело для читателей, предоставляя ее целиком, так как она проливает много света на разные народы, выступающие на сцене революции»⁵¹.

С глубоким уважением говорилось в записке о фактах научной, издательской, переводческой и другой культурной деятельности греков в европейских странах, в том числе в Италии. Публикация завершалась решительной поддержкой устремлений лучших представителей греческого народа. «Все, что мы рассказали о греках,— писал автор, скрывшийся под псевдонимом «Дж. Р. П.»,— несомненно доказывает, что эта нация не переживает упадка, как это говорят некоторые легкомысленные путешественники. Наступают более благоприятные обстоятельства и мы увидим ее возвращение на место своих предков. Однако в числе многих препятствий, сдерживающих ее, надо считать также политику некоторых государств христианской Европы!»⁵² В последних словах содержался намек, в частности, на Австрийскую империю, угнетавшую славянские, итальянский и другие народы и опасавшуюся освободительных движений где бы то ни было.

В общий поток международных связей передовой общественности вливалась также деятельность отдельных групп «вольнодумцев». На юге, в частности в Одессе, характерную форму организации «вольнодумцев» представляло «Общество независимых», раскрытое властями вскоре после восстания декабристов. Его основателем был приказчик В. И. Сухачев, принадлежавший к мещанскому сословию — «бендерскому малороссийскому обществу». В Одессе он начал работать с 1812 г. Долгое время Сухачев служил в торговой фирме купцов Сарато и Верани, суда которых осуществляли грузо-

вые рейсы к берегам Италии, главным образом в Ливорно. Тогда же он начал собирать библиотеку, которая состояла из русских, французских, итальянских и латинских сочинений. Постоянное общение с иностранными клиентами фирмы помогло ему овладеть французским и итальянским языками. Античная история вдохновила главу «независимых» на написание драмы «Велизарий», которую он завершил в 1825 г. В тайный кружок, время основания которого датируется 1822 годом, входили разночинцы — служащий нотариальной конторы М. К. Аристов, мелкий чиновник Г. С. Радулов и др. «Общество независимых» имело свою программу, которая требовала «следовать природе. Монаршей власти не признавать, а быть во всем равным». Наряду с произведениями зарубежных авторов члены общества изучали произведения Радищева, читали и распространяли вольнолюбивые стихи Пушкина ⁵³.

Таким образом, начиная с середины 10-х годов общественные связи России с Италией расширяются на базе освободительной борьбы народов. Эта линия получила дальнейшее развитие в деятельности начавших возникать обществ декабристов — главной силы первого этапа российского освободительного движения. Проявляя живой интерес ко всему, что имело отношение к борьбе итальянских патриотов, они искали и использовали всевозможные каналы получения необходимых сведений, черпая их из иностранной и русской прессы, переписки, рассказов лиц, побывавших на Апеннинах. Вместе с тем члены декабристских обществ прибегали к использованию торговых каналов связи, получивших особенно большое развитие в Одессе и других портовых городах Украины. Через моряков, коммерсантов и других лиц, периодически совершавших зарубежные рейсы, в страну поступали различные, в том числе политические новости. Так, отправляя письмо из Киева 30 мая 1820 г. А. Н. Раевскому, декабрист М. Ф. Орлов писал: «Говорят, что в Риме открыт заговор и что по сему случаю 35 т. австрийцев выступили к сему городу. Дальнейших известий еще не имеем, да и сие известие не совсем официальное, но *торговое* (выделено нами. — Н. В.)» ⁵⁴.

Однако основным источником сведений о революционных событиях в Италии и других странах являлась пресса, помещавшая довольно подробные сообщения о революциях на юге Европы ⁵⁵. Материалы петербургских, московских, зарубежных изданий широко распространялись на Украине, в частности, путем пересказов и обсуждений печатных сообщений. Одним из центров такой информации был Киев, который, как считали декабристы — славяне и южане, — «богат рассказчиками разных новостей и газетистами» ⁵⁶.

Следует отметить, что печать России и ранее уделяла значительное внимание вопросам общественно-политической борьбы в Италии и связанных с ней международных отношений. Уже в начале деятельности Священного союза журнал «Сын отечества» и некоторые другие органы печати публиковали статьи о терроре австрийских оккупантов на итальянской земле. «Дух журналов» рассказывал о том, что «число недовольных австрийским правительством в Ломбардии и Венеции умножается с каждым днем» (1815 г.). Тогда же российская публицистика склонялась к выводу о целесообразности объединения Италии, хотя этот тезис интерпретировался в монархическом духе. В 1814 г., ссылаясь на рижскую немецкую газету, «Вестник Европы» писал, что «итальянцы изъявляют желание без всякого раздробления их владений составлять один народ»⁵⁷.

Проявившаяся в период возникновения Священного союза тенденция печати отойти от сугубо апологетической информации нашла продолжение в 1820—1821 гг. при освещении событий неаполитанской и пьемонтской революций. Эти публикации косвенно помогали формированию глубоко отрицательного мнения передовой общественности о Священном союзе, покровительствовавшем политике Габсбургов по отношению к Италии, и о решении конгресса монархов в Троппау вмешаться вооруженным путем в дела охваченных революциями стран. Русские газеты и журналы подробно сообщали о ходе борьбы в Италии, составе участников восстаний, конституционных требованиях восставших. Особенно много материалов появилось о неаполитанской революции. В публикациях о ней «Московские ведомости» отмечали, что «мятежнические войска называются ныне патриотами». В газете рассказывалось о репрессиях реакции в связи с событиями в Неаполе против революционеров и сочувствующих им в Милане, Модене и других городах. В одной из заметок, помещенной в начале ноября 1820 г., говорилось, что моденское правительство постановило: «все принадлежащие к обществу карбонарии или находящиеся с ними в каких-либо сношениях признаются государственными изменниками и подвергаются смертной казни»⁵⁸.

В ходе подъема освободительной борьбы в Италии газеты и журналы Петербурга и Москвы публиковали заметки, свидетельствующие о стремлении патриотов разных стран к взаимопониманию и солидарности. «Вестник Европы» писал о симпатиях итальянских карбонариев к испанской революции, желании испанцев помочь Италии в борьбе против иностранных интервентов. Журнал с осуждением рассказывал о начавшейся после подавления неаполитанской револю-

ции австрийскими войсками вакханалии реакционеров, сжигавших в Неаполе книги Вольтера, Руссо, Баффо и др.⁵⁹ Материалы о репрессиях против участников итальянского освободительного движения появлялись на страницах русской прессы и в последующие годы. Так, через пять дней после восстания на Сенатской площади «Московские ведомости» в заметке из Рима сообщали, что «комиссия, учрежденная для суждения содержащихся под стражею карбонаров», вынесла решение о смертной казни Анджело Таргини и Леониди Монтанари, пожизненном заключении Луиджи Спадони и Помпео Гарофалини, десятилетнем заключении Лодовико Гасперони и Себастьяно Риччи. «23-го с. м., — добавляла газета, — два первых казнены гильотиною на площади Дель Пополо»⁶⁰.

Таким образом, прогрессивная общественность России регулярно получала информацию о событиях в Италии. За иностранными материалами прессы особенно пристально следили члены декабристских организаций, активно содействуя распространению политических известий. Помимо периодических изданий Петербурга и Москвы, они систематически читали французские, немецкие и другие газеты. Вспоминая об этом, член Южного общества А. Поджио писал: «Дух преобразования взволновал народы. Испания, Неаполь, Пьемонт, Греция вслед одно за другим приняли образ свободного правления. С тех пор журналы с рук моих не сходили». Он отмечал, что «с величайшим вниманием» следил за всеми зарубежными новостями вплоть «до малейших происшествий»⁶¹.

Извлекавшиеся из различных источников сведения служили членам Северного и Южного обществ, Общества соединенных славян важнейшим материалом для размышлений о характере происходивших в южноевропейских странах революций, выработки собственного отношения к ним и их оценки, вызывали чувство солидарности. Неудивительно, что в доносе предателя Грибовского сообщалось: члены тайных обществ «не могли скрыть подлой радости при происшествиях в Испании и Неаполе»⁶².

В то же время в общественных кругах и среди офицеров нарастала волна недовольства и возмущения интервенционистскими планами Священного союза и двуличной позицией Александра I. «Офицеры не желают идти против неаполитанцев», — свидетельствовал в письме (март 1821 г.) один из ближайшего окружения царя князь И. В. Васильчиков. Вступление в войну, отмечал он, будет непонятным «простым смертным... и произведет дурное впечатление»⁶³.

Большую роль в формировании общественного мнения

в пользу итальянских патриотов играли декабристы. Эта деятельность базировалась на их программных установках, требовавших активного участия в борьбе за создание прогрессивных представлений и мнений в обществе. В «Русской правде» Пестель, в частности, писал, что власть феодальной аристократии «общим мнением всегда потрясена быть может и, следовательно, некоторым образом от общего мнения зависит»⁶⁴.

Узнав о намерениях Александра I оказать содействие Австрии в подавлении итальянской революции, декабристы повели активную борьбу против вовлечения страны в военную интервенцию. В эти месяцы особенно энергично действовал Пестель. Посланный штабом 2-й армии из Тульчина в район бессарабской границы для сбора сведений о вспыхнувшем греческом восстании, он использовал свои поездки в интересах не только греческих революционеров, но и пьемонтских карбонариев, против которых по решению конгресса монархов в Троппау затевалась интервенция Священного союза. В докладных записках Пестель доказывал необходимость срочной помощи греческому народу. Предложения декабриста были направлены тем самым против решения европейских монархов, с одной стороны, не допускавшего вмешательства России в греческое восстание, с другой — требовавшего участия ее в военном подавлении пьемонтской революции. В своем письме начальнику штаба 2-й армии Киселеву от 25 мая 1821 г. он обращал внимание на опасности контрреволюционной политики Габсбургов: австрийцы «стремятся расширять, насколько это возможно, пределы своей империи и иметь влияние повсюду и рассматривают как враждебный всякий народ, который не состоит в числе его политических клиентов»⁶⁵. По справедливому замечанию академика М. В. Нечкиной, Пестель «работал в условиях острой альтернативы: или вмешательство России в греческое, или пьемонтское восстание». Высказываясь за оказание военной помощи грекам и таким образом в пользу революционного восстания, он тем самым «отвлекал царизм от интервенции в Пьемонт»⁶⁶.

В своих предложениях, предназначавшихся для правящих верхов, Пестель не мог не учитывать и того, что в самих правительственных кругах не было единодушия относительно военного вмешательства в дела стран, охваченных революциями. В 1820—1821 гг. в числе противников курса Священного союза на контрреволюционную интервенцию в страны Западной Европы был статс-секретарь по иностранным делам И. А. Каподистрия, что, собственно, и послужило вскоре основной причиной его отставки⁶⁷. В конце концов между-

народная ситуация сложилась так, что Александр I был вынужден отменить свое решение об участии России в интервенции.

Деятельность передовой общественности России, выражавшей чувство солидарности с итальянскими и другими зарубежными революционерами, не оставалась безвестной для патриотов Италии. Они пристально следили за известиями из России и высказывали надежды на защиту и помощь ее в борьбе против австрийской интервенции. Об этих настроениях неоднократно сообщали в своих донесениях в Петербург дипломатические представители России, находившиеся в Италии⁶⁸.

Показательно, что стремление итальянских революционеров добиться понимания прогрессивных сил за рубежом вдохновило в 1821 г. выдающегося поэта и писателя Алессандро Мандзони на создание оды «21 марта». Откликаясь в ней на борьбу патриотов Пьемонта за освобождение от австрийской оккупации соседней Ломбардии, поэт заявлял, что свободолюбивые народы Европы сочувствуют благородным устремлениям итальянцев, и благодарил их за моральную поддержку.

Поражение революций в Италии и других странах, репрессии монархических правителей против патриотов — все это глубокой болью отозвалось в сердцах декабристов. Они всегда помнили тех, кто смело поднял знамя революции. Находясь в крепости, Каховский писал 24 февраля 1826 г.: «Народы Европы вместо обещанной свободы увидели себя утесненными, просвещение — сжатым. Тюрьмы Пьемонта, Сардинии, Неаполя, вообще всей Италии, Германии наполнились окованными гражданами»⁶⁹. С гневом говорили декабристы об австрийской монархии, расправившейся с карбонарием Ф. Конфалоньери, писателем С. Пеллико, другими участниками освободительного движения.

На революционные события в Италии страстно откликнулся Пушкин, находившийся в это время на юге страны и встречавшийся со своими друзьями из декабристских организаций. В беседах со знакомыми в Кишиневе он высказывал пожелания успеха неаполитанской революции. В написанном в начале апреля 1821 г. поэтическом послании декабристу В. Л. Давыдову Пушкин показал, как дорого было ему дело борьбы карбонариев. В нем он вспоминал о своем пребывании в Каменке, имении Давыдова, где собравшиеся декабристы горячо обсуждали судьбы итальянской революции. В заключительной части послания поэт напоминал о здравницах декабристов в честь «тех и той» — карбонариев и революции в Неаполе. Говоря о поражении повстанцев, он в то же время

высказывал уверенность, что борьба не прекратилась, выражая надежду на революцию в России:

Ужель надежды луч исчез?
Но нет! — мы счастьем насладимся,
Кровавой чаши причастимся ⁷⁰.

Знаменательно, что, слагая эти строки, Пушкин находился под непосредственным впечатлением от встреч с Пестелем. 9 апреля 1821 г. поэт записывал в своем дневнике: «Утро провел с Пестелем; умный человек во всем смысле этого слова... Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч.» ⁷¹.

Интерес членов декабристских организаций к итальянскому освободительному движению часто фокусировался на карбонарских сектах — вентах. Так, в беседах членов Общества соединенных славян и близких к ним офицеров упоминания о «карбонарии» было обычным явлением, сама же деятельность ее, по свидетельству прапорщика В. А. Бечаснова, вызывала споры ⁷². Особое внимание декабристы обращали на программные установки карбонариев. В своих ответах на вопросы следственной комиссии один из руководителей Васильковской управы Южного общества М. П. Бестужев-Рюмин писал: «Цели итальянских обществ различны. Иные хотят возобновить римскую республику. Другие сделать из Италии федеративную республику. Прочие хотят ввести в Неаполе конституцию в роде испанской, а остальные части, как то: Тосканию, Ломбардию, Венецию, Геную сделать особенными независимыми республиками. Цель общества в Пьемонте мне неизвестна» ⁷³.

Декабристы также интересовались организационными принципами карбонарских организаций и стремились их учитывать. Это наиболее ярко проявилось в Обществе соединенных славян, где применялись некоторые формы карбонарского ритуала при приеме новых членов, а также ставились задачи расширения рамок организации ⁷⁴.

Разрабатывая свою программу и тактику, организационные формы и средства борьбы, которые наилучшим образом отвечали бы условиям российской действительности, декабристы внимательно изучали опыт зарубежных революций. Эти поиски сыграли определенную роль в формировании их собственной концепции военной революции. Мысль о военном перевороте отражала характерную для дворянских революционеров идеологию, делавших ставку на борьбу против царизма без прямого и сознательного участия народных масс, и выдвигалась еще до того, как вспыхнули революции во главе с офицерами в Южной Европе, в том числе в Италии.

В опыте этих революций декабристы находили подтверждение своим взглядам на тактику революционной борьбы с самодержавцем. Вспоминая о том, какой живой интерес вызвало у декабристов, в частности, неаполитанское восстание, А. Поджио в своих записках акцентировал внимание на форме этого выступления, — когда «целые армии восстают, имея во главе Пепе (генерал. — *H. В.*), выражающие собой всю силу событий!»⁷⁵.

При обсуждении форм будущего государственного устройства России декабристы стремились учесть опыт итальянских и других зарубежных революций. Пестель и его единомышленники смогли сделать правильные выводы из поражений этих восстаний, окончательно отвергнув идею конституционной монархии. Ее эфемерность они увидели на примере предательского поведения неаполитанского короля, сначала присягнувшего на верность конституции, а вскоре призванного Священным союзом к интервенции. Как писал в своих показаниях следственной комиссии Пестель, «происшествия в Неаполе, Гвспании и Португалии имели тогда большое на меня влияние. Я в них находил, по моим понятиям, неоспоримые доказательства в непрочности монархических конституций и полные, достаточные причины к недоверчивости к истинному согласию монархов на конституции, или принимаемые ими. Сии последние соображения укрепили меня весьма сильно в республиканском и революционном образе мысли, которые разделяли весьма многие члены тайного общества. Все сие произвело, что я сделался в душе республиканец и ни в чем не видел большего благодетствия и высшего блаженства для России, как в республиканском правлении»⁷⁶.

Укрепление идей республиканизма стало важной вехой в развитии социально-политической мысли передовой России, опережавшей либерально-умеренные программы, преобладавшие в карбонарских и других зарубежных освободительных движениях. Разрабатывая проекты будущего устройства страны, декабристы не только анализировали итоги современных им революций, но и изучали достижения передовой общественной мысли — отечественной и зарубежной. Глубокий интерес к философской, политической, исторической, юридической и экономической литературе был характерной чертой их идейной жизни. Среди книг, паходившихся в центре внимания дворянских революционеров, были и произведения итальянских просветителей. Знакомству с ними большое внимание придавал Пестель, делая выписки из сочинений, посвященных социальным наукам. В свою записную книжку он вносил, например, заметки из Беккариа — выдающегося мыслителя итальянского просвещения XVIII в., автора

юридического трактата «О преступлениях и наказаниях». Согласно показанию Н. И. Комарова перед следственной комиссией, Пестель советовал вновь вступившим в тайное общество «приготовлять себя внимательным чтением подобных авторов, как Бекарриа (Беккарриа), Филанжерри (Филанджерри), Махавеля (Макиавелли), Вольтера, Гельвеция, Цей (Сэй), Смита и прочих в сем роде», ибо без заключенных в них понятий и сведений, «рассуждающих о возвышенных обязанностях человека-гражданина», невозможно «быть полезным ни себе, ни обществу, ни отечеству»⁷⁷.

Произведения этих авторов, укреплявшие идеи гражданственности и свободомыслия, включал в круг своего чтения А. В. Поджио. Беккарриа и Филанджерри он называл в числе «лучших учителей права»⁷⁸. Их работы после вступления в Южное общество штудировал также Н. А. Крюков, в результате чего он, по его признанию, «получил яснейшее понятие об устройстве правления представительного»⁷⁹. Наследие представителей эпохи Просвещения высоко ценили члены Общества соединенных славян. Прочтение трудов Беккарриа и Филанджерри, отмечал в своих показаниях перед следственной комиссией Ю. К. Люблинский, «дало мне познать всю силу человеколюбия»⁸⁰. Чтобы знакомиться с сочинениями зарубежных мыслителей в оригинале, он самостоятельно, без посторонней помощи освоил итальянский и другие иностранные языки.

Интерес декабристов к прогрессивному идейному наследию итальянского народа развивался в русле общего подъема общественного сознания в России. Так, сочинения Беккарриа и его основной труд «О преступлениях и наказаниях» пришли в Россию в конце XVIII в. и уже тогда распространились в рукописях, а позже в двух печатных переводах, изданных в Петербурге. Эти книги приобретались в личные библиотеки не только дворянами, но и мещанами. Их читали, о них вели споры в самых отдаленных городках⁸¹.

Внимательно изучая произведения отечественных и зарубежных ученых, декабристы использовали их суждения для комментирования социально-политической действительности России и других стран. В то же время они не считали, что эти работы дают готовые рецепты для их деятельности, а вырабатывали самостоятельные решения, пригодные, по их убеждению, для достижения прогресса Отчизны.

Первые российские революционеры с большим интересом изучали также историю Италии, в том числе античную, стремясь, в частности, найти в ней сюжеты и мотивы, созвучные идеям освободительной борьбы. Об этом свидетельствуют «вольномысленные» ~~сочинения~~ Общества соединенных сла-

вян Я. М. Андреевича. Давая пояснения царским следователям относительно стихотворения, в котором воспеваются С. И. Муравьев-Апостол, он писал: «Я вспомнил римлян, которые из любви к своему отечеству решились на все». Высоко оценивая их «благородную решимость», автор, по собственному признанию, «вообразил Муравьева таковым» в своем поэтическом произведении⁸².

В своих идейных исканиях как декабристы, так и карбонарии стремились к прямым контактам между собой. Такие попытки предпринимались неоднократно, однако носили разрозненный характер. Тем не менее каждый факт общения представляет особую ценность, поскольку в нем олицетворялся опыт прямого сотрудничества революционеров двух стран. Один из таких документально подтвержденных фактов был раскрыт в деятельности итальянского подданного карбонария Мариано Джильи. Преподаватель и ученый-филолог, «бежавший из своего отечества» во время усилившихся гонений на передовых деятелей в Италии в 1819 г., обосновался в Петербурге, где организовал небольшую тайную группу по карбонарскому образцу, которая впоследствии влилась в Союз благоденствия⁸³.

На Украине декабристы стремились наладить контакты с итальянскими карбонариями через посредников. В 1824 г. руководители Южного общества установили связи с польским Патриотическим обществом. В договор, заключенный между ними, был внесен пункт о том, что польские революционеры обязуются помочь в сношениях декабристов с тайными обществами за рубежом. Осуществлять связи с «внешними обществами» поручалось Васильковской управе во главе с Бестужевым-Рюминым. Члены Патриотического общества, имевшие контакты с иностранными тайными организациями, при встречах с декабристами в Киеве передали сведения об итальянских вентах⁸⁴.

В свою очередь, руководители карбонариев, придававшие большое значение международным связям, тайно направляли своих посланцев в различные страны, в том числе в Россию. На их следы лишь изредка удавалось напасть полиции⁸⁵. Одновременно итальянские революционеры искали контактов с представителями прогрессивных кругов России у себя на родине, а также в других странах.

Эти контакты, на трудность выявления которых не раз сетовали историки, имели, однако, более широкий контекст, в них вовлекались представители различных кругов прогрессивной общественности. В Италии с карбонариями неоднократно встречался и беседовал на политические темы Козловский, придерживавшийся либеральных воззрений⁸⁶. В России

с декабристами был близок тосканский подданный Луиджи Серристоры, разделявший взгляды умеренного крыла итальянского освободительного движения. Само появление его в России явилось своеобразной ответной реакцией на волну репрессий, к которым прибегли австрийские власти в Северной Италии в 1819 г., закрыв миланский журнал «Кончилияторе». Именно в этом органе прогрессивных общественных деятелей и писателей вплоть до его запрещения сотрудничал Серристоры. Тогда же он поступил на государственную службу в России в качестве военного топографа Главного штаба и в середине 20-х годов жил и работал в Одессе и других южных городах. О том, что события, связанные с движением декабристов, оказались для Серристоры предметом особого внимания, свидетельствуют обнаруженные в Италии его личные бумаги, относящиеся ко времени службы в России. Среди них — список офицеров Главного штаба, в котором им были зачеркнуты фамилии многих из тех, кто имел отношение к декабристам (Муравьев 1-й, Муравьев 3-й, Жихарев и др.). Во Флоренцию попала также копия приказа начальника Главного штаба Дибича от 29 апреля 1826 г., в котором сурово осуждалось какое-либо участие в тайных обществах и запрещалось военным вступать в подобные организации⁸⁷. Показательно, что вскоре после восстания декабристов Серристоры взял годичный отпуск и 13 ноября выехал из Одессы во Флоренцию.

Вполне закономерно, что представители итальянской общественности, в том числе и те, кто непосредственно общался с декабристами, одними из первых откликнулись на их восстание, когда Россия, по определению В. И. Ленина, «впервые увидела революционное движение против царизма»⁸⁸.

Вооруженное выступление декабристов, когда очаги революции на Юге Европы были уже жестоко подавлены, стало событием первостепенного значения для различных слоев общества в разных странах. «Оно поколебало почву под зданием Священного союза, нанеся ему удар с той стороны, которую реакционные правительства считали наименее уязвимой»⁸⁹.

Известия о восстании стали поступать на Апеннины по различным каналам. Реляции дипломатических представителей из Петербурга повторяли официальные версии царского правительства, хотя и содержали попытки дополнить их собственными оценками. Так, в документах представителя Сардинского королевства выступление декабристов характеризовалось как «преступное покушение», попытка «самого большого переворота» со времен Французской революции 1789—1794 гг. В письме из Петербурга от 18 февраля 1826 г.

восстание изображалось как результат некоего международного заговора, деятельности революционного «верховного комитета», который якобы руководил всеми тайными обществами в разных странах⁹⁰.

Последнее утверждение было прямым перепевом пропагандистских измышлений одного из ведущих деятелей контрреволюционного Священного союза — австрийского канцлера Меттерниха, стремившегося обосновать необходимость жесточайших репрессий против любых прогрессивных изменений в Европе и тем самым обеспечить господство Габсбургской империи над поработоченными народами.

Между тем для монархов в Италии восстание декабристов стало прежде всего суровым напоминанием о революционных событиях 1820—1821 гг. в Неаполе и Пьемонте, после которых абсолютизм там был восстановлен лишь благодаря австрийским штыкам. Все это показывало, что дальнейшая судьба феодально-монархического строя в государствах Апеннинского полуострова зависит от прочности позиции реакционных сил в других частях европейского континента и прежде всего в империях Священного союза.

Рассматривая неприкосновенность института самодержавия в России как одну из предпосылок собственного господства, феодальные верхи Италии с нетерпением ждали известий о вступлении на престол нового императора. На этот момент указывают сохранившиеся в Неаполитанском государственном архиве документы Королевства двух Сицилий. Из них видно, что к оперативному информированию двора в Неаполе было привлечено не только официальное представительство в Петербурге, но и генеральное консульство в Одессе. В обнаруженном нами письме (в архиве сохранилась переписанная в тетрадь типа журнала копия) от 2(14) января 1826 г. на имя королевского министра Луиджи де Медичи консул отмечал, что из ранее посланных донесений министерству «уже совершенно известно» о «волнениях..., имевших место в Петербурге 14(26) декабря». В угоду желанию неаполитанского короля видеть царизм победителем революции автор донесения спешил заверить, что военные и гражданские власти, «наконец все классы нации во всех местностях» дали присягу императору Николаю I и уже «наслаждаются полным спокойствием»⁹¹. В своем стремлении успокоить короля консул выдавал желаемое за действительное, ибо в то время, когда составлялось его письмо, на Украине происходило восстание Черниговского полка во главе с декабристами.

Сообщения о революционных событиях в России поступали на Апеннины в то время, когда во всех частях полу-

острова сохранялось напряженное положение в связи с продолжавшейся после революций 1820—1821 гг. деятельностью карбонарских и других тайных организаций, подготовкой ими в ряде провинций новых выступлений. Полиция итальянских государств, как свидетельствуют, в частности, документы Государственного архива Рима, в 1826 г. прилагала немалые усилия, чтобы обеспечить «спокойствие» в стране. Дела Папского государства, сохранившиеся в фонде «Собрание политических и секретных документов», содержат множество сведений о событиях антиправительственной и антифеодальной направленности в столице и на периферии папских владений, а также в других итальянских государствах. Агенты докладывали об активизации карбонарского общества, в частности, в провинции Кампания. В августе 1826 г. полиция Пьемонта, Рима и Неаполя сообща разыскивала прибывшего из-за границы «эmissара революционной венты» Луиджи Читти и т. д.⁹²

В этих условиях сообщения о восстании в России усиливали опасения реакции за судьбу абсолютизма в Италии. Соответственно власти пытались воздействовать на общественное мнение, направить его в нужное для них русло. Естественно, не осталась без внимания и печать⁹³: известия о революционном выступлении декабристов составлялись в духе нерушимости абсолютистских принципов. Такого рода материалы уже в январе 1826 г. появились в ряде местных газет, в частности в «Диарио ди Рома» («Римский дневник»), «Гадзетта ди Дженова» («Генуэзская газета») и др. О том, что этим публикациям придавалось немаловажное значение, свидетельствует тот факт, что они собирались в делах государственных канцелярий, в частности Папского государства⁹⁴.

Первые же публикации о вооруженном восстании на Сенатской площади отражали версию царского правительства, которую распространяли за рубежом дипломатические представители России. В таком духе было написано и попало в неаполитанскую печать сообщение управляющего министерством иностранных дел России К. В. Нессельроде. На публикацию этой депеши (январь 1826 г.) «о беспокойствии, происшедшем в Петербурге», обратил внимание известный художник С. Ф. Щедрин, проживавший в это время в Неаполе. Депеша была составлена так неопределенно, что в поисках «подробностей» о России он письменно обратился в Рим к знакомому скульптору С. И. Гальбергу⁹⁵.

Вместе с тем некоторые итальянские газеты уже в январе 1826 г. приступили к публикации подробных материалов о восстании в России. Среди них была ежедневная «Гадзетта

ди Милано» («Миланская газета»), издававшаяся в центре оккупированной австрийцами Ломбардии. По нашим подсчетам, сделанным на основании полного годовичного комплекта газеты, хранящегося в фондах Центральной национальной библиотеки им. Виктора Эммануила II в Риме, материалы о декабристах печатались в течение января-октября в 27 номерах. Как правило, большие по объему, они занимали около четверти всей газетной площади. Из самого факта широкой публикации статей на эту тему читателю нетрудно было понять, что речь шла о событии из ряда вон выходящем.

Действительно, такое информирование о восстании в России было необычным для периодического издания, выходившего в условиях сурового репрессивного режима, существовавшего в Ломбардо-Венецианской области. Здесь, как и во всей Австрийской империи, действовала строжайшая цензура, которая хотя и усилилась в начале XIX в., однако была не в состоянии полностью изолировать общественность от передовых веяний эпохи⁹⁶.

Появление большого числа публикаций о революционерах России в значительной мере обуславливалось особым положением Ломбардо-Венецианской области на Апеннинах. Оккупационные порядки, господствовавшие здесь, наиболее выразительно подчеркивали репутацию душителя свободы и независимости, которой пользовалась габсбургская монархия в Европе. Захваченная ею область была превращена в объект колониальной эксплуатации. Путем непомерно высоких налогов, усиливавших нищету итальянских масс, отсюда выкачивались средства для покрытия бюджетного дефицита венского двора. Экономическая эксплуатация сопровождалась политическими преследованиями. Все это сказывалось на общественном мнении внутри Италии, а также вызывало негативный резонанс в Европе. Репрессивная практика австрийской администрации осуждалась, например, в некоторых газетах соседней Швейцарии. Свое недовольство в силу различных соображений выражали и круги, далекие от симпатий к революционерам. Даже папский легат Спина в 1822 г. вынужден был заявить, что «все население Италии солидарно лишь в своей ненависти к Австрии и в жалобах на порабощение, в котором держат Италию»⁹⁷. Это, однако, не мешало самим властям Папского государства прибегать в тот же период к не менее жестоким репрессиям по отношению к карбонариям и всем подозреваемым в связях с ними.

Чтоб прикрыть свою репрессивную политику, габсбургский двор, с одной стороны, толкал правительства других стран (итальянских государств, России и др.) к активизации действий против освободительных движений, с другой — че-

рез печать распространял сведения, имевшие целью убедить общественность в том, что расправы над противниками абсолютизма являются общепринятой практикой и осуществляются не только в Австрийской империи. Тактика Меттерниха, таким образом, была сопряжена с необходимостью освещения в местной печати некоторых аспектов деятельности революционеров, подвергавшихся наказаниям в разных странах, в том числе в России.

Публикациям о декабристах косвенно содействовала и дипломатическо-пропагандистская дуэль между Меттернихом и Николаем I, вспыхнувшая вскоре после восстания в Петербурге. Она отражала несходство в толкованиях ими причин зарождения и распространения революционных движений и была в целом проявлением более глубоких противоречий между двумя империями на международной арене. Вопреки факту вооруженного восстания российский император при первой же встрече с дипломатическим корпусом зарубежных стран 20 декабря 1825 г. (1 января 1826 г.) заявил, что для революции «в России нет оснований». Причину того, что произошло на Сенатской площади, он видел лишь во влияниях «новых теорий», заимствованных «в чужих краях». Согласно этой версии царя, революции возможны только на Западе. В качестве примера он привел Испанию и Пьемонт. «Слава богу,— заверял император,— мы до этого еще не дошли и не дойдем никогда»⁹⁸.

На очевидную беспочвенность подобных утверждений указывал Меттерних, в частности, в депеше, отправленной австрийскому посланнику в Петербурге. «Волнения 14 декабря...,— писал австрийский канцлер,— показывают, что Россию также легко возмутить, как это возможно, к сожалению, в наше время со всеми странами»⁹⁹.

В таких условиях в миланской газете стали появляться статьи о декабристах. Понятно, в общих оценках их деятельности редакция придерживалась официальных трактовок революционного движения вообще. Вместе с тем обилие публикаций содействовало распространению большого количества фактов о событиях в России. В результате этого публикации вышли за рамки обычных стереотипных откликов.

Первое подробное сообщение о декабристах было напечатано 16 января 1826 г., на 21-й день после вооруженного выступления в Петербурге. В его основу был положен текст реяции, опубликованной «Санкт-Петербургскими ведомостями» 15 декабря 1825 г. Из него итальянские читатели узнали не только о самом факте восстания, но и ряд подробностей, в том числе о выходе из казарм восставших солдат Московского полка «с развернутыми знаменами» и прибытии их на

Сенатскую площадь. Упомянулся также один из кульминационных эпизодов — выстрел в военного генерал-губернатора М. А. Милорадовича, пытавшегося воспрепятствовать действиям повстанцев. Покушение, говорилось в газете, совершил «мужчина в гражданской одежде». Это был П. Г. Каховский, однако ни его фамилия, ни фамилии других участников «мятежа» не назывались. Завершалась статья рассказом о трагическом финале — применении артиллерии и кавалерии против восставших и массовых облавах и арестах. В этом месте были допущены некоторые отклонения от петербургской официальной реляции в характеристике восставших солдат. «К десяти часам вечера, — писала миланская газета, — 500 этих бедняг (выделено нами. — Н. В.) были арестованы патрулями»¹⁰⁰. В петербургской статье данный факт излагался по крайней мере нейтрально: «В десять часов взято было дозорами более пяти сот, кои скитались рассеянные»¹⁰¹. Относительно причины вооруженного выступления, то она в миланской публикации, как и в петербургской, трактовалась как отказ военных от присяги новому самодержцу в пользу «императора Константина I».

12 февраля миланская газета откликнулась на вооруженное выступление Черниговского пехотного полка на Киевщине, напечатав в одном номере приказ начальника Главного штаба И. И. Дибича от 8 января 1826 г. и два рапорта командующего 3-го пехотного корпуса Л. О. Рота от 5 и 6 января. На основании этих материалов итальянский читатель мог сделать вывод, что восстание черниговцев было более продолжительным, чем в Петербурге, охватило целый ряд населенных пунктов (в газете назывался маршрут движения полка — Васильков, Устимовка и т. д.). Здесь же говорилось о столкновении восставших с верными правительству войсками, о тяжелом ранении руководителя повстанцев подполковника С. И. Муравьева-Апостола, об убитых солдатах и офицерах¹⁰². Характерно, что и в этом номере переводы были не во всем идентичны оригиналам. Так, в русском тексте Муравьев-Апостол назывался «одним из главных злоумышленников, стремящихся к общему беспокойству и разрушению благосостояния государства»¹⁰³. В итальянской версии вожак черниговцев характеризовался как «один из главных заговорщиков, замышлявших разрушить государство путем революционного взрыва» (выделено нами. — Н. В.). Вместо слова «буйство», которым в оригинале квалифицировалось революционное выступление полка против самодержавия, в переводе употреблено слово «мятеж». Если царизм силился представить членов тайных обществ чуть ли не разбойниками, то в миланской газете их трактовали в политиче-

ском плане — как революционеров, участников антиправительственного заговора, хотя в эти характеристики позитивное содержание и не вкладывалось.

В двух следующих публикациях (25 февраля и 1 марта) о событиях в России газета снова вернулась к теме о Черниговском полке¹⁰⁴. Ссылаясь на сообщения газет Карлсруэ и Петербурга, она на этот раз упомянула о «мятеже вблизи Киева» в прямой связи с «делом 26-го декабря» — восстанием на Сенатской площади. Далее рассказывалось о «многочисленных заключенных», о допросах участников вооруженного выступления в «двух армейских корпусах» и «лиц, заподозренных в организации заговора 26-го (декабря)» и т. д.

Много места газета уделила «Донесению следственной комиссии» от 30 мая 1826 г. Этому документу, опубликованному в приложениях к русским газетам в июне месяце, царское правительство отводило роль основного источника информирования общественности по делу декабристов. «Донесение», как и другие официальные заявления, было направлено на то, чтобы скрыть подлинные цели декабристов, их важнейшие программные требования — свержение самодержавия, отмена крепостного права и наделение крестьян землей, сокращение срока солдатской службы и т. д.

Итальянский перевод «Донесения» в целом передавал его дух и направление. Но уже сама публикация этого пространного материала позволила широким кругам в Италии ознакомиться со многими ранее неизвестными фактическими данными, характеризующими движение декабристов как антимонархическое и антифеодальное. В переводе, опубликованном с некоторыми сокращениями, были сохранены те немногочисленные места оригинала, где прямо говорилось о конституционных проектах декабристов, в частности о «Русской правде» Пестеля, как «задуманной целиком в республиканском (выделено нами.— Н. В.) духе»¹⁰⁵.

Факты, приводившиеся в газете, довольно детально знакомли читателя со структурой, формами и методами деятельности Союза спасения, Союза благоденствия и других тайных организаций. Из этих же публикаций в начале марта 1826 г. читатели узнали об организаторах вооруженных выступлений — Северном и Южном обществах, а также Обществе соединенных славян¹⁰⁶.

Своеобразным открытием для широкой итальянской общественности было перепечатанное из «донесения» примечание, указывавшее на осведомленность декабристов о революционном движении в Западной Европе, в том числе на Апеннинском полуострове. Оно излагалось в миланской газете в такой редакции: «Мысль о вооруженном восстании... была подска-

зана им, очевидно, примером революций, которые несколько раньше вспыхнули в Испании, Неаполе и Пьемонте». В газете приводилось и другое примечание, именовавшее собрания декабристов «вентами» и объяснявшее, что происхождение этого названия связано с деятельностью карбонариев в Италии¹⁰⁷.

Такие сравнения, по замыслу составителей «донесения», должны были подтверждать тезис о том, будто декабристское движение было привнесено извне. Но в условиях итальянской действительности упоминания о карбонариях получали и другое звучание. Они наталкивали на мысль о наличии в деятельности революционеров двух стран общих моментов, которые состояли прежде всего в борьбе против абсолютизма. Публикации газеты давали возможность итальянскому читателю делать вывод о более радикальном характере декабристского движения, одной из главных целей которого была ликвидация монархического правления и установление республиканского строя, между тем как среди карбонариев преобладали сторонники идеи конституционной монархии. Так, говоря о дискуссиях в декабристской среде по вопросу о формах будущей власти в России, миланская газета в своем пересказе официального отчета отмечала, что на собраниях коренной управы «было одобрено передать всем другим управам решение о республиканской форме (правления) и что об этом событии он (Пестель) лично сообщил Тульчинской (управе)»¹⁰⁸.

Из публикаций миланской газеты читатель узнавал не только о факте вооруженного выступления в России, но и о предшествовавшей деятельности его участников в различных районах империи. В связи с этим страницы издания пестрели названиями городов, местечек и сел России, назывались места событий и встреч на Украине членов Южного общества и Общества соединенных славян — Тульчин, Киев, Васильков, Каменка, Белая Церковь и т. д.

Общественности в Ломбардии стали известны имена почти всех активных участников тайных обществ, их военные звания, должности и т. д., — в начале сентября в четырех номерах газеты был опубликован список декабристов, осужденных самодержавием¹⁰⁹. В то время это было самое полное публичное сообщение на итальянском языке о персональном составе декабристских организаций.

Наряду с официальными отчетами «Гадзетта ди Милапо» пользовалась и другими зарубежными источниками, главным образом немецкими периодическими изданиями. И хотя последние придерживались правительственных интерпретаций относительно декабристов как участников «заговора, угрожав-

шего кровопролитием и разрушением России» (цитата из газеты города Карлсруэ)¹¹⁰, но объективно они служили также материалом для других оценок. Во-первых, перепечатки из них подтверждали мысль о том, что восстание декабристов, вызвавшее отклик в различных странах,— далеко не ординарное, важное для всей Европы событие. Во-вторых, на основании неофициальных известий, заимствованных из других зарубежных газет, в миланском издании появились отдельные сообщения о крестьянских волнениях в России, причины которых, однако, не назывались. Эти материалы уже сами по себе служили косвенным опровержением царской версии о будто бы полной изолированности выступления декабристов от внутреннего положения в стране, наводили на мысль о том, что восстание было проявлением кризиса самодержавно-крепостнического строя. Так, со ссылкой на франкфуртскую газету в июне была помещена корреспонденция о «новом мятеже крестьян» на Подолии, к которому «присоединились некоторые недовольные солдаты». Заканчивалась она сообщением о подавлении властями волнения и «новых арестах в Киеве»¹¹¹.

Хотя указанные сведения в значительной степени носили характер слухов,— в их основе лежали некоторые реальные события, имевшие место в то время на Украине. В апреле 1826 г., например, крестьянские антикрепостнические волнения, в которых принимали участие и солдаты Днепровского полка, происходили в Уманском и других поветах Киевской губернии, в результате чего местные власти арестовали 150 человек¹¹².

Необходимо подчеркнуть, что по вопросу о декабристах миланская газета не выступала с собственными комментариями, которые в условиях австрийского полицейского и цензурного режима могли быть исключительно апологетическими в отношении монархического способа правления и откровенно враждебными в оценках деятельности революционеров. То, что в характеристиках восстания газета ограничивалась перепечатками, к тому же не всегда идентичными, российских официальных материалов и других зарубежных публикаций, отличало ее от роялистской прессы западноевропейских государств, которая, например, во Франции дополняла версии царского правительства собственными клеветническими вымыслами.

Таким образом, вопреки целям, которые преследовались реакцией при обнародовании сообщений о движении декабристов, эти материалы несли итальянским читателям много неизвестных им фактов о революционной борьбе в России. В этот период статьи о первых российских революционе-

рах заняли главное место в рубриках «Российская империя» и «Россия». Все это, безусловно, отражало тот большой интерес, который вызывала в Италии деятельность декабристов, свидетельствовало о том, что их открытое выступление против царизма имело международное значение. Для участников итальянского освободительного движения, которое в то время понесло большие потери, особенно в Ломбардо-Венецианской области, публикации о революционных выступлениях в России даже в том виде, в каком они могли появляться в подцензурной печати, объективно играли определенную позитивную роль. Из них итальянские патриоты узнавали, что в своей борьбе против монархической реакции они не одиноки.

О том, что передовые представители итальянского народа из публиковавшихся в прессе официальных сообщений делали собственные выводы, отбрасывая правительственные версии, свидетельствовали их первые отклики на восстание декабристов. Как сообщалось, например, в секретном донесении, приложенном к депеше 7 (19) марта 1826 г., отправленной из Неаполя в министерство иностранных дел России, члены революционного общества в этом городе, «говоря с самым живым интересом о восстании в Петербурге..., выражали удивление, что великая революция, которая должна была последовать через два месяца после первой попытки возмущения, еще не разразилась в России»¹¹³.

Тогда же в числе первых на восстание декабристов страстно откликнулся итальянский республиканец, карбонарий Л. Анджелони. В книге «О силе в политических делах», изданной в Лондоне в 1826 г., он с восторгом приветствовал героев 14 декабря, назвав их действия «прекрасными и неслыханными ранее человеческими поступками», и клеймил позором палача революционеров — самодержавие. Говоря о декабристах, Анджелони подчеркивал плодотворность международных связей «итальянских тайных обществ»¹¹⁴.

Его высказывания еще раз подтверждали, что итальянские карбонарии знали о деятельности революционеров в России значительно раньше выхода их на Сенатскую площадь. Одним из источников этих сведений были немецкие и французские газеты, опубликовавшие, например, в 1822 г. сообщение о «русских карбонариях» в связи с революционной деятельностью М. Ф. Орлова и его отстранением от командования 16-й дивизией, дислоцированной на территории Бессарабии. Как указывают польские архивные документы, тогда же о событиях в дивизии говорили польские и итальянские карбонарии¹¹⁵.

Вооруженное выступление против царизма, вызвав симпатии среди прогрессивных кругов за рубежом, стало важной

вехой в укреплении идейных связей революционеров Италии и России. Итальянские отклики на восстание декабристов в Петербурге и на Украине отражали растущее внимание общественности в государствах Апеннинского полуострова к освободительной борьбе в России. Вопреки попыткам абсолютистских верхов скрыть подлинные цели восстания она смогла ознакомиться, прежде всего через прессу, с одним из главных программных требований декабристского движения — революционной замены самодержавной формы правления республиканской. Осознание того, что кроме России монархической существует и Россия революционная, стало одним из важных факторов развертывания дальнейшей борьбы итальянских патриотов, содействовало их ориентации на расширение контактов и сотрудничества с прогрессивными силами других стран.

3. ОТ «МОЛОДОЙ ИТАЛИИ» К «МОЛОДОЙ ЕВРОПЕ»: СОЛИДАРНОСТЬ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ

Разгром царизмом восстания декабристов нанес тяжелый удар освободительному движению. Однако остановить его не могли никакие репрессивные меры. Главным «виновником» «вольнодумства» была сама социально-политическая действительность России с ее крепостным правом и монархо-бюрократическим деспотизмом. На арену общественной борьбы выходили новые поколения противников феодальной реакции. Принимая эстафету первых революционеров, бросивших открытый вызов царизму, прогрессивные силы во второй четверти XIX в. обогащались новым опытом организации. Это находило выражение в демократизации состава революционных кружков и групп, вовлечении в них представителей мелкого чиновничества, духовенства, мещан и крестьян, наконец, в появлении новых форм и направлений борьбы.

В этот период в итальянском освободительном движении важнейшим событием явилось возникновение в Марселе летом 1831 г. революционного общества под названием «Молодая Италия», ставившего своей целью борьбу против феодального гнета и иностранной оккупации на Апеннинах. Его организатором и руководителем стал уроженец Генуи, молодой адвокат Джузеппе Мадзини. Выступая за освобождение родины, Мадзини и его соратники в то же время видели, что в каждой стране поднимающиеся против абсолютизма борцы сталкиваются в конечном счете с одним и тем же врагом — Священным союзом, созданным императорами и королями на

развалинах наполеоновской империи для предотвращения каких-либо прогрессивных изменений в Европе. Идея о том, что дело итальянских революционеров неотделимо от освободительного движения других народов, стала одной из ведущих в деятельности Мадзини. Она вошла в программные документы «Молодой Италии», придавала силу революционной пропаганде. Трибуной идеи солидарности прогрессивных сил явился журнал общества — «Джовине Италия» («Молодая Италия»), издававшийся в Марселе. В 1832 г., публикуя в нем статью «Братство народов», Мадзини подчеркивал необходимость сплочения революционеров разных стран, «когда тираны собирают свои силы, чтобы воспрепятствовать развитию человеческого духа, когда хитрость и самовластье господ все более свирепствуют против народов, а подлость и трусость протягивают руку угнетателям». Автор обращался с призывом к борцам за свободу «всех местностей»: «вперед, в священный поход народов!»¹¹⁶.

Шаг за шагом новая организация стала распространять свое влияние на итальянскую эмиграцию, а также на политическую жизнь внутри Италии. В 1831—1833 гг. филиалы «Молодой Италии» возникают в различных частях Апеннинского полуострова, разворачивается революционная пропаганда с помощью листовок и других нелегальных изданий. Марсельский печатный орган итальянских республиканцев становится известным в различных странах¹¹⁷.

О «Молодой Италии» все чаще начинает говорить и официальная печать. Естественно, читатель не находил в ней объективных оценок подлинных целей и задач, которые ставили перед собой сторонники Мадзини. Тем не менее посредством газет и журналов в Европе быстро распространялись сведения о главных деятелях и отдельных акциях революционного общества. Проникновение его в Ломбардо-Венецианскую область, где господствовали австрийские оккупанты, вынуждало и официальную прессу Австрийской империи включаться в общий хор интерпретаторов деятельности итальянских республиканцев. Это, в свою очередь, давало повод печати России упоминать о новой организации итальянских революционеров. Так, в 1834 г. в связи с их выступлениями в Парме «Северная пчела» в заметке с пометкой «С итальянской границы, от 3-го февраля» писала: «Ужасный союз, известный под названием «Юная Италия», делами своими подтверждает слухи о его существовании»¹¹⁸.

В 1834 г. в печати многих стран прокатилась волна сообщений о «Молодой Италии». Причиной этого послужила организованная под руководством Мадзини экспедиция в Савойю нескольких сот революционных эмигрантов из числа

итальянцев, поляков и немцев с целью поднять восстание в Сардинском королевстве. Предпринятая операция, спланированная и проведенная по канонам заговорщической тактики, потерпела неудачу в самом начале. Пресса подробно и на протяжении длительного времени освещала события, происшедшие на швейцарско-пьемонтской границе, и реакцию на них в других государствах. Одна из ведущих в Габсбургской империи газет — «Австрийский наблюдатель», сопровождая свое первое изложение событий комментариями, в номере от 11 февраля писала об участниках вторжения как «толпе поляков, итальянцев и проч.» В местечке Вильде-Гран, говорилось в ней, заговорщики «раздали народу несколько возмутительных прокламаций, подписанных известным Иосифом Мадзини и другими членами общества «*Giovine Italia*». Но и здесь, — злорадно добавляла она, — не нашли они приверженцев».

Публикации этой и других зарубежных газет о савойской экспедиции и ее инициаторе стали известными и общественности России. Пространные выдержки из них печатали газеты Петербурга и Москвы. При общей негативной оценке действий противников абсолютизма в корреспонденциях проskalывали сведения, позволявшие составить представления о революционерах, не совпадающие с официальными трактовками. Рассказывая, например, о требовании правительства Женевского кантона об изгнании эмигрантов, «Московские ведомости» отмечали, что оно встретило противодействие. Жители Каружа «объявили, что не отпустят от себя проживающих у них эмигрантов и в случае нужды готовы защищать их»¹¹⁹.

В течение нескольких недель судьба участников экспедиции стала одной из ведущих тем газетных сообщений в России. В них говорилось о политическом и дипломатическом давлении монархических государств на Швейцарию с целью заставить ее изгнать со своей территории революционных эмигрантов. Цитировалась, в частности, нота германского сейма Швейцарскому союзу, в которой утверждалось, что Швейцария превратилась в центр «эмигрантов и заговорщиков, коих пагубные революционные замыслы были особенно устремлены в последнее время на Германию и Италию»¹²⁰. В известиях из-за рубежа упоминалось также о жестоких преследованиях участников экспедиции. В марте из Турина сообщалось о казни по приговору шамберийского суда А. Волонтьери и И. Короля, «захваченных с оружием в руках». В апреле из Цюриха пришло известие о решении шамберийского сената, приговорившего заочно к смертной казни Раморино, непосредственного руководителя вооруженного

вторжения, и «13 других в Савоие проживавших выходцев»¹²¹.

Преследования и террор вынудили многих революционеров искать убежище в других странах. Среди тех, кто должен был скрываться, находился молодой матрос Джузеппе Гарибальди, проводивший по поручению Мадзини антимонархическую агитацию на сардинском военном флоте. Приговоренный королевской властью, как и ряд других «молодых итальянцев», к смертной казни, он отправился во Францию, а позже в Южную Америку, где включился в борьбу за освобождение народов этого континента от колониального гнета. В своих скитаниях итальянские революционеры рассчитывали на помощь соотечественников, проживавших в Западной Европе и за океаном, создавая там опорные базы «Молодой Италии».

Вместе с тем вскоре после своего образования организация Мадзини установила непосредственные контакты с Южной Россией, где также находились поселения выходцев из итальянских государств. Порты Причерноморья и Приазовья, имевшие регулярные судоходные связи с Генуей, Ливорно, Триестом, другими итальянскими городами, а также с Марселем, где располагалась штаб-квартира «Молодой Италии», находились в сфере пропагандистской и организационной деятельности мадзинистского общества. Здесь проходили встречи и собрания его членов. Здесь же, в Таганроге произошло событие, положившее начало революционной биографии легендарного Гарибальди. Будучи матросом судна, совершавшего рейсы по Средиземному, Черному и Азовскому морям, он в 1833 г. сблизился с членом «Молодой Италии» Дж. Кунео¹²². В одной из портовых кофейен в кругу матросов Гарибальди услышал пламенную речь Кунео о «Молодой Италии», ее борьбе и дал клятву посвятить свою жизнь делу освобождения родины. Возвратившись из России в Марсель, он познакомился с Мадзини, став членом руководимого им революционного общества.

События, последовавшие после савойской экспедиции, подтвердили, что сношения с портами Южной России имели немаловажное значение для деятельности «Молодой Италии». В августе 1834 г. в Одессе появился иностранец, в документах которого значилось, что он, Никколо Моркио, является бельгийским подданным. Предъявленный им паспорт был выдан бельгийским консульством в Марселе и засвидетельствован российской миссией в Константинополе. На основании этого одесский градоначальник выписал прибывшему билет на проезд в Таганрог. После отбытия Моркио из Одессы выяснилось, что он вовсе не гражданин Бельгии, о чем соответствующим

щее заявление сделал градоначальнику возвратившийся к тому времени из-за границы сардинский консул в Одессе Миланта. Осведомленный об участниках савойской экспедиции, он сообщил, что Моркио — уроженец Генуи, «был одним из главнейших заговорщиков, хотевших в недавнем времени произвести революцию во владениях сардинского короля». «Спасся же от преследования правительства,— продолжал Миланта,— только тем, что получил от бельгийского в Марселе консула фальшивый паспорт, с которым ныне прибыл в Россию». В дополнение сардинский представитель сказал, что «в непродолжительном времени должен прибыть в Россию из Марсея иностранец Антонини, участвовавший с Моркио в одном заговоре и также спасшийся от преследования сардинского правительства»¹²³.

В сентябре по распоряжению шефа жандармов Бенкендорфа, получившего рапорт одесского градоначальника, в западных и южных губерниях были предприняты широкие поиски с целью обнаружения и последующей высылки Моркио и Антонини за пределы страны «с воспрещением обратного въезда». В губерниях Украины был поставлен на ноги весь полицейский аппарат. Одновременно Радзивилловский таможенный округ получил от киевского генерал-губернатора предписание принять меры для задержания Моркио и Антонини, «участвовавших в заговоре к произведению в Сардинском королевстве революции». Секретная операция по выявлению соратников Мадзини, членов «Молодой Италии», на Правобережной Украине длилась почти год. Поступавшие периодически с мест донесения свидетельствовали о ее безрезультатности. Так, 3 августа 1835 г. Подольский гражданский губернатор доносил в Киев, что разыскиваемые итальянцы не появлялись на территории губернии, однако «продолжается строгое паблюдение»¹²⁴.

Вынужденные покинуть родину и расстаться с профессией торговых моряков, многие члены «Молодой Италии» отправились в Южную Америку, оставшись верными революционным клятвам, которые давали на своих тайных собраниях, в частности, в портах Черного и Азовского морей. Об этом напоминает сохранившийся в Государственном архиве Рима «Список лиц, принадлежащих к сообществу «Молодая Италия» в Рио[де]Жанейро», составленный в 1838 г. и направленный в Рим поверенным Папского государства в Бразилии с целью дальнейшей слежки и преследования сторонников организации Мадзини. Первым здесь назван «генуэзец», «приказчик» Джованни Баттиста Кунео — «глава сообщества». Ниже упоминается командир небольшого корабля «Мадзини» «уроженец Ниццы», по кличке «Борель» (это был

псевдоним Джузеппе Гарибальди, раскрытый в главном управлении папской полиции, куда попал этот список). В документе указывалось, что Борель принимает участие в боях на стороне Южной республики Риу Гранди и в одной из схваток получил ранение¹²⁵. Приведенные данные свидетельствовали, что с первых шагов своей революционной деятельности Кунео, Гарибальди и другие «молодые итальянцы» не отделяли задачу освобождения родины от борьбы за свержение феодального гнета где бы то ни было.

Неудача, постигшая «Молодую Италию» в феврале 1834 г., не остановила Мадзини. Проповедуя идею солидарности и сотрудничества национальных освободительных движений, он прилагает новые усилия в установлении связей с революционерами других стран, помогает создать по образцу «Молодой Италии» организации среди поляков и немцев. Образование «Молодой Польши» и «Молодой Германии» Мадзини рассматривал как путь к сплочению и организационному объединению демократических сил в Европе. 15 апреля 1834 г. в Берне (Швейцария) произошло знаменательное событие — представители всех трех обществ подписали «акт братства», тем самым провозгласив основание «Молодой Европы» — одной из первых международных организаций в революционно-демократическом движении.

Выход на авансцену политической борьбы союза революционеров четырех стран (вскоре после образования «Молодой Европы» к ней присоединилась вновь созданная «Молодая Швейцария») знаменовал начало перехода освободительного движения на новую ступень развития, дальнейшее вытеснение из него организаций карбонарского типа. Неизбежность такой трансформации, исходя из анализа причин поражения революционных выступлений в собственной стране, Мадзини обосновывал необходимостью открытого, в отличие от карбонариев, провозглашения целей революционной программы и ее широкого распространения среди масс. В этом он видел путь к созданию сил для штурма старого феодального мира¹²⁶.

«Молодая Европа», по замыслу Мадзини, должна была представлять центр, открытый для братского сотрудничества демократических организаций всех стран. В течение 1834—1835 гг. он предпринимал неоднократные, хотя и безуспешные попытки, создать «Молодую Австрию», «Молодую Англию», «Молодую Испанию», «Молодую Грецию», «Молодую Францию»¹²⁷.

Добиваясь расширения союза революционных сил, Мадзини, возглавивший «Молодую Европу», лелеял надежду на появление в ее составе «Молодой России». 14 апреля 1834 г.,

буквально за день до подписания документов, возвещавших о рождении «Молодой Европы», в письме к своему соратнику Луиджи Амадео Мелегари он кратко, но очень выразительно отмечал: «имею здесь заседание комитета «Молодой Польши» и комитета «Молодой России», которым я очень занят»¹²⁸.

Хотя идея об образовании «Молодой России» не обрела организационного оформления, глава итальянских революционеров не расставался с мыслью о союзе с прогрессивными силами России. Большую роль в этом сыграло его знакомство и общение с польскими революционерами еще в период создания «Молодой Италии». Находясь во Франции, он встречался с поляками, искавшими тогда убежище после восстания 1830—1831 гг. В то время здесь сосредоточилось около 10 тысяч изгнанников—представителей как демократического, так и консервативно-аристократического движения¹²⁹. С 1831 г. Мадзини вступил в переписку с главой польских демократов И. Лелевелем, установил дружеские отношения с другими представителями передовых кругов польской общественности. Его ближайшими друзьями становятся Т. Кремповецкий, К. Стольцман, С. Ворцель и др. От них он узнал о польско-русских революционных связях, об интернационалистских принципах республиканской платформы декабристов.

Идею революционного единения народов польские демократы-эмигранты пропагандировали в своих устных и печатных выступлениях во Франции, Бельгии и других странах. Тогда же прогрессивной общественности России и Западной Европы стало широко известным «Воззвание к русским» Лелевеля, напечатанное в 1832 г. В нем, в частности, подчеркивались заслуги декабристов в провозглашении задачи объединения свободных народов. «Великая идея федерации славянских народов, провозглашенная на берегах Невы,— писал Лелевель,— может быть воплощена в жизнь посредством совместного их возрождения»¹³⁰.

Россия и освободительная борьба ее народов широко входят в круг идейных интересов Мадзини. Став во главе «Молодой Европы», он проявлял большое внимание к освободительным традициям народов России, пропагандировал их среди западных революционеров. В конце 1835 г. в печатном органе «Молодой Европы» — газете «Молодая Швейцария» Мадзини писал: «...Чаша давно переполнена. Признаки этого мы видим везде. Вся старая оболочка, скрывающая под собой новый мир, этим наполнена: на Севере, на Западе, повсюду. На Севере смутные волнения, глухой ропот, подавленный заговор — все, что тщетно хотели бы скрыть от постороннего взгляда и что, тем не менее, существует и стремится

вновь соединиться с Пестелем, Рылеевым, с молодыми героями Бельведера...»¹³¹.

Стремясь привлечь внимание западноевропейской общественности к освободительному движению славянских народов, глава итальянских демократов обращался также к историческим событиям на Украине. В опубликованной в 1835 г. в Бьенне (Швейцария) брошюре «Вера и будущее», посвященной пропаганде «священного союза народов», Мадзини напоминал о Богдане Хмельницком и руководимом им восстании украинского народа 1648 г., когда «простолюдины в Литве, в Галиции, на Украине бурлили надеждой о свободе»¹³².

Выдвигая план вовлечения славянских народов в революционное движение в Европе, Мадзини высказывался за перенесение деятельности «Молодой Европы» на территории их стран. В январе 1835 г. в одной из своих инструкций он указывал, что «Молодая Европа» должна проникнуть в Венгрию (включавшую Буковину и некоторые другие территории с славянским населением), Богемию, Сербию и Россию с тем, чтобы там как можно глубже внедрилась «мысль о пробуждении славянской расы». Он полагал, что народы этих стран призваны сыграть большую роль в судьбах Европы. Строя подобные проекты, лидер итальянских революционеров, однако, не рассчитывал на легкий успех, говорил о «трудностях» и порой допускал мысль о «невозможности» такого предприятия «Молодой Европы»¹³³.

Несмотря на то что многие замыслы Мадзини оказались в эти годы неосуществленными, его стратегическая установка на содействие «пробуждению» славянских народов оказалась плодотворной и действенной даже в тех тяжелых условиях, в которых функционировала «Молодая Европа». С помощью польских друзей ему удалось в определенной мере осуществить свои международные планы. Это стало возможным благодаря деятельности «Молодой Польши», вобравшей в свои ряды передовые силы польского освободительного движения в эмиграции и дорожившей традициями сотрудничества с прогрессивной Россией. Большое значение имело личное участие Мадзини в создании и деятельности «Молодой Польши». Ее центральный комитет был образован из числа тех, кто находился в тесных контактах с ним и другими итальянскими республиканцами. Членами центрального комитета «Молодой Польши» стали К. Залеский, К. Стольцман, И. Дыбовский и др.

Активное участие в создании общества польских демократов принял соратник Мадзини Шимон Конарский. В качестве представителя образованной в 1833 г. в Бьенне первой низо-

вой ячейки «Молодой Польши» он отправился в Париж для популяризации общества среди соотечественников и привлек в его ряды В. Зверковского, В. Петкевича, К. Ружицкого, Б. Залеского, которые, в свою очередь, занялись агитацией среди эмигрантов во Франции, а также в Бельгии. В результате усилий Конарского и Зверковского в январе 1834 г. в Париже сформировался еще один филиал «Молодой Польши»¹³⁴. Особое значение имело вступление в эту организацию признанного главы польских демократов Лелевеля и избрание его в 1835 г. в руководящий орган общества. Весть об этом окрылила Мадзини и в мае в письме к Мелегари он сообщал: «Лелевель наш... «Молодая Европа» пускает побеги»¹³⁵.

Вхождение Лелевеля в международную демократическую организацию явилось закономерным следствием его политических взглядов, важнейшей чертой которых была идея совместных выступлений народов против угнетения и деспотизма. Этот пункт политической платформы польского революционера высоко оценивали основоположники марксизма как средство мобилизации всех демократических сил на решительные действия против обветшавшего феодально-абсолютистского строя в Европе. Выступая с речью 22 февраля 1848 г. в Брюсселе, Энгельс отмечал, что уже в ходе польского восстания 1830 г. Лелевель «стремился отождествить интересы всех народов с интересами польского народа»¹³⁶.

Вступление Лелевеля в «Молодую Европу» позволило активизировать и перенести ее деятельность в Австрию и Россию. В 1835 г. по его поручению Конарский отправился в Галицию для создания организации, которая должна была объединить существовавшие там разрозненные группы революционеров и распространить свое влияние на территории России. Еще до прибытия Конарского в Галицию из Швейцарии приехал посланец «Молодой Польши» Т. Жабицкий, который привез ее программные документы. Здесь же, в Кракове, была сформирована организация — «Содружество польского народа» (в 1836 г. ее руководящее ядро — «главный сбор» перебрался во Львов). Приняв активное участие в создании «Содружества», Конарский тайно перешел австро-российскую границу и нелегально обосновался на Волыни¹³⁷. С его появлением новая организация довольно быстро развернула деятельность в западных губерниях России. Стремление опираться на народ не только собственно Польши, но и Белоруссии, Украины, Литвы, России в целом стало примечательной чертой деятельности членов «Содружества».

О работе, проводимой ими, Конарский сообщал Лелевелю с помощью переписки, а также через прибывавших время от времени на Украину эмиссаров «Молодой Польши». Таким

путем информация, поступающая от Конарского, становилась достоянием и главы «Молодой Европы» Мадзини. Уже 17 февраля 1835 г. в письме к участнику освободительного движения Пьетро Джанноне он сообщал о «Молодой Польше»: «Мы имеем на своей стороне большую часть эмиграции и контакт внутри страны, весьма важный». 26 августа того же года Мадзини писал Мелегари, что «Молодая Польша» существует не только в эмиграции. «Она существует *реально* также внутри страны примерно более чем три месяца; идет переписка, она улучшается изо дня в день»¹³⁸.

Объединение сил революционеров, за которое ратовал Мадзини, отражалось в его стремлении сблизить основные программные положения «Молодой Европы» и национальных организаций, входивших в нее. С этой целью он принимал самое активное участие не только в выработке программы «Молодой Европы», но и «Молодой Польши», «Молодой Германии». Благодаря его усилиям в основу многих основополагающих принципов «Молодой Европы» были положены написанные им ранее программные установки «Молодой Италии». Являясь автором главных документов «Молодой Европы» — «акта братства» и устава, — он отразил в них свою систему идей о равенстве и сотрудничестве как отдельных личностей, так и целых народов¹³⁹.

Идейные связи революционеров, однако, не органичивались деятельностью непосредственных участников «Молодой Европы». Они получили свое продолжение с возникновением «Содружества польского народа», созданного под руководством Конарского и других членов «Молодой Польши». Прежде всего это проявилось в вопросе о международном единении революционных сил. Провозглашая идею взаимозависимости различных освободительных движений в «общей инструкции для соединившихся в братстве в «Молодой Италии», Мадзини отмечал, что итальянцы не могут ограничиваться борьбой против своих непосредственных врагов; во имя республиканского принципа они должны апеллировать также к другим народам. В «акте братства» «Молодой Европы» международная солидарность прогрессивных сил трактовалась как гармоничное сочетание интересов отдельной страны с интересами всего человечества¹⁴⁰.

Утверждением того же основополагающего тезиса о солидарности в революционной борьбе явилась одна из статей устава «Содружества польского народа», сформулированная так: «люди всех наций суть братья между собой. Поэтому все люди и все народы, составляя одну великую родную семью, должны оказывать друг другу помощь в завоевании и защите общей свободы»¹⁴¹. Характерно, что в справке, со-

ставленной царскими властями в Киеве на основании расследования деятельности Конарского и руководимой им организации, также отмечалось, что они выражали «стремление к соединению тесными узами братства с обществами других народов Европы, признающих тот же политический образ мыслей»¹⁴².

Лично для Конарского, воочию убедившегося еще во время польского восстания 1830—1831 гг. в важности лозунга «За нашу и вашу свободу», принцип единения революционеров стал руководящим в практической деятельности не только в эмиграции, но и в России, куда он вернулся нелегально. Польский революционер палаживал связи с передовыми кругами русского, белорусского и других народов, горячо ратовал за единение с ними. В составленной им прокламации «Голос вопиющего в пустыне», распространенной на Украине, в Белоруссии, Литве и Польше, содержалось, в частности, напоминание о героическом подвиге декабристов, о том, что они принесли себя в жертву не напрасно. «Скоро,— провозглашалось в воззвании,— юная Россия пробудится, заиграет гимн свободы! Скоро в сердцах юных россиян отзовется новая юная жизнь!»¹⁴³. Показательно, что сама форма изложения воззвания с ее словами «юные» («молодые») напоминала ту, которой пользовались Мадзини и его соратники при характеристике республиканских демократов.

Общим для революционных программ оказалось понимание взаимозависимости человечества и отдельного народа в борьбе за освобождение — как целого и его составной части. Оно вылилось в виде концепции революционного мессианизма («апостольства») того или иного народа. «Итальянцы первыми свергают феодальное иго,— писал Мадзини в 1832 г. в журнале «Джовине Италия»,— и в центре неподвижной Европы устанавливают народное, свободное начало»¹⁴⁴.

Идея революционного мессианизма, утверждавшая право и долг выступающего первым за освобождение своего народа оказывать помощь другим угнетенным народам, получила широкое распространение в прогрессивных кругах разных стран. Революционный пафос, вкладывавшийся в формулу «миссия народа», отражал новую тактику, призванную разбудить инициативу и привести в движение внутренние силы масс. Мадзини не считал, что революционный мессианизм является исключительно прерогативой итальянцев. В такой же мере он причислял поляков (январь 1835 г.) к инициаторам освобождения других народов¹⁴⁵. Идея революционной миссии также нашла свое отражение в уставе «Содружества польского народа». Национальные задачи, выдвигавшиеся в нем в качестве первоочередных для деятель-

ности польских демократов, были представлены в контексте обеспечения блага для всего человечества. Параграф 31 устава отмечал, что «Содружество польского народа» является «обществом свободных и равных людей, объединенных между собой стремлением достигнуть все предначертания человечества в сфере народной деятельности»¹⁴⁶.

Со всей отчетливостью идейная связь между «Молодой Европой» и ее национальными организациями, с одной стороны, и «Содружеством» — с другой, проявилась в подходе к оценке будущего государственного устройства как республиканского. Принцип республиканизма предопределялся «общей инструкцией» «Молодой Италии», а сама организация в ней характеризовалась как «республиканская»¹⁴⁷. В «акте братства» «Молодой Европы» первыми его словами были известные буржуазно-демократические лозунги: «Свобода!», «Равенство!», «Человеколюбие!». В первом пункте акта указывалось, что «Молодая Германия», «Молодая Польша» и «Молодая Италия» являются республиканскими организациями, включающими в свои программы лозунг «человеколюбия при господстве той же самой веры в свободу, равенство и прогресс»¹⁴⁸. Устав «Содружества» также базировался на лозунгах буржуазно-республиканского толка, называл их и выдвигал задачу установления народовластия через свержение феодально-монархического деспотизма¹⁴⁹.

Что же касается трактовки движущих сил революции, то в итальянской «общей инструкции» утверждалось: «Молодая Италия» «выступит во имя народа и будет опираться на народ, игнорируемый до сих пор»¹⁵⁰. Аналогичная мысль была выражена в девизе, которым открывался устав «Содружества»: «Через народ для народа». Устав рассматривал крестьян как силу, без участия которой «невозможно одержать победу»¹⁵¹.

Политические принципы «Содружества» учитывали новые акценты, сделанные Мадзини в оценке возможностей поднять революционное восстание. Исходя из горького опыта «савойской экспедиции», он подчеркивал, что главная задача на данном этапе — это воспитательная работа. В письме от 26 августа 1835 г. к Мелегари он прямо заявлял: «Ты должен заметить, что миссия комитета «Молодой Европы» есть миссия «Молодой Европы» — миссия пропаганды и общей организации». Развивая идею массово-разъяснительной работы в статье, опубликованной 9 января 1836 г. в газете «Молодая Швейцария», он писал: «пропаганда, мы считаем, есть признак раскрепощения народов». «Пропаганду свободы» он рассматривал как противовес «пропаганде абсолютизма»¹⁵².

В уставе «Содружества» эта линия также нашла отраже-

ние. Для ее закрепления в качестве программной установки у польских демократов были собственные основания, связанные с провалом попыток добиться освобождения Польши путем сугубо заговорщических методов. Ближайшей целью организации устав провозглашал «возбуждение и подъем в народе моральной силы»¹⁵³. Развертывая пропаганду, Конарский и другие члены «Содружества» считали своим долгом знакомить с программными установками революционной организации тех, кто готов ее поддержать. Так, ее устав на Украине в 1836 г. читали в различных местностях Подольской, Волынской, Киевской губерний.

Одновременно Конарский придавал большое значение участию революционеров в просвещении, воспитанию молодежи на основе программных принципов «Содружества». Это было общей тенденцией в деятельности входивших в «Молодую Европу» революционеров. В своей программе «Молодая Италия» отмечала необходимость вести просветительскую работу. С самого начала возникновения «Молодой Италии» Мадзини выдвигал идею создания общества для распространения просвещения на родине, имея в виду ознакомление молодежи с освободительными идеями.

Следует отметить, что в программах революционных организаций этих лет проявились не только общие позитивные моменты их идеологии, но и ее слабые стороны, что наиболее отчетливо сказалось на понимании ими социальных проблем. Так, избегая обсуждения злободневного вопроса о крестьянстве, «Молодая Италия» не выдвигала лозунга аграрного передела, хотя и провозглашала равенство всех граждан. Такая непоследовательность позиции определялась расчетами Мадзини и его единомышленников привлечь на сторону революции национальную буржуазию, владевшую земельной собственностью и наряду с помещиками-феодалами эксплуатировавшую массы крестьян¹⁵⁴. Мадзини не мог уяснить ошибочности этого положения, за что впоследствии подвергся критике со стороны выступивших на арену политической борьбы представителей подлинно научного учения об обществе — марксизма. Отмечая классовую ограниченность платформы Мадзини, они в то же время указывали на его большой вклад в общедемократическую борьбу против феодального деспотизма. «Как бы различны ни были мнения людей о личности римского триумвира, — писал Маркс в 1859 г., — никто не станет отрицать, что в течение почти тридцатилетнего периода итальянская революция связана с его именем и что в течение того же промежутка времени Европа признает его лучшим выразителем национальных чаяний своих соотечественников»¹⁵⁵. Тогда же, в 50-х годах,

Маркс отмечал попытки Мадзини под влиянием реальной жизни выйти за пределы сугубо политических проблем государства и обратить «внимание на социальную действительность, на интересы различных классов...»¹⁵⁶. Однако эта попытка мало чем отличалась от платформы «Молодой Италии» 30-х годов, в частности по вопросу о крестьянах.

Как и в программе «Молодой Италии», игнорирование насущных потребностей крестьян отразил устав «Содружества», хотя это мотивировалось иным соображением — стремлением заручиться поддержкой в предстоящей борьбе со стороны помещиков. Здесь, как и у «молодых итальянцев», проступало явное противоречие: с одной стороны, прокламировалось равенство всех сословий перед законом, с другой — не учитывались жизненные интересы крестьянства, прежде всего необходимость отмены крепостного права. Судьбу крестьян представлялось решать самим помещикам.

В целом программные установки организаций «Молодой Европы» явились значительным шагом вперед в формировании идеологии революционной демократии, послужили важным фактором сближения идейных позиций освободительных движений в Европе.

Напуганные появлением новых республиканских организаций, монархи и их правительства прилагали большие усилия, чтобы воспрепятствовать их распространению и разгромить союз демократов. Царские власти также включились в этот общий поход реакционных сил. Уже в 1833 г., получив донесение из Швейцарии, III отделение завело секретное дело о Мадзини. В письме от 26 декабря к Бенкендорфу Нессельроде характеризовал революционера в качестве «начальника общества «*La jeune Italie*»¹⁵⁷. Поиски следов «революционной крамолы» особенно усиленно велись в губерниях, граничивших с Австрийской империей и имевших морские зарубежные связи, а также за пределами России. В Галиции этой деятельностью занимался российский консул в Бродах, регулярно отправлявший сообщения киевскому генерал-губернатору. Уделяя основное внимание участникам польского освободительного движения, он в то же время собирал сведения об итальянских революционерах. Так, в составленной 30 сентября 1835 г. реляции консул уведомлял о завершении суда в Милане «над итальянскими заговорщиками против австрийского правительства, членами «т. наз. общества «Юной Италии»». Там же приводились сведения о задержании во Львове эмиссаров «парижских и швейцарских революционных комитетов»¹⁵⁸.

Деятельность членов и эмиссаров революционных организаций в Швейцарии, Бельгии, Франции и других странах

была темой политической информации, которой обменивались между собой власти Галиции и царская администрация юго-западных губерний. Появление первых эмиссаров «Молодой Европы» в Галиции дало повод президенту правления провинцией Крйгу включить это известие в письмо от 21 июля 1834 г. к киевскому генерал-губернатору. В нем сообщалось о возникновении нового революционного центра на Западе и прибытии в Краков его членов. В письме от 15 августа Крйг отмечал: «В июне месяце сего года получил я сведение, что из Фрапции распространилось в Галиции тайное общество с целью республиканскою под названием Европейского общества. Предмет оногo — приготовить умы к свободе и равенству, дабы в свое время содействовать к приведению сего [в] исполнение» (цитата приводится в переводе с немецкого языка, сделанном в канцелярии киевского генерал-губернатора). В связи с этим в письме называлась фамилия одного из членов общества — Верцинского, уроженца Волынской губернии ¹⁵⁹.

В мае 1836 г. в адрес генерал-губернатора в Киеве поступили новые сообщения, относившиеся к деятельности «Молодой Европы», на этот раз из Польши. В письме Варшавского военного губернатора говорилось о том, что Иосиф Верцинский находится «под следствием как бывший член тайного Европейского общества». В присланной выписке из показаний, данных в Варшаве следственной комиссии арестованным Тадеушем Жабицким, также приводились свидетельства о международных революционных связях. Как говорилось в этом документе, в конце марта 1835 г. Жабицкий прибыл в Краков «с поручениями от общества «Молодая Польша»» и установил контакты с местными революционными кругами. Северин Гоциньский, Шимон Конарский, Людвиг Верцинский и другие тогда же приступили «к деланию связей общества под названием «Молодая Польша»» ¹⁶⁰. Поскольку в варшавском документе указывалось, что член тайного общества Людвиг Верцинский — уроженец Волынской или Подольской губернии и имеет там родственников, в губерниях, подчиненных киевскому генерал-губернатору, начались расследования и поиски представителей зарубежного центра.

К усилению в приграничных губерниях полицейской слежки за деятелями, связанными с «Молодой Польшей» и «Молодой Европой», понуждали направлявшиеся также из Петербурга распоряжения о поисках и аресте тех или иных представителей «международного центра». Одно из них было составлено III отделением 14 октября 1835 г. на основании частного письма, полученного из Рима, и направлено киевскому генерал-губернатору. В этом предписании сообщалось

о «злоумышленных намерениях некоторых бродяг разных наций, странствующих с подложными паспортами и имеющих в виду пробраться в Россию». Далее назывались фамилии тех, кто якобы должен проникнуть на территорию империи, — корсиканцы Феликс Подеста, Петр Омесса и уроженец г. Фаэнца (Италия) Баттиста Кавина ¹⁶¹.

В секретные списки, составляющиеся в те годы в губернских канцеляриях, наряду с другими заносились данные о революционерах, имевших отношение к «Молодой Европе» и «Молодой Италии». Выше упоминалось о поисках в 1834 г. Антонини в связи с приездом в Одессу Моркио. Джакомо Антонини, уроженец Новары, был участником польского восстания 1830—1831 гг. и савойской экспедиции, для которой формировал в Швейцарии польский батальон ¹⁶² (позже в период революции 1848—1849 гг. Антонини сражался с австрийскими войсками, защищая Венецианскую республику). Его фамилия фигурировала в секретной переписке еще накануне савойского похода. В письме от 8 мая 1833 г. на имя киевского генерал-губернатора Бенкендорф называл Антонини среди «заговорщиков», готовившихся во Франции отправиться в Галицию и на Правобережную Украину. Тогда же к упреждению этой акции была привлечена администрация Новороссийского края, так как, согласно агентурным данным, тайное общество в Париже «имеет связи с Одессою» ¹⁶³. В 1836 г. местные власти завели новое дело — «о принятии мер к обнаружению сношений Одессы с революционным комитетом в Берне». В нем содержались показания арестованного в Варшаве Жабицкого о том, что руководимый итальянцем Мадзини комитет «Молодая Европа» установил связи с городами разных стран, а в Одессе имеет своего «корреспондента» ¹⁶⁴.

Полиция не смогла напасть на след «корреспондента» «Молодой Европы», который, как подтверждается документом, составленным лично Мадзини, действительно находился в этот период в Одессе. В выпущенном в Италии национальном издании сочинений Мадзини впервые приведено написанное на французском языке информационное письмо Центрального комитета «Молодой Европы» для Центрального комитета «Молодой Швейцарии». Оно было подписано в январе 1835 г. руководителями трех национальных организаций, входивших в «Молодую Европу» (с целью конспирации вместо подлинных фамилий стояли псевдонимы, в том числе псевдоним Мадзини — «Строцци»). Письмо было сугубо доверительным, согласно сделанной в конце оговорке, предназначалось «исключительно для «Молодой Швейцарии» (только что созданной). После изложения сведений о деятельности

итальянских, польских и германских революционеров, в нем сообщалось, что Центральный комитет «Молодой Европы» «имеет организаторов в Барселоне, Севилье, Лондоне, *Одессе* (подчеркнуто нами. — *Н. В.*) и т. д., однако неизбежная медлительность в сношениях между этими пунктами и Центральным комитетом затрудняет сегодня возможность дать оценку успехам их деятельности»¹⁶⁵.

Итак, фактически с самого начала образования союз обществ, руководимых главой итальянских революционеров, имел своего представителя на юге Украины. Поступавшие отдельные сведения о зарубежных связях «Молодой Европы» вынуждали царские власти, как и правителей других стран, искать среди «опасных заговорщиков» лиц, имевших отношение к этой организации. В составленном в канцелярии киевского гражданского губернатора секретном полицейском списке (1836 г.) тех, кто причислялся к революционным организациям, находим следующие фамилии: Билло — «эmissар, италианец», Бартолини — «италианец, эmiss[ар]», Бертолети — «в Вене», Карачелли — «эmissар, под именем негоцианта Райслера»¹⁶⁶.

В числе разыскиваемых на Украине были также почти все основные деятели «Молодой Польши», так или иначе имевшие контакты с Мадзини и Центральным комитетом «Молодой Европы». В «алфавит лицам, кои признаны в преступных замыслах и заговорах или принадлежности к тайному обществу, равно и тем, за коими велено иметь особо тайный надзор», составленный в канцелярии киевского гражданского губернатора, были включены такие деятели «Молодой Польши» и «Молодой Европы», как А. Антонини, С. Ворцель, Ф. Гордашевский, И. Дыбовский, К. Залеский, В. Зверковский, Ш. Конарский, И. Лелевель, Ф. Стольдман (в документе — Штольдман). «Алфавит» был подготовлен в 1836—1837 гг. на основании предписаний, поступивших в предшествующие годы, на что, в частности, указывает запись в журнале регистрации секретных документов канцелярии гражданского губернатора о получении предписания от 29 января 1836 г. «об отыскании злоумышленников Конарского и Залеских»¹⁶⁷. Таким образом, «алфавит» отражал положение, имевшее место во время активной деятельности «Молодой Европы».

Развертывая борьбу с революционными обществами, власти также усиливали цензуру. Под запрет попадали издания, к которым были причастны и члены «Молодой Европы», связанных с ней национальных организаций. В полученный на местах, в частности в Николаеве, список книг (октябрь 1835 г.), «запрещенных для публики» петербургским коми-

тетом цензуры иностранной, была включена книга «Украинцы», изданная в 1835 г. на французском языке в Париже¹⁶⁸. Одним из авторов ее значился С. Гощинский¹⁶⁸.

Одновременно ужесточался контроль над торговлей книжными изданиями. В 1834 г. в габсбургской и царской империях была проведена совместная операция против австрийских подданных книгопродавца Ивана Милликовского и его уполномоченного Иоганна Михалика, намеревавшихся открыть в Киеве книжную лавку. По прибытии из Львова в Киев летом того же года Михалик заключил с только что открывшимся в городе университетом условия на снабжение «книгами, картами и нотами». Эти условия, по заключению попечителя Киевского учебного округа от 1 августа 1834 г., были «выгодны для университета»¹⁶⁹. Между тем письмо наместника Галиции от 23 августа 1834 г., полученное в ответ на запрос киевского генерал-губернатора, послужило поводом для преследования книгопродавца и его поверенного. Как сообщалось в нем, «политические мнения Милликовского ненадежны. Именно в последнее время открылось, что он вмешался в запрещенный ввоз и распространение революционных сочинений из Франции и других западных государств. По одному таковому делу, которое могло быть доказано, он приговорен был к выдерживанию месяц под арестом, а другие случаи находятся еще в исследовании». Далее говорилось о поездке Милликовского «без дозволения местного (Галиции.— Н. В.) начальства» в Париж и возвращении в Австрию через Швейцарию. В результате ему предъявлялось обвинение в сношениях «с Лелевелем, который преимущественно в продаже революционных сочинений видит могущественное средство для политических движений». Характерно, что, несмотря на полученное предостережение от галицийского наместника, Киевский университет сделал Милликовского своим комиссионером по выписке литературы и учебных пособий. Более того, прибывший в Киев книгопродавец 20 сентября 1834 г. обратился с просьбой к властям о разрешении открыть магазин по продаже иностранных книг. Однако вскоре этот план был расстроен, а его автор выслан за границу с запрещением впредь въезжать в пределы Российской империи¹⁷⁰.

Всего два года продолжалась деятельность «Молодой Европы». В 1836 г. под давлением Австрии и других монархических государств швейцарские власти начали преследование международной организации и ее члены вынуждены были скрываться, переезжать в другие страны. С большими трудностями Мадзини с группой товарищей перебрался в Лондон, где продолжил свою деятельность.

Находясь в Англии, он узнал о трагической гибели Ш. Конарского, схваченного полицией и расстрелянного по приговору военного суда 27 февраля 1839 г. Характерно, что в обвинениях, выдвинутых судом в Вильно против Конарского, говорилось и о его сотрудничестве с итальянскими революционерами, руководимыми Мадзини. В официальном отчете, опубликованном, в частности, в прибавлении к «Киевским губернским ведомостям», указывалось, что, будучи за границей, Конарский находился «в скопище мятежников, нападавших на Савойю» (речь шла о походе 1834 г.). Как продолжение этой деятельности расценивалось его тайное прибытие в Россию — «для распространения революционной пропаганды»¹⁷¹.

Осмысливая опыт «Молодой Европы», «Молодой Италии» и других республиканских обществ, Мадзини вновь и вновь возвращался к идее революционной солидарности, преданность которой продемонстрировал Конарский. Высоко оценивая его заслуги, Мадзини много делал для популяризации имени и деятельности своего соратника по борьбе. 26 февраля 1840 г. в письме к матери в Геную он счел нужным поделиться вестью о предстоящем «собрании эмигрантов из разных стран в честь памяти поляка Конарского, который, эмигрировав в 1830 г., был с нами в том деле, о котором вы знаете...»¹⁷². 3 февраля 1843 г. в эмигрантской газете «Апостолато пополаре», предназначенной для итальянских рабочих и распространявшейся нелегально в Италии, в статье «4-я годовщина смерти Шимона Конарского» Мадзини подробно ознакомил читателей с биографией одного из организаторов «Содружества польского народа», сделав акцент на его сотрудничестве с прогрессивными кругами разных народов. «В 1834 г., — писал автор статьи, — он принял участие в савойской экспедиции, устроенной «Молодой Италией». Особо отмечая революционные связи Конарского с передовыми кругами России, с офицерами армии, Мадзини назвал имя «русского капитана Караваева», сделавшего попытку освободить польского революционера из крепости¹⁷³. Тогда же в 1843 г. Мадзини выступил с речью на вечере памяти Конарского, заявив, что польский революционер «посвятил себя» служению идее «священного союза народов»¹⁷⁴.

Деятельность итальянских революционеров-республиканцев на международной арене, в том числе в «Молодой Европе», способствовала возрастанию интереса к освободительному движению итальянского народа, к его деятелям и культуре. В России это, в частности, проявилось в том внимании, которое обращала общественность на современную итальянскую литературу, особенно тех ее представителей,

жизнь и творчество которых были связаны с борьбой за освобождение страны. Так, Белинский в своих «Литературных мечтаниях», опубликованных в московской газете «Молва» в 1834 г., назвал Алессандро Манцони в одном ряду с Дж. Байроном, В. Скоттом, В. Гюго, А. Мицкевичем и другими крупнейшими деятелями зарубежной литературы¹⁷⁵. В творчестве писателя критик высоко ценил социальную значимость его романа «Обрученные» (1825—1827 гг.), пронизанного идеями свободолюбия и борьбы против феодальной реакции, и считал это произведение достойным широкой популяризации в России. В июне 1838 г., рецензируя в журнале «Московский наблюдатель» «библиотеку избранных романов, повестей и любопытнейших путешествий», издававшуюся Н. Глазуновым, Белинский рекомендовал для опубликования «поискать чего-нибудь... и у итальянцев. Да вот — чего лучше? Отчего бы не перевести «Обрученных» Манцони? Очень бы можно найти хорошего переводчика»¹⁷⁶.

Хотя роман еще не был переведен, общественность России знакомилась с ним в оригинале, а также во французском переводе, осуществленном в 1830 г. Так, поэт и критик П. А. Вяземский после прочтения «Обрученных» отметил в записях начала 30-х годов глубокое проникновение автора в социальную драму своей страны, разоблачение деспотического правления периода испанского владычества, «утеснений, чинимых помещиками» над крестьянами с помощью разбойничьих шаяк. Вскоре, путешествуя в 1835 г. по Италии, Вяземский специально остановился в Милане, где посетил Манцони¹⁷⁷. Роман «Обрученные» пользовался популярностью также на Украине. Это и другие произведения итальянского писателя, изданные, в частности, в 1843 г. в Париже с предисловием Н. Томмазо, были известны членам Кирилло-Мефодиевского общества.

В 30-е годы благодаря Белинскому, Пушкину и другим деятелям отечественной культуры весьма популярным в России стало имя писателя Сильвио Пеллико, приговоренного в 1820 г. австрийскими властями за участие в карбонарском заговоре к смертной казни, замененной заключением в крепости. Выйдя из заточения, он написал автобиографическое повествование «Мои темницы» (1832 г.), где рассказал о выпавших на его долю жестоких испытаниях. Издание этой книги, как и выход через несколько лет его трактата «Об обязанностях человека», послужило Белинскому и Пушкину поводом, чтобы косвенно напомнить читателям о героической странице истории итальянского народа.

В марте 1836 г. в газете «Молва» критик писал, что «Сильвио Пеллико прославился своими страданиями и терпением,

Барельеф с изображением участников тайных съездов Южного общества декабристов В. Л. Давыдова, С. Г. Волконского, П. И. Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола, М. П. Бестужева-Рюмина. Киев, фасад дома по ул. Панаса Мирного, № 8/20.

Джузеппе Мадзини.

Джузеппе Гарибальди (Литография XIX в.).

OPERE COMPLETE
DI
ALESSANDRO MANZONI

CON UN DISCORSO PRELIMINARE

DI N. TOMMASEO

ED AGGIUNTE OSSERVAZIONI CRITICHE

PARIGI

BAUDRY, LIBRERIA EUROPEA

N° 3, QUAI MALAQUAIS, PRÈS LE PONT DES ARTS

STASSIN ET XAVIER, 9, RUE DU COQ

AMYOT, RUE DE LA PAIX; TRUCHY, BOULEVARD DES ITALIENS; THÉOPHILE BARROIS

QUAI VOLTAIRE; BROCKHAUS ET AVENARIUS, RUE RICHELIEU; ROLANDI

DULAU, BARTHÈS ET LOWELL, W. JEEFS, LONDRES

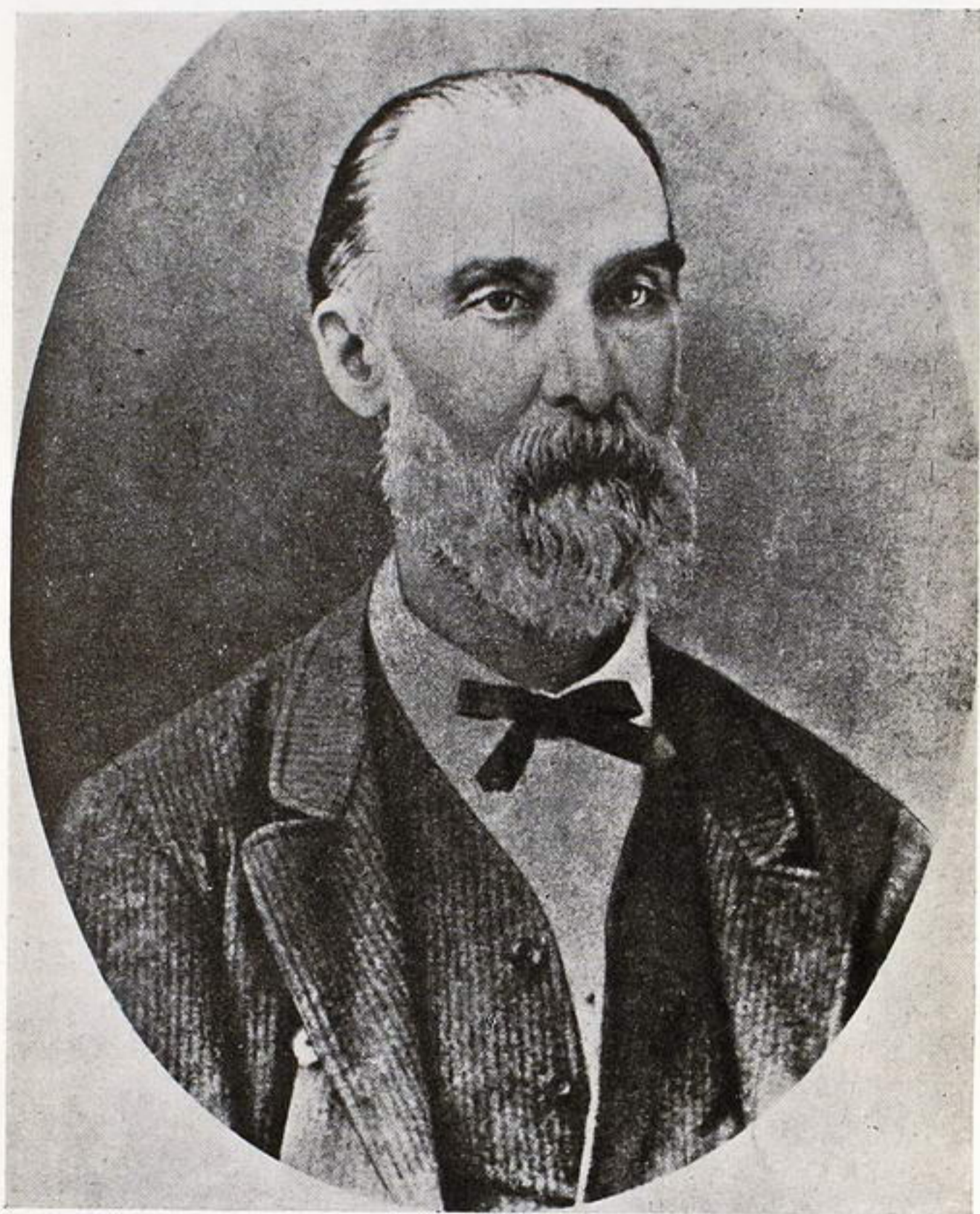
LÉOPOLD MICHELSEN, LEIPZIG

1843

Титульная страница собрания сочинений Алессандро Манцони с вступительной статьей Никколо Томмазео. Издание 1843 г. из библиотеки Н. И. Костомарова (Центральная научная библиотека АН УССР).

Фронтиспис собрания сочинений Манцони (1843 г.).

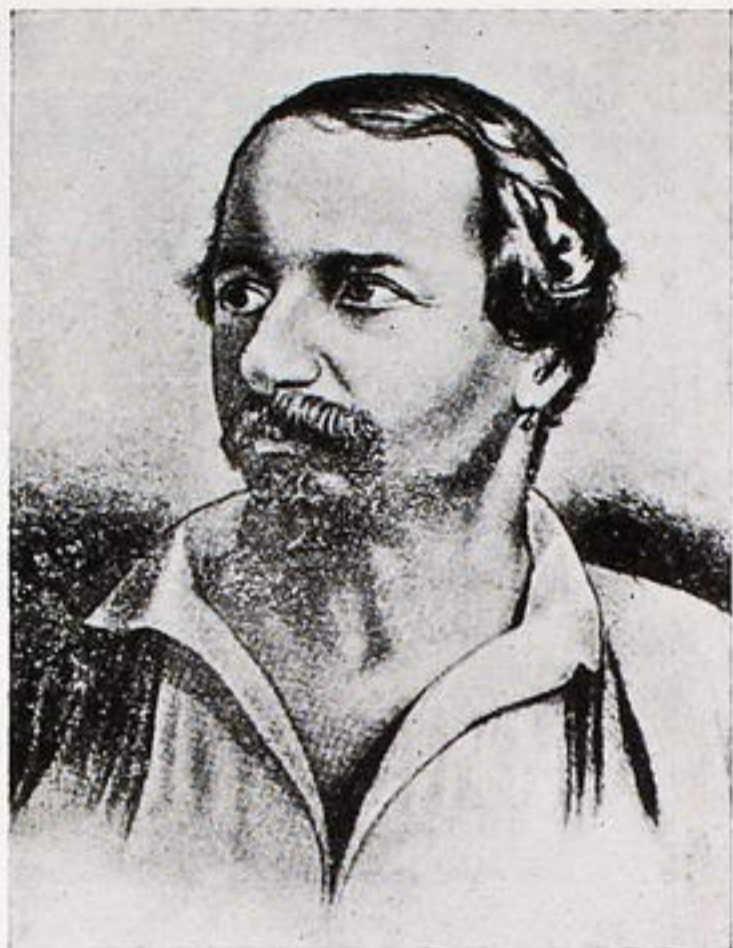
Карло Тенка, публицист и литературный критик (Фотография).

А. И. Герцен. 1847 г. (Лито-
графия Л. Ноэля).

Адам Мицкевич, организатор поль-
ского легиона в Италии. Рим, 1848 г.
(Рисунок поэта К. Норвида).

Анджело Брунетти (Чичероваккио), вожак революционных низов Рима в 1847—1849 гг.

Даниэле Манин, президент Венецианской республики 1848—1849 гг. (Фотография).

Т. Г. Шевченко (Автопортрет, 1845 г.).

Реакционные силы Франции против Римской республики. (Гравюра-аллегория 1849 г.).

В. Г. Белинский. 1843 г. (Портрет работы К. А. Горбунова).

Джоаккино Россини (Портрет, музей театра Ла Скала, Милан).

Хижина, где, скрываясь от преследования после падения Римской республики, останавливался 7—8 августа 1949 г. Гарибальди (Фотография, ок. 1880 г.).

Его Превосходительству Господному Директору
 Придворной Капеллы Николаю Саввичу
 и Кавалеру Ведору Петровичу Львову;

Отъ Придворнаго певца 14 класса
 Николая Иванова.

Прошение.

Будучи воспитанникъ въ Придворномъ по-
 тескѣмъ корпусѣ, я съ малыхъ лѣтъ посвятилъ
 себя музыкѣ. Время и занятія открыли мнѣ
 нѣкоторое сего искусства, но вѣроятно съ тѣмъ
 дали погубовѣвать и недостатки моихъ
 познаній. Употребляя въ службѣ, я
 хотѣлъ бы усовершенствоваться мою
 способности, но все это, при не имѣннхъ хорошихъ
 образцовъ, было слишкомъ недостаточно. Считаю
 счастливѣе, что я начиналъ уже отгадываться
 въ успѣхъ моихъ замѣтій, но одобреніе Вашего
 Превосходительства подкрѣпило и удерживало
 меня на сего трудномъ пути.

Сего моего вниманія, позволяете ли
 въ настоящемъ случаѣ обратиться къ

Вашему Превосходительству, какъ
истинному любителю и покровителю изящ-
ныхъ искусствъ, и покорнѣе прошите объ
исходатайствованіи мнѣ у Милосердаго
Монарха позволенія ѣхать, для образо-
ванія себя, въ Италию на два года, съ прише-
нныи для того содержаніемъ. Воляжь сей,
сверхъ шавной своей цѣли, дастъ мнѣ
средства къ кѣ путешествію, известной Вашему
Превосходительству, моей близки, которая
открывается съ каждаю весной. Силь началъ
никогда предстательствовать, Ваше Превос-
ходительство, будетъ первымъ виновникомъ
моего усовершенствованія, которое сдѣланъ
буду посвящать на пользу отечества.

При семъ . осмѣливалось представить, что
извѣстный Вацелму Превосходительству
своимъ талантомъ и познаниями, любителемъ
музыки Г. Гилка, отправляется въ Майн
мѣсяцъ сего года въ Италию, и предлагаетъ
мнѣ свое товарищество, которое для дости-
женія моей цѣли, будетъ весьма полезно.

Придворный мой М. Кинеса
Николай Ивановъ.

Марта 15го дня
1830го года .

Турин 26 сент. 1831 г.

Его Превосходительству Господину Ди-
ректору Придворной пивоваренной Канцелярии Майскому
Соборнику и Кавалеру Федору Петровичу Лобову
От Придворнаго пивовара
14 Кавалера Николая Иванова

Репортъ.

Чести имеетъ довести Вашему Превос-
ходительству, что завтра отправляюсь на
Туринъ черезъ Женеву на Пармодъ въ Неаполь, да
бы продолжать тамъ мои занятія по части
пивовареннаго руководства Поджари, первого Училища
въ Неаполи.

42

IN FIRENZE

NELL'I. E. R.

TEATRO LEOPOLDO

POSTO IN VIA DEI CERCHI

L'ESTATE 1841.

Si Rappresenteranno due Drammi Serj in Musica

IL PRIMO

BEATRICE DI TENDA

Parole di ROMANI Musica di BELLINI

PERSONAGGI ARTISTI

FILIPPO MARIA VISCONTI, Duca di Milano
 BEATRICE DI TENDA, di lui Moglio
 AGNESE DEL MAINO amata da Filippo, ed in segreto amante di ORONEFFLO, Sig. di Ventiniglia
 ANICHINO, antico Ministro di Filippo, e amico di Oronello
 RIZZARDO DEL MAINO, fratello di Agnese, e confidente di Filippo

SSg. ARTEMOWSKY SIMEONE

BARTOLINI GIARA.

ELISA ROCI PUCCELLI

ROFFA GIACOMO.

GIACCHINI ALESSANDRO.

MASELLI DEMETRIO.

Cost e Comparsa

Cavalieri - Giudici - Ufficiali - Dame - Damigelle - Soldati.

La Scena è nel Castello di Binasco

L'Epoca è dell'anno 1418.

IL SECONDO

IL BRAVO

Parole di BERRETTONI Musica di MARLIANI

PERSONAGGI ARTISTI

IL DOGE DI VENEZIA
 GIACOMO GRADENIGO, Patrio Veneto
 FIERO BEDNARO detto il Bravo ANTONIO, vecchio Pescatore delle Lagune
 DONATO messaggiero del Tribunale
 ANSELMO, vecchio confidente di Violetta
 VIOLETTA TIEPOLO pupilla della Repubblica
 Donna FLORIDA di lei governante

SSg. MASSELLI DEMETRIO.

ARTEMOWSKY SIMEONE.

ROFFA GIACOMO.

GIACCHINI ALESSANDRO

N. N.

PROFFI ETTORIO J

BARTOLINI GIARA.

CAROCI ANGELA.

Cost e Comparsa

Pescatori - Condottieri - Senatori - Giudici - Soldati Dalmati - Cavalieri - Donne del Popolo - Damigelle - Faggi - Signori della massa - Angolari

Famigliari di Casa Tiepolo. Un Condottiere di Casa Gradenigo.

La Scena è in Venezia

Con N.º 18 Coristi d'amb. i fond.

ORCHESTRA

Maestro e Direttore delle Opere Sig. PIETRO ROMANI

Assistente Sig. EDUARDO MASETTI

Capo, e Direttore d'Orchestra, Sig. LUIGI VIVIANI

Supplemento Sig. Paolo Bui

Primo Violoncello
 Primo Violoncello
 Primo Contrabbasso
 Primo Clarinetto
 Primo Fieda
 Primo Flauto, e Oboe
 Primo Tromba

Sig. Giovanni Celati
 Sig. Pietro Ferraro
 Sig. Gio. Guelfone Goldi
 Sig. Cesare Pignati
 Sig. Paolo Pavesi
 Sig. Francesco Magnani
 Sig. Siro Lanzi
 Sig. Eugenio Lanzi

Primo Fagotto
 Primo Corni della prima Coppia
 Primo Corni della seconda Coppia
 Primo Trombone
 Oboe
 Trompetta

Sig. Luigi Carbone
 Sig. Andrea Molteni
 Sig. Gio. Batt. Tosi
 Sig. Cesare Anesi
 Sig. Stanislao Belloni
 Sig. Tommaso Goldi
 Sig. Giuseppe Gabi

Pitture scenografiche Sig. Giovanni Giani. Pitture scritte Sig. Gaetano Paroli. Pitture Costumate Sig. Carlo Gallo. Musicante e Illuminatore Sig. Gaetano Casarini, e Appli. Attorniate Sig. Giuseppe Cecconi e c. Il Fanciullo del Capitano Sig. Lanzi. Rappresentatore Sig. Stefano Della Bella. Capote della Musica Sig. Francesco Molteni.

La Racca per il Sig. Appalti saranno in N.º di 50, al anno delle Beneficenze, come i cui Anzoni, ed ingegneri
 Il prezzo dell'Appalto viene fissato come appresso

Per i Sig. Uomini L. 18.
 Prezzo del Biglietto d'Ingresso L. 1. 6. 8

Per le Sig. Donne L. 16.
 Prezzo dei Posti Distinti L. 1. 6. 8

Le ricevute degli Appalti saranno firmate dal Sig. Am. Gaetano Biondi Cavaliere dell'Impero.

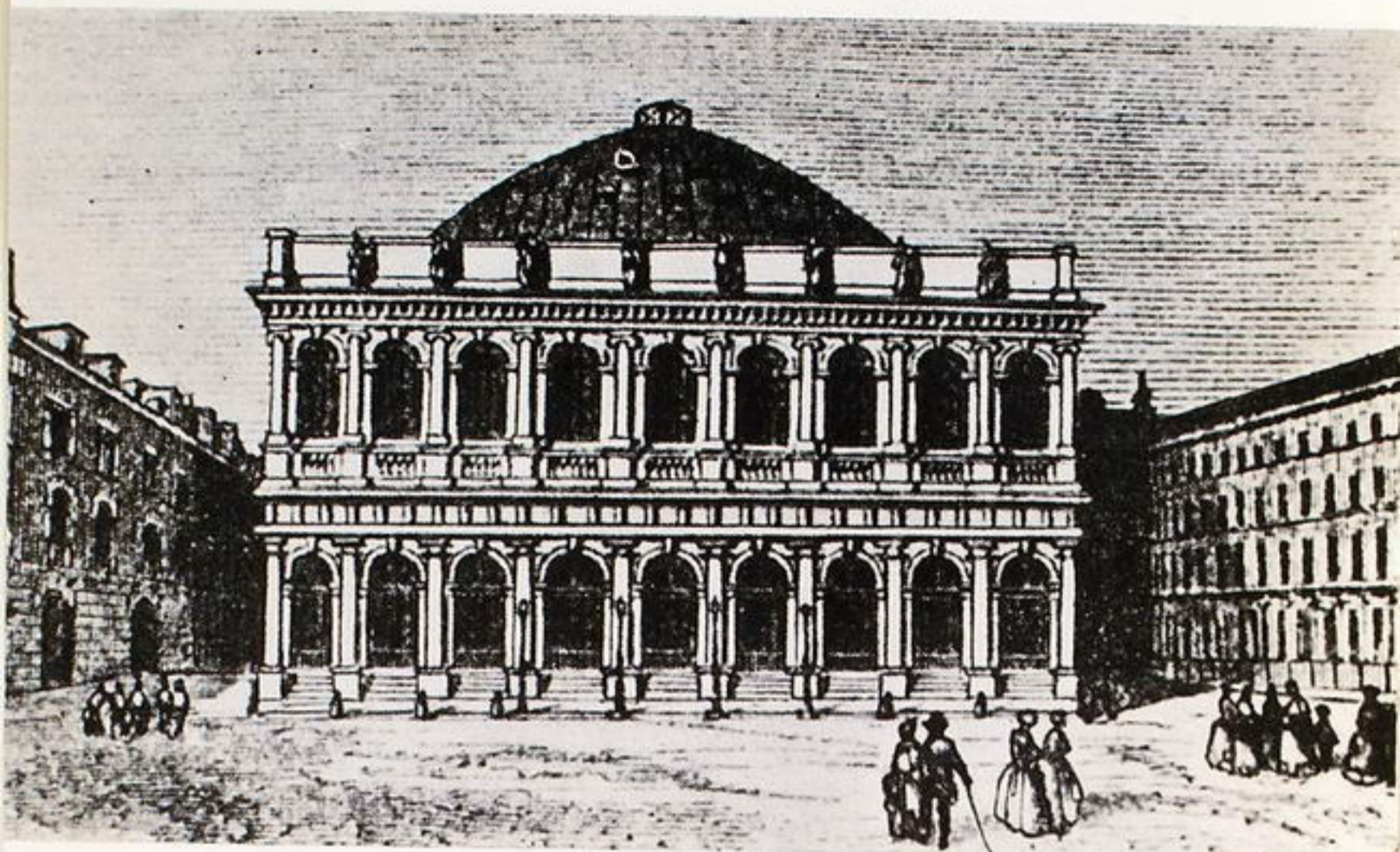
La Chiera dei Picchi si troveranno vendibili al Commercio del Teatro.

Alla Porta non si ricevono danari, né si servono Biglietti.

L'Appalto sarà immediatamente pagato alla metà della Racca.

L'ora da principiare lo spettacolo, e la sera nella quale avrà luogo la Prima Racca saranno indicate con appositi Manifesti.

Афиша флорентийского театра Леопольдо на летний сезон 1841 г. В главных ролях в операх «Беатриче ди Тенда» Беллини и «Браво» Марлиани С. С. Гулак-Артемовский (Государственный архив Флоренции).

Итальянский оперный театр в Париже.

Clenco

della Compagnia di Santo Spirito
 Sij. Chiara Bartolini ne Raffaelli 1ª Donna
 Sij. Angela Carracci 2ª Donna
 Sij. Giacomo Pozzo - Primo Tenore
 Sij. Vincenzo Carlinosky Primo Basso
 Sij. Domenico Raffaelli - Basso in prima
 Sij. Ettore Profitti } 2° Cori
 Sij. Aless. Giachini } 2° Cori

N. 12. Cristò di S. Cristò

Prima Opera Lucia di Lammermoor
 2ª Opera - Il Drago del Castello Martini
 (nuova per l'Italia)

Unito per S. Spirito
 al Conservatorio di S. Spirito
 E. C. Martini

Список ведущих певцов флорентийского театра Леопольдо с указанием о зачислении С. С. Гулака-Артемовского (четвертый в списке) на должность «первого баса». (Государственный архив Флоренции).

Si Rappresenteranno due

IL PRIMO

BEATRICE DI TENDA

Parole di ROMANI

Musica di BELLINI

PERSONAGGI

ARTISTE

FILIPPO MARIA VISCONTI,
Duca di Milano

SSig. ARTEMOWSKY SIMEONE.

BEATRICE DI TENDA, di lui
Moglie

BARTOLINI CHIARA.

AGNESE DEL MAINO amata da
Filippo, ed in segreto amante di

ELISA RICCI PUCCINI.

OROMBELLO, Sig. di Ventimiglia

ROPPA GIACOMO.

ANICHINO, antico Ministro di Fa-
cino, e amico di Orombello

GIACHINI ALESSANDRO.

RIZZARDO DEL MAINO, fratel-
lo di Agnese, e confidente di Filippo

MASSELLI DEMETRIO.

CORI E COMPARSE

Cavalieri - Giudici - Uffiziali - Dame - Damigelle - Soldati.

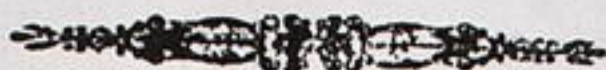
La Scena è nel Castello di Binasco

L'Epoca è dell'anno 1418.

Con N.º 18 Co

Фрагмент афиши театра Леопольдо на летний сезон 1841 г.

ROMANI!

Bologna - la eroica Bologna che l'8 Agosto 1848 fugò dalle sue mura l'Austriaco, stretta da più giorni, e bombardata dal nemico, è deliberata al sacrificio d'ogni cosa diletta, anziché dell'onore.

Invano un pusillanime Municipio, tenero delle case, anziché della dignità Italiana, tenta persuaderla a capitolazioni, che al danno, cui non impediscono al barbaro, aggiungono la vergogna.

Il Popolo, la Truppa, la Guardia Nazionale - il cui eroismo è maggior l'ogni lode - illuminati dal cuore - avvalorati dal sentimento del proprio dovere - lottano contro le arti del Municipio, e contro le artiglierie del nemico.

Fu alzata una bandiera bianca.

Il Popolo la fulminò - invocando la rossa - quella che anela al sangue del Croato assassino.

E questa sventola - e non una posizione fu ancora abbandonata dai prodi Bolognesi.

Risoluti a schiacciarsi sotto le proprie ruine, anzi che cedere, essi non cederanno - non cadranno. Perché Dio soccorre agli uomini dai grandi propositi, dalla volontà pertinace - agli uomini del sacrificio.

Chi guarda alle pareti, e le vuol salve, anziché salvare la dignità d'uomo, ed adempiere al sacro debito di morir per la patria, non merita il premio della vittoria.

Non cadranno - perché già le valorose Romagne muovono in loro soccorso, e già i fati d'Italia van ristorandosi.

La virtù vostra, o Romani, sta riedificando il tempio - sta ricostituendo la Nazione.

Qui Voi, uniti ai Rappresentanti d'Italia tutta, affrontate i Francesi, i Napoletani, e li disperdete - là i Bolognesi resistono fortemente agli Austriaci. In Livorno si fa altrettanto. In Palermo nuovamente si combatte.

Romani!..... La vittoria era destinata alle armi Republicane - le sole che s'imbrandiscono dal popolo, e pel popolo.

Voi primi proclamaste la Repubblica in nome di Dio, e fu grande, e degna di Roma.

In nome di Dio avete impugnato le armi, e vincete.

In nome di Dio impugnatele ancora - e vincerete!.....

12 Maggio 1849

IL MINISTRO DELLA GUERRA COMANDANTE IN CAPO L'ARMATA ROMANA

GIUSEPPE AVEZZANA

ROMA — TIPOGRAFIA GOVERNATIVA

Archivio storico Capitolino

Воззвание командующего войсками Римской республики по поводу героической защиты Болоньи от австрийских войск. 12 мая 1849 г. (Государственный архив Рима).

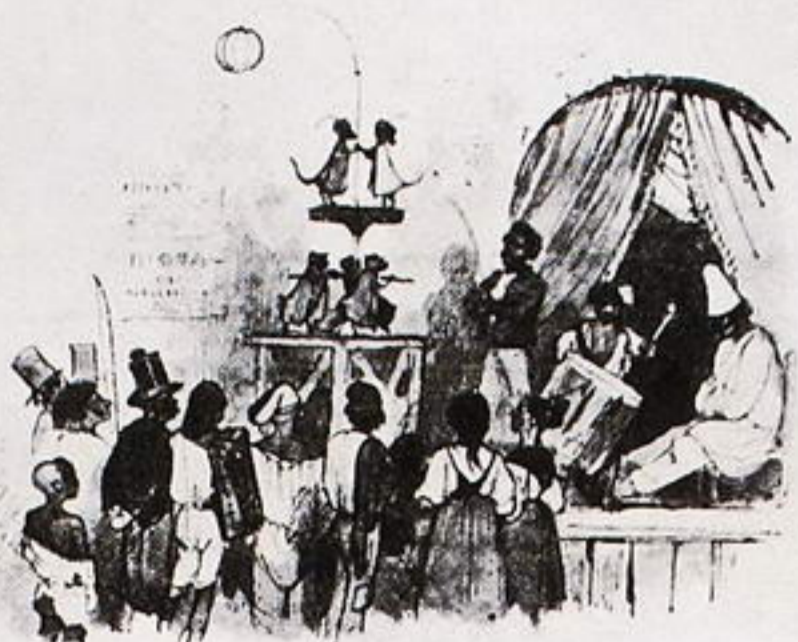
Оперный певец Дж. Рубини.

И. К. Айвазовский в Италии
1842 г. (Портрет работы
В. И. Штернберга).

Бедняки на римской
лестнице. Рисунок
В. И. Штернберга в пи-
сьме к И. К. Айвазов-
скому. Рим, октябрь
1843 г. (Отдел рукопи-
сей ГПБ).

Неаполь 1844 г.
30 июля

Встречная Неаполитанская бедность забавити народъ:
находясь между маленькои воротъ которые пертъте приносили
и доминанты и установкаи вертеши, еще две стаяны катеранъ:
привозили и книги къ которыхъ приносилъ шаръ, каковы
иногда впрямую съобщались. Чина въ Америке кохры и коты
иногда убранныи въ правдани Венецие, а не шестеръ на то
и убранныи что въ притомъ меня приводить въ шизъ, въ
книжъ иносимъ быдати и дрисати шестеръ водилки
и нещастливи были чрезъ шръ четвертисъ другъ нощу
сосу вышурити изъ неси скоманды, въ которой ан. миссеръ
и последне дружна били втисъ не въ шисомъ ради кола и др.
моя Андрюваха не немана притомъ, потому что
ча дръ иносимъ шаттиваши — доказалиши, не сто имъ другъ
си иносъ разидеши не сен се шисо. Непримило дръ шиса сдана
оператисе и в раздъ что шиса биссури признаю какъ шисуе шорисе
шестеръ шорисе забаване, шисисии шорисе да шорисе шисуе шиса
привозилиши другъ дрисати приводить и шисе.

Завтра въ 7 часовъ отправился въ Венецию. Андрюваха и

Представление уличного театра в Неаполе. Рисунок В. И. Штернберга в письме к Н. Л. Бенуа. Неаполь, 30/18 июля 1844 г. (Отдел рукописей СПБ).

Итальянские крестьяне. Рисунок В. И. Штернберга в письме к Н. Л. Бенуа. Рим, октябрь 1845 г. (Отдел рукописей ГПБ).

Неаполь. 1844. Октября. 24 го.

Любезнейший Бенуа.

Ваше изображение так живо
было прочтено в Швейцарии
и привнесло мне такое
удовольствие, какое я редко испы-
тываю. Это изображение привнесло
в мое воображение целый мир
и возбудило во мне столько
любви к вам, сколько никогда
раньше. Я думаю, что вы
наблюдаете на самом берегу
моря, так это вполне правдо-
подобно и все основано на

истине. Вы не видите там
никого. Но вы и не могли этого
и не могли, потому что вы
мне и много говорите.
Я понимаю содержание вашего
письма. Как вы обратились к
каждому предмету, который
Спасибо Богу, вы много
привнесли мне. Вспомните
Одиссея, который вы привнесли
который так так много привнес
поверхности украшений, так
и установили на нем
и оторвали одежду и с
каждым словом которое
мне удалось. Но вот вы
привнесли своей порфиры
на все края и края
должного быть порфиры
Мне не пришла в голову
идея, что вы привнесли
и привнесли Сидо, который
мне удалось так хорошо, и
Маргарита, которая была
привнесла такая добрая
и хорошего мужа. О
наше море и камни
и в это минуту я
не равнодушен. Сейчас у
меня была приятная
и не знаю как
и в 18 го да так

В. И. Штериберг (слева) со знакомым живописцем на неаполитанской набережной. Рисунок художника в письме к Н. Л. Бенуа. Неаполь, 24 октября 1844 г. (Отдел рукописей ГПБ).

Н. Н. Мурзакевич,
одесский
историк.

Итальянка с цветами на балконе во время рим-
ского карнавала. 1840-е гг. (Картина работы
А. Н. Мокрицкого).

ACCADEMIA TIBERINA

ANNO MDCCCXXXVII

Al Presidente Annuale
M. Sig. Niccolò Murzacevich, Ruso

L'Accademia Tiberina, che ha per istituto
la coltura e l'aumento delle Scienze e Belle Lettere, aven-
do avuto contezza de' Vostri meriti Scientifici e Letterarij, ed
in sequela della proposta fatta della Vostra ammissione dagli
Accademici Annibale Lepa Vice Pres. e Ann. P. Gio. Batt. Lepa Pres. Annuale
ha decretato di annoverarvi tra suoi Soj Corrispondenti.
In fede di che vi si spediscono queste lettere patenti segnate
col Sigillo Accademico.

Dato in Roma dalla Sala
di nostra Presidenza nella
Assemblea generale del di 6
Dicembre — MDCCCXXXVII
Dalla nostra Fondazione A. XXV

Per l'Accademia
Giul. Alborghetti, Presidente Annuale

Registrato al N. 611

Per l'Espedizione della Segreteria Annuale
M. Sig. Niccolò Murzacevich

Диплом Тиберинской академии в Риме об избрании Н. Н. Мурзакевича членом-корреспондентом. Декабрь 1837 г. (Рукописный отдел ИРЛИ).

*Il Saggio Collegio d'Arcadia per dare un maggior attestato di stima al vostro merito, Gentilissimo, e Valorosissimo Lidinio derogando a qualunque legge in contrario, ha decretato che nel medesimo giorno, in cui siete stato ammesso fra gli Arcadi, sia trasferito in voi il possesso delle vacanti campagne *Imane* dalle quali *Lidinio Imano* — in avvenire dovrete fra noi denominarvi; dichiarandovi con ciò Pastore Arcade di numero.*

Dato dalla Capanna del Serbatojo col nostro solito custodial sigillo, questo dì il 3mo di Marzo 1838. Stefano Gerontico 6. 5.

Stefano Antigonio Sotto Custode

Удостоверение римской академии «Аркадия» о зачислении Н. Н. Мурзакевича в ее состав. Май 1838 г. (Рукописный отдел ИРЛИ).

с которым он их переносил», и заметил, что «он участвовал в журнале «Посредник»» («Кончильяторе») ¹⁷⁸. Для знакомого с историей тех лет читателя подобная ремарка говорила о том, что Пеллико был автором миланского прогрессивного издания, которое было запрещено в 1819 г. австрийскими властями. Что же касается взглядов, к которым Пеллико эволюционировал после ареста и выхода из тюрьмы и отразил в своем трактате «Об обязанностях человека», то Белинский вскользь выразил свое несогласие с ними, как напоминающими преподавание «произвольно-догматических уроков». Выступая в апреле 1836 г. в журнале «Телескоп», он подчеркивал, что действительность, с которой столкнулся писатель, давала возможность уйти от примирения с ней: «душа сильная могла бы вынести из своего заключения что-нибудь посильнее...» ¹⁷⁹.

Характерно, что Пушкин, откликаясь в «Современнике» (1836 г.) на выход трактата «славного» Пеллико, также счел нужным подчеркнуть, что автор «десять лет провел в разных темницах», после которых издал «свои записки»: «изумление было всеобщее» ¹⁸⁰.

Отношение общественности к Пеллико и делу, к которому он был причастен, придало публикации его произведений в России оттенок своеобразного соревнования переводчиков и издателей. На этот момент обратил внимание Белинский в упомянутой выше заметке, появившейся в «Молве». Когда в Москве готовилось издание книги «Об обязанностях человека» и «Молва» поместила отрывок из этого перевода, оказалось, что сделан другой перевод и осуществлено его издание в Одессе. «Одесса упредила Москву: честь и слава ей! Из этого видно, что Сильвио Пеллико очень посчастливилось на Руси» ¹⁸¹.

То, что не могло быть высказано в адрес угнетателей итальянского народа открыто в печати, современники выражали в переписке, беседах. Эти настроения наиболее ярко отразились в письме А. И. Герцена, которое он отправил в феврале 1835 г. Н. А. Захарьиной. «В 1820 году,— писал он,— австрийское правительство хватало и судило за карбонаризм всех итальянцев. Между прочими взяли поэта Сильвио Пеллико... Пеллико был приговорен к смерти и,— добавлял с горькой иронией Герцен,— по милосердию монарха отослан на десять лет в подземелья Шпигельберга (правильно — Шпильберга)» ¹⁸².

Деятели российской культуры поддерживали и личные контакты с бывшим узником габсбургского режима. Так, совершая поездку по Италии, близкий друг А. С. Пушкина, поэт и критик П. А. Вяземский сделал остановку в Турине,

где проживал Пеллико, и познакомился с ним. Эта встреча, как отметил в своей записной книжке Вяземский, состоялась 17(29) апреля 1835 г.¹⁸³ Благодаря Вяземскому бывший австрийский узник узнал о том уважении, которым было окружено его имя в России. На получение изданных здесь переводов своих двух книг он отозвался письмом от 10 августа 1838 г. к Вяземскому: «Как много благодарен я вам за то, что вы, в России, почтили меня воспоминанием...»¹⁸⁴

Знаменательно, что отношение прогрессивной России к Пеллико перекликалось с оценками итальянских революционеров, считавших его записки важным материалом в разоблачении австрийского владычества на Апеннингах. В конце 1836 г., когда «Молодая Европа» в результате полицейских преследований фактически прекратила свое существование, Мадзини пришел к мысли о необходимости издать в Париже на французском языке «Библиотеку изгнанника» с целью популяризации идей этой международной организации. «Библиотека,— делился он своими соображениями в письме (ноябрь) к Мелегари,— должна состоять из трех серий произведений изгнанников: Польша, Италия, Германия... Вещи изданные и неизданные, например, перепечатка «Польского пилигрима» Мицкевича, переводы «Крымских сонетов», «Дзядов» и других его произведений». Далее Мадзини называл «Мои темницы» Пеллико, поставив эту книгу в один ряд с политическими сочинениями революционеров-демократов — с «томиком переведенных произведений «Молодой Италии»»¹⁸⁵. Только из-за отсутствия необходимых денежных средств издание «библиотеки» не удалось осуществить. В этих условиях тем большее значение приобретали усилия общественности в России по изданию сочинений Пеллико.

В числе популяризаторов итальянской литературы были лица, так или иначе причастные к революционной пропаганде, среди них издатель трактата Пеллико «Об обязанностях человека», одесский книготорговец Давид Миельвиль (Мельвиль), имя которого упомянул Белинский, сообщая выходные данные к этой книге в своей рецензии в газете «Молва» (1836 г.). Два года спустя магазин Миельвиля был подвергнут полицейскому обыску в связи с обнаружением в западных губерниях страны организации Конарского. Полиции не удалось найти что-либо подозрительное. Однако в июле 1839 г. в Одессу со специальным предписанием киевского генерал-губернатора прибыл для дополнительного расследования жандармский полковник Радищев. Одна из задач, поставленных перед ним, состояла в выяснении «выписки и распродажи в Одессе запрещенных книг и сочинений». 10 августа состо-

ялся первый допрос Миельвиля. В протоколе, подписанном книгопродавцом, говорилось, что он уроженец г. Лозанны, 38 лет, проживает в Одессе с 1819 г.¹⁸⁶ Перед тем, как стать владельцем магазина, Миельвиль служил учителем французского языка в Херсонской губернии у князя Николая Кантакузина¹⁸⁷, после чего уезжал за границу и вторично вернулся в конце 1828 г. в Одессу, где в следующем году открыл книжную лавку. В ответах на «вопросные пункты жандарма» он писал, что «книги и картины получаю из Парижа и Брюсселя» через Марсель. Согласно справке Одесского цензурного комитета, только с 1836 г. по 13 августа 1839 г. он получил из-за границы 8564 томов и много другой печатной продукции. В другой справке — карантина указывалось, что книжные посылки доставлялись шкиперами-иностранцами, в том числе итальянцами¹⁸⁸. Помимо проходившей цензурный контроль литературы, Миельвиль пользовался каналами получения иностранных книг в обход существовавших правил, практиковал специальные заказы на приобретение книг отъезжающим за границу. Жандармский полковник пришел к выводу, что магазин служил местом распространения книг, «запрещенных к ввозу в Россию». Во время обыска было обнаружено более ста таких томов, в том числе «неизвестных в цензурном отношении», среди них — песни Беранже, польские эмигрантские издания и др. Все их Миельвиль хранил не в магазине, а в своей квартире, находившейся в том же доме¹⁸⁹.

В ходе обыска, произведенного у другого одесского книгопродавца — Сорона, также были выявлены запрещенные издания. Тем самым следствие получило косвенные подтверждения, что именно у одного из этих владельцев книжных магазинов или у обоих приобрел и отправил в Подольскую губернию «сундук с запрещенными книгами» Конарский, приезжавший тайно в Одессу в 1837 г.¹⁹⁰

Обыски, проведенные тогда же у других лиц, подозреваемых в связях с революционным обществом Конарского, показали, что некоторые из них знакомились с книгами итальянских авторов в оригинале. Так, у А. Серватовского находились издания на итальянском языке, включая три тома произведений А. Мандзони, трехтомник сочинений Б. Челлини и «Мои темницы» С. Пеллико¹⁹¹.

Комментируя результаты следствия, киевский генерал-губернатор в рапорте военному министру отмечал, что обнаруженная у одесских книгопродавцов запрещенная литература — иностранного происхождения. Ее характер он иллюстрировал оценкой книг, изъятых из существовавшей при магазине Сорона «библиотеки для чтения». Они, писал гене-

рал-губернатор, представляют в «злословных выражениях царствования наших государей» и «заключают в себе возмутительные республиканские мысли или отличаются безбожием»¹⁹². По распоряжению властей Миельвиль и Сорон были арестованы и доставлены в Киев, где посажены в «особое отделение» гауптвахты. В конце 1839 г. по «высочайшему повелению» оба книгопродавца как иностранные подданные были высланы за границу «с воспрещением им въезда в империю и с тем, чтобы книжные их лавки в Одессе и Симферополе были немедленно закрыты и проданы с публичного торга»¹⁹³.

Расправляясь с причастными к республиканской пропаганде лицами, царизм тем не менее не в силах был воспрепятствовать крепнувшей солидарности революционных демократов и международным связям передовой общественности, в расширение которых внесла свой вклад и «Молодая Европа». Дальнейшие революционные события убедительно показали непреходящее значение деятельности тех, кто еще в годы абсолютистской реакции поднял знамя с лозунгами единения и сотрудничества борющихся за свое освобождение народов.

4. РЕВОЛЮЦИИ 1848—1849 гг. И БОРЬБА ПРОГРЕССИВНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ИТАЛИИ ЗА СОЮЗ СО СЛАВЯНСКИМИ НАРОДАМИ

В 1848—1849 гг. Италия стала одним из главных центров революций, потрясших Европу. Народные выступления, начавшиеся на Апеннинах накануне, охватили Ливорно, Венецию, Флоренцию, Сардинию. В январе 1848 г. началось восстание в Палермо (Сицилия). Под натиском массовых выступлений абсолютистские режимы вынуждены были пойти на некоторые уступки. В конце января в Неаполе был сформирован либеральный кабинет, в начале февраля в Сардинской монархии король Карл Альберт издал указ о введении конституции. 17 февраля конституционной монархией провозгласило себя и Тосканское герцогство.

Несмотря на определенные сдвиги в политической области, массы населения — крестьяне, пролетарские и полупролетарские городские слои по-прежнему находились под тяжелой пятой эксплуатации феодалов, бюрократии, церкви. Борьба не утихала. Поэтому победа народного восстания в Париже 24 февраля 1848 г., свергнувшего монархию и провозгласившего Францию республикой, дала мощный толчок дальнейшему подъему революционной борьбы во всей Европе и на Апеннинах в частности. В Италии 1848-й год ознаменовался

рождением первых республиканских правительств. Как и прежде, наибольшую опасность для итальянской революции представляла Австрийская империя. Становилось все более очевидным, что победа над абсолютизмом не возможна без объединения собственных сил и сотрудничества с народными движениями в других странах.

В поисках союзников на международной арене многие итальянские буржуазные демократы обращались к правящим кругам Франции и Англии. Форма правления этих стран служила тем критерием, согласно которому они автоматически зачислялись в потенциальные союзники итальянской революции. Весьма популярным был стереотип, утверждавший, что Франция, избавившаяся от короля Луи Филиппа, является «старшей сестрой» новой Италии. В свою очередь, Англия, где парламентарная система уже давно существовала в условиях конституционной монархии, также характеризовалась в качестве естественного партнера республиканцев на европейском континенте. Подобные трактовки в кругах итальянской демократии во многом основывались на превратном понимании внешнеполитических жестов правительств Франции и Англии, их словесных заверениях, носивших характер маневров, сущность которых сводилась к тому, чтобы использовать возникшую ситуацию на Апеннинах в качестве предмета торга с монархиями для обеспечения интересов собственных правящих классов¹⁹⁴.

Последующие события показали, что считавшаяся республиканской Франция, где у власти оказались наиболее реакционные круги крупной буржуазии, на деле выступила в одном строю с абсолютистскими душителями итальянской свободы — Габсбургской империей, испанским и неаполитанским королями. Послав экспедиционный корпус к берегам Италии под предлогом защиты нового государственного строя в Риме от австрийской угрозы, французское правительство силой оружия задушило республику и восстановило папскую деспотию. Никакой реальной помощи итальянские республики не получили также от официальных кругов Англии.

Еще до начала трагических событий ряд представителей итальянской общественности и среди них близкие друзья Мадзини указывали на беспочвенность надежд склонить на свою сторону западные правительства. Даже находившийся в Париже в 1848 году композитор Дж. Верди со всей категоричностью отрицал возможность получения отсюда какой-либо помощи. В письме от 24 августа 1848 г. на вопрос Джузеппины Аппиапи он отвечал: «Вы хотите знать точку зрения Франции на дела Италии?.. Идея объединения Италии

ужасает маленьких ничтожных людей, стоящих у власти... Ни на Францию, ни на Англию надеяться нельзя... Сюда приезжают итальянские дипломаты от всех партий: вчера Томмазо, сегодня Пиччиотти. Они ничего не добьются... Одним словом: Франция не желает видеть итальянский народ самостоятельным»¹⁹⁵.

Подобные прогнозы полностью подтвердились в последующие месяцы. Однако крушение надежд на французскую и английскую помощь не снимало с повестки дня вопроса о союзниках итальянской революции. Среди патриотов вызревала и получала все более широкую поддержку идея прямого сотрудничества с антифеодальными и антимонархическими силами в других государствах, и прежде всего в Австрии и России, игравшими решающую роль в противодействии революциям.

В этих условиях итальянская общественность все чаще обращалась к вопросу о роли славянства в европейской революции. Прийти к однозначному заключению даже демократически настроенным кругам было особенно трудно ввиду весьма распространенной на Западе шовинистической точки зрения, отождествлявшей славянские народы с их монархическими правителями и выдвигавшей тезис о «славянской угрозе» для европейской цивилизации.

Важное значение для выяснения действительной роли славянства в международных отношениях имела проводившаяся ранее демократами пропаганда революционного союза народов против реакционного союза монархов. Большое внимание этой деятельности тогда же уделяли Маркс и Энгельс. Об этом, в частности, свидетельствует их активное участие в созданной в сентябре 1847 г. брюссельской Демократической ассоциации, провозгласившей своей целью единение и братство всех народов. В связи с победой февральской революции 1848 г. во Франции Маркс в качестве вице-председателя ассоциации подписал обращение «Гражданам, членам временного правительства Французской республики», лейтмотивом которого был тезис о революционном сотрудничестве народов, в том числе славянских. «Немыслимо, — говорилось в воззвании, — чтобы даже Россия не присоединила, наконец, к этому своего голоса, столь непривычного еще для уха западных и южных народов»¹⁹⁶. Это воззвание подписал Лелевель, с которым Маркс, по его свидетельству, был близко знаком и их отношения носили дружеский характер¹⁹⁷.

С мыслями о союзе народов в борьбе с реакцией Маркс обращался непосредственно к итальянским демократам. В письме, адресованном в мае 1848 г. редактору флорентийской газеты «Альба» («Рассвет»), он от имени редакции

«Новой Рейнской газеты» заявлял: «Мы будем отстаивать дело итальянской независимости, мы будем вести смертельную борьбу против австрийского деспотизма в Италии, равно как в Германии и в Польше. Мы братски протягиваем руку итальянскому народу и хотим доказать ему, что немецкий народ отвергает какое бы то ни было участие в угнетении, которому вы подвергаетесь со стороны тех же самых людей, что и у нас постоянно боролись против свободы. Мы приложим все усилия, чтобы сделать возможным союз и доброе согласие между обоими великими и свободными народами, которые до сих пор, благодаря гнусному образу правления, были приучены к мысли, что они являются враждебными друг другу»¹⁹⁸.

Письмо Маркса было опубликовано в газете «Альба» 29 июня 1848 г., став достоянием итальянского общественного мнения, от имени которого флорентийская редакция в том же номере заверила о приверженности идее союза народов: «Мы проникнуты верой в те же принципы, неуклонное развитие которых вы поставили себе задачей»¹⁹⁹.

Идея союза народов помогала пробивать брешь в невежественных представлениях о славянах, по-новому ставить вопрос об их отношениях с правителями, выявлять общие черты в положении славянских и итальянского народов. Для этого в общественной мысли Италии существовали определенные предпосылки. Еще на стадии карбонарского периода освободительного движения, как отмечалось, под влиянием дошедших на Запад известий о восстании декабристов отдельные революционные деятели Италии высказывались за сотрудничество с борцами за свободу в России.

Большое значение для пропаганды идеи единения итальянского народа со славянскими имело содружество в 30-х годах итальянских и польских революционеров. Это нашло, в частности, свое выражение в участии итальянских добровольцев в польском восстании 1830—1831 гг. Совместным мероприятием политических эмигрантов Италии, Польши и некоторых других стран явилась савойская экспедиция 1834 г. Хотя поход окончился неудачей в самом начале, он тем не менее сыграл и позитивную роль, показав необходимость тесного интернационального сплочения передовых сил разных, в том числе славянских, народов для свержения политической тирании и утверждения республиканского строя на Апеннинах. «Не случайно Мадзини, — отмечал известный советский исследователь Рисорджименто В. Е. Невлер (Вилин), — всего через два месяца после поражения савойской экспедиции создал «Молодую Европу». Этот акт означал проявление солидарности борцов за прогресс и демократию,

создание Священного союза народов — что являлось заветной мечтой Мадзини — против Священного союза реакционных сил»²⁰⁰. Будучи одной из первых в истории попыток международного объединения демократических сил, «Молодая Европа» предвосхищала и идею итало-славянского союза. В рамках этой организации, состоявшей из нескольких национальных обществ, действовали, как мы уже видели, рука об руку «Молодая Италия» и «Молодая Польша».

Мысли о необходимости союза с прогрессивными силами России не покидали Мадзини и после того, как «Молодая Европа» прекратила свое существование. Находясь в лондонской эмиграции, он продолжал пропагандировать революционные традиции декабристов, подчеркивая, что их идея единения народов на принципах республиканской свободы близка революционерам Италии и других стран. Выступая 26 июля 1841 г. с речью, посвященной памяти Пестеля, Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина, Рылеева и Каховского, Мадзини говорил: «Наша победа зависит от общего порядка, представляющего два аспекта нашей веры: культура родины и культура человечества»²⁰¹.

31 августа в газете «Апостолато пополаре» он опубликовал большую статью, где ознакомил читателей с борьбой первых революционеров России — восстаниях в Петербурге и «в Василькове на Украине», рассказал о связях Пестеля и Муравьева-Апостола с польскими патриотами в Киеве и т. д. В конце статьи приводилась составленная им резолюция собрания польских и итальянских эмигрантов в честь памяти декабристов. В ней говорилось о борьбе славянских народов за свое освобождение, в ходе которой «будет создана будущая Европа». «Мы, — заявляли участники собрания, — открываем им свои объятия»²⁰². 27 июля 1845 г. в обращении к «братьям русским», выпущенном также в связи с годовщиной гибели пяти декабристов, Мадзини писал о том, что итальянские революционеры выражают свои симпатии «в особенности семье славянских народов», угнетенных, как и итальянский. Он писал, что Пестель и его товарищи, «умершие ради спасения семьи славянских народов, являются гражданами и братьями всех, кто борется за дело справедливости и правды на земле»²⁰³.

Накануне революционных потрясений важное значение для формирования общественного мнения имел усилившийся на Апеннинах интерес к истории и культуре славян. Одним из инициаторов этого движения явилась в предреволюционный период редакция миланского журнала «Ривиста эуропаеа» («Европейское обозрение») во главе с публицистом и литературным критиком Карлом Тенкой. Его пространный очерк

«О славянской литературе», помещенный в июльской книжке журнала за 1847 г., приобрел этапное звучание в итальянской общественной мысли ²⁰⁴.

Первоначально свой труд Тенка прочитал в качестве доклада на заседании общества поощрения наук, литературы и искусства 25 апреля 1847 г. ²⁰⁵ Здесь впервые в Италии был дан систематизированный обзор литературного процесса славянских народов. Значение этой работы вышло далеко за пределы сугубо литературоведческих изысканий. В отличие от господствовавших идеалистических реминисценций относительно сущности литературы Тенка — и в этом его заслуга перед общественной мыслью своей страны — определяющим началом в истолкованиях литературных фактов сделал историзм. Анализируя славянские литературы, он применил передовые для тогдашней социологии методологические принципы подхода к художественной литературе как общественному явлению и соответственно при изучении процессов в литературах использовал сравнительный метод, считал носителем духовной силы страны народ, боролся за демократическую культуру ²⁰⁶.

Такая позиция позволила Тенке открыть перед итальянским читателем впечатляющую картину жизни и борьбы славян, народный характер их художественных произведений. Автор показал, в частности, богатое духовное наследие русского, украинского и белорусского народов, о котором ничего или почти ничего широкая публика в Италии не знала. Обращаясь к истории Российского государства, он решительно восставал против распространенного на Западе стереотипа о том, будто славяне — «варварский народ, которого не коснулась никакая цивилизация». В опровержение этого мифа Тенка называл имена и произведения Державина, Жуковского, Пушкина, Лермонтова и других писателей, акцентировал внимание на многовековых традициях народнопоэтического творчества в России ²⁰⁷.

Своей работой он доказывал, что в литературе запечатлены наиболее важные и славные страницы истории народа. Как сам очерк, так и в еще большей мере неизданные исследовательские материалы его автора, ныне хранящиеся в архиве миланского музея Рисорджименто, показывают, что Тенку интересовали события, связанные прежде всего с борьбой славянских народов против иноземных захватчиков и поработителей. Подобный анализ исторического прошлого приобрел в условиях итальянской действительности злободневное политическое звучание, помогал утверждаться идеям борьбы за освобождение страны от иноземных угнетателей и ее воссоединение.

В поисках героического в славянской истории автор заинтересовался фольклором, древними памятниками письменности. Это позволило ему уже в предварительных заметках отметить славные страницы истории Киевской Руси «времен Владимира I, Ярослава Великого и Владимира Мономаха»²⁰⁸. В журнальной публикации Тенка писал о «песнях бардов» (былинах), в которых «прославляются деяния Владимира, Рюрика, Святополка»²⁰⁹. Особо он выделял «поэму о походе Игоря, обнаруженную полстолетия тому в Москве», расценивая ее как «изумительный осколок» народной поэзии. О том, что автор был довольно обстоятельно, в пределах доступных ему западноевропейских публикаций, знаком с народным творчеством славян, говорят сохранившиеся в его архиве рукописные тексты переводов на итальянский язык «исторических песен». Среди них мы находим «историческую песню», озаглавленную «Хвала весне», где повествуется об отражении Киевской Русью набегов орд кочевников²¹⁰.

Вопреки имевшим место на Западе попыткам идентифицировать с деспотичными князьями и самодержцами славянские народы, Тенка отмечал в прошлом славянства традиции политической свободы. Об этом свидетельствует запись о вече в Пскове и Новгороде — «народных русских собраниях», в связи с чем Тенка называл эти города «республиками»²¹¹. Такие характерные для декабристов представления, обосновавшие республиканские начала обращения к отечественной истории, импонировали итальянским демократам в их борьбе, подтачивали основы мифа феодально-клерикальной реакции об извечности монархических начал в славянском мире и приверженности славянских народов к устоям деспотического правления.

Поиск в прошлом других народов ответа на вопросы, волновавшие участников освободительной борьбы в Италии, привел Тенку и к истории Украины, дал возможность показать ее неразрывную связь с Россией. Он проявил интерес к происхождению названия «Украина», записав латинскими литерами «У-Крайна», «Крайне»; отметил, пользуясь распространенной в те времена терминологией, что ее население — «малоруссы, южнославяне». В своих исследовательских материалах Тенка сделал также заметки об освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг. На бланке протокола одной из королевских комиссий мы видим записи о центрах народной борьбы — Киеве, Запорожской Сечи. В этой связи он сделал пометку об «украинском казаке Тарасе Бубле»²¹². В таком ошибочном написании представлен герой гоголевской повести «Тарас Бульба». К этому образу Тенка возвратился и в самой публикации, вовсе не имея

в виду произведение Н. В. Гоголя и, видимо, не зная о нем. Героический персонаж он связал с народным творчеством, трактуемым в качестве поэтической летописи народной борьбы. Древнерусская поэзия «вовсе не умерла в народе», утверждал он, акцентируя внимание на прославлении в ней свободолюбивых мотивов и связывая это с продолжением народных традиций. «В настоящее время в лачугах Клева и шалашах казаков снова звучат на старинном малорусском наречии некоторые возрожденные древние баллады (речь идет о народных думах.— Н. В.) под грустную и нежную мелодию». Автор писал, что «по традиции казаки хранят рыцарскую поэму «Тарас Була» (еще одна описка автора.— Н. В.), которая воспеваает давние дела кочевых племен»²¹³.

Рассматривая фольклор как отражение истории народа, Тенка обратил внимание итальянского читателя также на польскую литературу, в том числе те ее произведения, сюжеты которых почерпнуты из украинских народных источников и повествуют о гайдамацких восстаниях и других периодах бурной истории Украины. Как «шедевры поэзии» он охарактеризовал, в частности, «эпические и драматические поэмы» представителей так называемой украинской школы в польской литературе — «Каневский замок» С. Гоциньского, «Дух степей» И. Залеского и др.²¹⁴

Изучая историю России, Тенка, как видно из его исследовательских материалов, фиксировал такие важные вехи в борьбе русского и украинского народов против иноземных захватчиков, как Полтавская битва, русско-турецкие войны XVIII ст., начало выхода Российского государства к Черному морю «на пространстве от Днепра до Южного Буга». Его занимала также ранняя история Крыма и Херсонеса Таврического, в которой он отмечал бывшее «торговое господство генуэзцев»²¹⁵.

Собирая фактический материал для своих исследований, Тенка пользовался переводными публикациями произведений славянских, в том числе российских, авторов на французском, немецком и итальянском языках, что в определенной мере обусловило некоторые неточности и ошибочные суждения в его сочинении, однако не влиявшие на верность основных его интерпретаций. Ряд исторических сведений, вошедших в арсенал общественного мнения Италии в революционные годы, он извлек из «Истории государства российского» Н. М. Карамзина. Отсюда, например, сделаны выписки о повестях XV и XVI столетий²¹⁶.

Среди источников, послуживших основой для ряда положений очерка, были работы декабристов. Так, Тенка использовал статью декабриста А. А. Бестужева «Взгляд на

старую и новую словесность в России», опубликованную в знаменитом альманахе «Полярная звезда» за 1823 г. Подготовительные материалы в его архиве свидетельствуют, что он был знаком с ее основными выводами²¹⁷.

Появление статьи Тенки в журнале «Ривиста эуропеа» утверждало важную тенденцию в итальянской общественной мысли — стремление к познанию судеб славянских народов не только ради узко научных целей. Именно в этот период к борьбе народных масс славянства все чаще обращается массовая пресса, ежедневные газеты. Об изучении «внутренней и тайной славянской истории, как и истории всех угнетенных народов», писала в статье «Славянство» в июне 1849 г. туринская газета «Конкордиа» («Согласие»). Следуя тековской методологии, она указывала на то, что история славян обнаруживается в их «песнях и народных традициях»²¹⁸.

Исторический взгляд на народы Восточной Европы позволял показать подлинное — угнетенное их положение. «Конкордиа», например, отмечала, что «миролюбивые и трудолюбивые славяне в античные и средние века» находились под гнетом длительного господства чужеземцев, приходивших с Юга, Запада и Востока. Чтобы подчеркнуть трагические моменты в истории славян, газета ссылалась даже на укоренившееся тогда среди историков и филологов ненаучное утверждение, отождествлявшее слова «славянин» и «раб»²¹⁹.

Под гром европейской революции в передовых кругах Италии ширилось понимание того, что многомиллионные массы славянских народов продолжают находиться на положении, имевшем много общего с судьбой итальянского народа. Об этом напоминали политическая информация и другие сообщения из Австрии и России, появлявшиеся в печати накануне и в период революции. Так, широкий резонанс получили известия о крестьянском восстании 1846 г. в Галиции. Итальянские газеты неоднократно вспоминали об этом событии много месяцев спустя. В публикациях говорилось о воздействии выступлений крестьян Галиции на население других славянских регионов, отмечалась тем самым общность положения народных масс в Восточной Европе. В мае 1847 г., например, даже официальная венецианская газета, находившаяся под строгим контролем австрийской цензуры, сообщала о крестьянских волнениях в Белоруссии. В статье приводился ответ одного крепостного крестьянина Гродненской губернии своему хозяину: «Мы знаем, что произошло в Галиции». Газета также писала, что «определенное брожение господствует среди крестьян западных губерний империи» России и в качестве примера называла Волынь²²⁰.

В августе 1847 г. в «Миланской газете», выходившей

также под австрийским контролем, была напечатана статья по поводу состоявшегося во Львове вынесения и исполнения смертного приговора членам польских революционных организаций. Публикуя официальный отчет, газета невольно раскрыла картину непрерывных антиправительственных выступлений в провинции в 30-х годах. В нем упоминалось восстание 1831 г., широко охватившее Галицию, перенесение деятельности «известного общества карбонариев» в Галицию в конце 1834 г. Члены общества, включая участников существовавшей ранее революционной ассоциации, установили связи с тайной организацией «Содружество польского народа» (распространившей, как известно, свою деятельность и на приграничные украинские губернии России). «Это братство,— сообщалось в газете,— образовалось в начале 1835 г. в Кракове... под руководством эмиссара революционного общества «Молодая Польша», которое являлось ответвлением существовавшего тогда другого общества под названием «Молодая Европа», и распространяло свои действия в том же 1835 году в Галиции, в частности во Львове, при помощи эмиссара Северина Гоциньского»²²¹.

Хотя публикацией о судебной расправе над польскими революционерами австрийские власти хотели запугать участников освободительного движения, приводимые в ней факты давали патриотам определенный материал для размышлений о путях и средствах своей дальнейшей борьбы. Сообщения о событиях в Галиции свидетельствовали о налаживании связей итальянских революционеров с представителями польских тайных организаций, непосредственно действовавших на Украине.

Возникновение демократической печати в ходе начавшейся европейской революции предоставило возможность прогрессивным кругам открыто распространять свои оценки и мнения о народных выступлениях в Австрии и России в духе солидарности. Примером такого отношения явились отклики на восстание, вспыхнувшее в октябре 1848 г. в австрийской столице. Редакция газеты «Конкордиа» при получении первого известия о нем немедленно выпустила листовку, один из экземпляров которой сохранился в Государственном архиве Рима. Телеграфным стилем в ней извещалось о «самом важном» — начале восстания в Вене. Далее шло сообщение о выражении поддержки венским повстанцам со стороны революционных кругов Галиции. «Галичане, как только узнали о революции в Вене», заявили о своей солидарности с ней, а венцы в ответ выразили благодарность за готовность предоставить «великодушную помощь» и «пролить кровь во имя торжества революции»²²².

Под набатные удары революции интерпретации даже этнографических тем — о традициях и обычаях славян — приобретали антимонархическую направленность. В таком преломлении они звучали в туринском журнале «Музео шьенцифико, леттерарно эд артистико» («Научный, литературный и художественный музей»), редактируемом историком Корелли. Опубликованный здесь в июле 1848 г. очерк «Русский лодочник» начинался со следующего тезиса: «Художник, пожелавший обнаружить в России национальные обычаи, должен искать их в народе. Он (народ.— *Н. В.*), стиснутый железной рукой деспотизма, все еще связан со своей землей». Не по собственной вине, отмечалось далее, народ не имеет возможности «приобщиться к пиршеству науки, искусства и литературы». Причипу этого журнал видел в том, что Россия «представляет две крайности: дворян и рабов»²²³.

Отделяя Россию народную от России самодержавной, «Музео» стремился подчеркнуть общее в историческом развитии славян и итальянцев. Отмечая в разделе «Хроника», что «после последних событий в Вене (мартовской революции 1848 г.— *Н. В.*) славянские, мадьярские и немецкие земли, а также румынские вступают в новую политическую фазу», журнал утверждал: «среди славян, наконец, пробудился, как и у нас, священный огонь незапятнанного национального чувства». Это пробуждение славянских народов, разъяснялось далее, сопровождается стремлением к объединению²²⁴.

В ходе революции в Италии все большее признание получали трактовки славянского движения как свободного от шовинистических лозунгов и не противостоящего другим народам. А это в свою очередь расширяло число итальянских демократов, утверждавших в мысли о необходимости контактов со славянским движением.

Важную роль в распространении этой идеи сыграла активизация итало-польских революционных связей, в укрепление которых большой вклад внес А. Мицкевич. Выступая в 1848 г. в освобожденном от австрийцев Милане во дворце Марино, он называл славян составной частью братства народов²²⁵. Практическое воплощение своей идеи Мицкевич видел в созданном им польском легионе, принявшем участие в войне Италии 1848 г. против Австрии. Замысел Мицкевича, однако, был более широким — организовать в помощь итальянской революции общеславянское, а не сугубо польское военное подразделение. Однако генералы сардинской королевской армии, в состав которой был включен легион, и временное правительство в Ломбардии, образованное из представителей крупной буржуазии и аристократии, всячески

противились итало-славянскому народному сближению и препятствовали принятию в легион добровольцев — представителей других славянских народов ²²⁶.

Такая политика была проявлением классовой вражды верхов к революционным массам вообще. Ф. Энгельс писал в «Новой Рейнской газете» в августе 1848 г. о намерениях «людей, стоявших у власти»: «Открыто или тайно они делали все, чтобы использовать имевшиеся в их распоряжении средства не для освобождения страны от жестокой тирании Австрии, а для того, чтобы парализовать силы народа и возможно скорее восстановить по существу старый порядок» ²²⁷. Ломбардские власти со страхом относились к появлению вооруженных сил, сформированных самим народом, мешали созданию добровольческих отрядов из итальянцев. Отношение властей к планам Мицкевича недвусмысленно показывало, что в самом итальянском обществе против сотрудничества со славянским движением активно действуют влиятельные силы, прежде всего феодальные слои. Боясь укрепления демократических сил, они фактически смыкались со злейшим врагом итальянского народа — габсбургской монархией.

К действиям, направленным против объединения освободительных движений, прибегли и правители Папского государства, которое после смерти Григория XVI летом 1846 г. возглавил Пий IX. В отличие от своего предшественника, политика которого возбуждала всеобщую ненависть в народе, он прибег к гибкой тактике. Согласившись на проведение некоторых реформ, не менявших, однако, сущности теократического режима, Пий IX прослыл либеральным деятелем. На первых порах даже в определенных прогрессивных кругах его политика вызывала иллюзии, которые рассеивались не сразу.

Во внешней политике папа, как и его предшественник, выступал сторонником сохранения абсолютистской Австрийской империи и в конечном счете негативно отнесся к провозглашению народной войны Италии против Габсбургской монархии. Объяснения, которые давал он в оправдание своей позиции, были облечены в отвлеченную, религиозную форму ²²⁸.

Стремясь публично продемонстрировать свою мнимую нейтральность, папа и его окружение развернули за спиной масс деятельность, направленную на сохранение абсолютистских устоев в Австрии, обратив взоры на западноукраинские земли и униатскую церковь, господство которой заметно пошатнулось в ходе народных волнений. Получившие в Галиции распространение идеи славянской солидарности все чаще приобретали форму протеста против феодально-абсолютистского гнета. Это нашло свое выражение, в частности, в деятельности

кружка украинской прогрессивной студенческой молодежи «Русская тройца», пропагандировавшего идею славянской федерации. В публикациях Я. Головацкого, одного из основателей кружка, в особенности в его статье «Положение русинов в Галиции» (1846 г.) осуждались феодальные порядки, политика правительства и господствующих классов²²⁹. Идея славянской солидарности в общественной мысли Галиции проявилась вполне открыто уже во время революции. Член «Русской тройцы» И. Вагилевич, ставший редактором львовской украинской газеты «Дневник руський», в статье о ее программе 18 августа 1848 г. писал, что «на призыв свободы, идущей, подобно молнии, по всем уголкам Европы и зовущей к новой жизни все ее народы, поднимаются поляки и русины — товарищи по общей судьбе, что имеет значение для будущего, предначертанного народам свободным». Среди украинского населения распространялись сообщения о славянском конгрессе в Праге, состоявшемся в мае 1848 г. «Чехи, — делился своими сведениями Я. Головацкий в письме к брату, — созвали у себя на совет 31 мая 1848 [года] всех славян, чтобы всем славянам сообща договориться, сплотиться против бюрократии, уже готовящей несправедливые возмутительные способы для удержания своего господства, превратить Австрию в общество славянское свободное, от чужой политики независимое, удовлетворить интересы всех славянских племен и пр.»²³⁰

Именно в этот период Пий IX с помощью униатских подручных выдвинул в качестве своеобразной альтернативы идеи единения народов проект о «воссоединении церквей». Его план предусматривал усилить влияние римского понтифика на Востоке путем обеспечения главенства папы над восточными церквями. Ставилась задача привлечь под руководство римской курии духовенство восточных церквей, предоставив ему привилегии католического клира, и тем самым получить средство воздействия на массы православных верующих. В специальном пункте плана говорилось, что «главное внимание должно быть обращено на славян, пользующихся на Востоке преобладающим влиянием»²³¹.

С целью осуществления проекта был создан пропагандистский центр под названием «Восточное общество», в руководство которого вошли прелаты из ближайшего окружения папы. Председателем комитета общества стал префект конгрегации пропаганды Франсони. Быстрота, с которой продвигалось дело, удивляла даже самих сотрудников комитета. Его секретарь без промедления получал аудиенции у Пия IX. После первого же заседания было напечатано воззвание с приглашением вступать в Восточное общество. Оно было

разослано всем католическим и униатским епископам, а также мирянам, занимавшим видное общественное положение. Вслед за этим Пий IX издал специальную энциклику, составленную «в духе папского властолюбия». Одновременно началась вербовка молодежи в учебные заведения Ватикана для подготовки к миссионерской деятельности на Востоке. В 1848 г. по распоряжению папы была учреждена «греческая коллегия» для «воспитанников» униатской церкви.

Приехавшего из вояжа по Ближнему Востоку униатского священника Терлецкого папа тут же решил использовать непосредственно в Австрийской империи, охваченной революционным движением. Приняв его, Пий IX начал свою речь словами: «Ступайте теперь в Галицию, там вы еще можете с пользой трудиться для церкви». Наставником и консультантом по вопросам специальной миссии Терлецкого в Галиции он назначил кардинала Остини, занимавшего ранее пост папского нунция в Вене ²³².

Спешка, с которой в 1848 г. римская курия занялась униатскими делами, обуславливалась дальнейшим расширением в Галиции антиправительственных выступлений, подъемом антиклерикальных настроений. В письме к брату от 25/10 мая 1848 г. Я. Головацкий свидетельствовал, что в городах и селах Восточной Галиции раздаются заявления: «Зачем нам папу римского слушать...» ²³³. В то же время в антиавстрийскую агитацию включались некоторые представители низшего духовенства. В с. Горошево Чортковского округа священник Зельский и местный сельский вожак Яков Антонийчук, призывая крестьян захватить помещичьи земли и леса, предлагали не давать рекрутов, которых посылали в Италию для участия в подавлении революционного движения ²³⁴. Дизертирство из воинских частей, отправлявшихся на войну, было настолько распространенным, что когда отпущенные на некоторое время рекруты двух батальонов полка «Парма» вернулись в часть, то львовская газета «Зоря Галицка» назвала это «редким случаем» ²³⁵.

Возня реакционных клерикалов продолжалась до того дня, когда народное восстание в Риме вынудило Пия IX позорно бежать под защиту одного из злейших врагов итальянского народа — неаполитанского короля. Однако оставшиеся в Риме члены конгрегации пропаганды продолжали свою контрреволюционную деятельность. Они тайно отправили своего миссионера к униатским епископам Венгрии и Галиции с поручением от имени папы потребовать выразить «мнение» по «преднамеренному делу».

Таким образом, проект «воссоединения церквей» явился ширмой, под которой клерикальные верхи пытались противо-

стоять движению революционных масс среди славянских народов. На фоне этого противодействия со стороны внутренней реакции трудно переоценить настойчивость тех общественных деятелей Италии, которые пропагандировали демократические цели славянского движения и предприняли практические шаги для объединения итальянского народа со славянскими в общей борьбе.

В сложной обстановке разгоревшейся в марте 1848 г. ита-ло-австрийской войны, окончившейся разгромом сардинской королевской армии, отступлением революции на Севере страны, итальянские демократы усилили внимание к вопросу об угнетенных славянских народах. Представители передовых кругов Италии одними из первых откликнулись на деятельность Подготовительного комитета славянского съезда в Праге, и в частности на его обращение к неславянским народам Австрии. В этом обращении, опубликованном 5 мая 1848 г., говорилось, что предстоящий съезд не имеет враждебных намерений по отношению к неславянским народам²³⁶. Он был открыт для участия не только представителей славянских народов Австрийской империи. Его подготовительный комитет рассылал специальные приглашения в другие страны. В мае 1848 г. некоторыми жителями Киева было получено воззвание «Богемских славян», подписанное, в частности, В. Ганкой и П. Шафариком, с приглашением принять участие в пражском съезде²³⁷.

Из Сардинии на съезд приехал редактор туринской газеты «Прогрессо» Веджецци-Рускалла, представлявший итальянские круги, довольно основательно знакомые с проблемами и историей борьбы за славянское единение. В своей газете он популяризовал принципы этого движения. Обращаясь к истории России, Веджецци-Рускалла отмечал роль декабристских организаций в борьбе за освобождение и объединение русского и других славянских народов. В качестве примера такой деятельности назывались «Общество соединенных славян» и «Южное общество», выступивших за сотрудничество народов на республиканских принципах. Соответственно газета «Прогрессо» писала о братьях Борисовых и Люблинском как основателях общества «на Волыни, ставившего своей целью установление федерации восьми славянских независимых республик»²³⁸.

Важным аргументом в пользу идеи ита-ло-славянского демократического союза явилось распространение сведений о деятельности тайных организаций в России в 40-е годы. В ходе революции общественность Италии узнала об участниках Кирилло-Мефодиевского общества, одной из программных целей которого было создание федерации славянских наро-

дов. В этой деятельности итальянские демократы несомненно находили подтверждение собственных выводов о том, что борьба за славянское единение во имя социального и национального освобождения имеет глубокие корни в России и на Украине и является естественным продолжением декабристской традиции.

Ознакомление итальянской общественности с деятельностью Кирилло-Мефодиевского общества состоялось благодаря ее связям с польскими эмигрантами — выходцами с Украины. В феврале 1849 г. туринская газета «Коррьере меркантиле» («Торговый вестник») опубликовала небольшую статью под названием «Возрождение южноруссов», из которой итальянская общественность впервые узнала о Т. Г. Шевченко как деятеле украинской культуры и революционере. В ней говорилось о культурном и общественно-политическом подъеме на «Киевской Украине» и аресте николаевскими жандармами «профессоров Киевского университета Костомарова, Шевченко и Кулиша»²³⁹.

Через несколько дней после этой публикации там же, в Турине, образовалось «общество итало-славянского союза», о чем 7 марта 1849 г. известила газета «Конкордиа». Инициатором его создания были представители демократических кругов, имевшие личные связи со славянскими деятелями и проявлявшие активный интерес к изучению славянства. Среди подписавших манифест о создании общества был ставший его председателем редактор газеты «Конкордиа» Лоренцо Валерио, который летом 1835 г. посетил Галицию, Буковину, Одессу и тогда же планировал продолжить свою поездку в Киев и Полтаву. Хотя Валерио пребывал на Украине в качестве коммерсанта, его более всего интересовала жизнь населения, народные обычаи и традиции. В Черновцах, как свидетельствуют его письма на родину, он изучал быт и нравы местных жителей, в том числе украинцев, чтобы через печать ознакомить с ними итальянскую общественность²⁴⁰.

Личное знакомство с жизнью славянского населения России и Австрии определило направленность дальнейшей общественной деятельности Валерио. Тема славянства стала одной из ведущих в его публицистическом творчестве. Еще накануне революции 1848 г. в качестве редактора журнала «Леттура ди фамилья» («Семейное чтение») он обращал внимание своих читателей на «большую славянскую семью, занимающую столь обширную и важную часть Европы». С 1 января 1848 г. Валерио стал во главе созданной им газеты «Конкордиа». Избранный в палату представителей, он продолжал и там выступать на славянские темы, указывая на

их актуальное значение для судеб итальянского освободительного движения, не уставая напоминать об общности интересов итальянского и славянских народов.

Одним из двух вице-председателей общества стал Дж. Паллавичино, также имевший контакты с миром славян. Ранее он посетил Россию, сделав большое путешествие из Петербурга в Москву и на Волгу. В состав общества вошли и другие пропагандисты итало-славянского сотрудничества, в том числе Веджецци-Рускалла, ряд депутатов туринской палаты.

Доступ в общество был открыт и представителям славянского движения. С первых шагов в него вошли, в частности, польские эмигранты, которым было поручено редактировать планировавшийся печатный орган общества под названием «Газета итало-славянского союза» и которые поддерживали связи со сторонниками идеи славянской взаимности в Париже ²⁴¹.

Итало-славянское общество приняло и опубликовало устав, в котором говорилось, что цель общества — «поощрять братскую любовь и деятельность между итальянцами и славянами во имя независимости и благосостояния этих народов» ²⁴². В уставе подчеркивалось, что одной из задач организации является установление связей с другими обществами, преследующими аналогичные цели.

Свою деятельность общество сосредоточило на популяризации идеи итало-славянского союза, ознакомлении общественности с жизнью и борьбой славянских народов. Роль главной трибуны этой пропаганды выполняла «Конкордиа». На ее страницах члены общества проводили мысль о том, что в своей борьбе демократическая Италия не должна оставаться изолированной от поддержки извне. В статье «Итало-славянский вопрос», напечатанной в «Конкордиа» в марте 1849 г., говорилось: «Факты убеждают итальянский народ в том, что он не имеет друзей среди иностранных правительств... Но Италии необходимы союзники и в своем нынешнем движении и возрождении она ищет их среди наиболее свободных народов и народов, стремящихся к свободе». Газета подчеркивала, что речь идет о сотрудничестве демократическом, равноправном. «Италия хочет союзников, а не покровителей. Венгры, славяне, румыны, а также турки — вот те, кто должны быть нашими союзниками». Такой союз необходим, как указывала газета, для достижения общих целей угнетенных ²⁴³.

В другой статье — «О славянских территориях Австрии» «Конкордиа» знакомила читателей с составом славянского населения Габсбургской империи, отмечая стремление проживающих на ее территории народов обрести свободу. В этой

связи говорилось о «русинах» (украинцах), «представленных крестьянами и духовенством в Восточной Галиции». Поскольку газета была ограничена в своих источниках и пользовалась публикациями из других западных изданий, ее оценки положения в этой части империи не всегда отражали подлинную расстановку общественных сил. Так, не имея достаточных сведений о прогрессивном течении в украинском национальном движении в Галиции, она неправомерно идентифицировала клерикальную верхушку с «русинами», представляя их как единое целое. Это находило выражение в утверждении, что «они (русины.— *И. В.*) вообще не хотят ни славянского единства, ни монархии, ни демократии: они поддерживают министерство Шварценберга-Стадиона, чтобы ненавидеть дворян»²⁴⁴. В свою очередь, в оценке польского движения в Галиции подобный огульный подход приводил к тому, что оно отождествлялось с действиями сторонников аристократическо-консервативной программы восстановления Польши «от моря до моря».

Говоря об отдельных ошибочных трактовках сложных и не во всем ясных для тогдашней итальянской общественной мысли социально-политических процессов в странах со славянским населением, следует отметить, что эти мнения не были доминирующими и избранное демократами направление борьбы за установление контактов со славянством и его центрами в интересах освободительного движения осталось определяющим.

Об этом свидетельствовало расширение деятельности туринского общества. Выступая на его заседании 27 мая 1849 г., Валерио говорил, что идея итало-славянского союза получила поддержку в различных частях полуострова и была встречена «с энтузиазмом как порожденная необходимостью новая итальянская политика»²⁴⁵. Филиалы общества появились в Пизе, Ливорно, Флоренции, Риме и всей центральной Италии.

Организация, в основу которой были положены созвучные туринскому обществу цели и задачи, возникла вскоре в республиканской Венеции. Она, как сообщила своим читателям «Конкордиа», получила название «Общество братства народов в Венеции». Инициатором его создания стал видный деятель и писатель, знаток славянской проблематики Никколо Томмазео, тесно связанный с Валерио и разделявший его основные взгляды. «Общество братства народов в Венеции» возникло в тот период, когда австрийская армия, завершив разгром войск пьемонтского короля и сосредоточившись вблизи Венеции, сомкнула кольцо блокады вокруг города. Пытаясь сломить дух его защитников, оккупанты в первых числах

мая 1849 г. начали жестокий артиллерийский обстрел, превращая в руины древние постройки и памятники. Из-за нехватки продовольствия и медикаментов в городе свирепствовали голод и эпидемии. Учредить в накаленной до предела обстановке интернациональное общество было делом большого гражданского мужества. Для популяризации его целей и лозунгов Томмазео начал издавать газету — «Фрателланца деи пополи» («Братство народов»), которая выходила с 1 апреля до 4 июля 1849 г. (в августе Венеция пала) небольшими листками. Полный комплект газеты — 26 номеров, ставших библиографической редкостью и хранящихся в венецианской Национальной библиотеке Марчана, свидетельствует о том, что Томмазео и его единомышленники, обращаясь к воинам и жителям города, особый акцент делали на необходимости единения народов ради достижения целей революции.

Автором многих статей в газете был сам Томмазео. Он же организовал ее бесплатное распространение в венецианских клубах, кафе, мастерских, лавках, среди солдат, рабочих, гондольеров, политиков. К ее участию Томмазео стремился привлечь представителей разных народов. В письме от 23 марта 1849 г., адресованном флорентийскому издателю Вьессе, он, в связи с подготовкой выпуска газеты, призывал: «Собирайте сотрудников среди людей разных наций, находящихся в Тоскане, собирайте также подписчиков...»²⁴⁶

Значимость акции Томмазео трудно переоценить, учитывая, что в это время в самом венецианском правительстве не угасли надежды на помощь Франции. Официальный представитель Венеции в Париже В. Пазини по настоянию президента республики Д. Манина в апреле 1849 г. напоминал французскому правительству о его обещаниях оказать поддержку Венеции. Французский министр иностранных дел без обиняков отвечал, что Венецианской республике следует сдаться. Такой же ответ пришел и от английского посла в Париже. Сообщая об этом, Пазини писал Манину, что Англия и Франция заинтересованы в восстановлении порядка, существовавшего в Италии до революции. Впоследствии французское правительство вообще перестало отвечать на призывы Манина. В то же время прогрессивные силы за рубежом высказывали Венецианской республике свои симпатии. В апреле—июне 1849 г. к ней обратились Кошут и другие деятели венгерского освободительного движения. Хотя город был блокирован австрийской армией, представителям республики удалось организовать с ними встречу, в результате которой был заключен договор о венецианско-венгерском союзе²⁴⁷.

Проявление солидарности борющихся за свою свободу народов и установление союзнических отношений между ними укрепляло веру Томмазео в реальность сотрудничества революционных сил. В первом номере своего издания в «Письме», датированном 22 марта, Томмазео отмечал, что предлагает газету с таким названием в годовщину освобождения Венеции, над которой нависла теперь угроза военной интервенции. Автор осознавал драматическую реальность: в армии, брошенной венским двором против республики, было немало мобилизованных крестьян-славян. Понимая, что ради своих контрреволюционных целей самодержцы натравливают людей одной национальности против другой, Томмазео писал, что народы, в том числе славяне и итальянцы, «могут по-дружески договориться между собой», без участия монархических правителей. Проводя разграничительную линию между народами и монархическими правительствами, автор указывал также на несостоятельность односторонней трактовки России. Если, утверждал он, «в великой славянской семье» она, с одной стороны, предстает «грозным противником» прогресса народов, то, с другой — является их «могучей сестрой». В корреспонденции «В Венеции», напечатанной в том же номере, Томмазео повторил свою мысль: «Мое первое слово от имени правительства Венецианской области обращено к народам, которые могут и должны договориться с нами, и следовательно, к славянам»²⁴⁸.

Информируя соотечественников о создании общества, Томмазео подчеркивал, что его цель — «тесно сблизить народы, помогающие друг другу обрести свободу». Одновременно он выражал готовность сотрудничать с «обществами, подобными нашему, в зарубежных странах, и особенно в славянских»²⁴⁹.

Венецианское общество явилось детищем демократических сил, результатом их заинтересованного внимания к жизни и борьбе славян в предшествующие годы. Об этом в тяжелые дни республики Томмазео напомнил читателям: «Свои чувства по отношению ко всем братьям славянской нации я выразил еще более года назад»²⁵⁰. Уже в первые дни победы венецианской революции — 5 апреля 1848 г. он подписал воззвание «К хорватам и другим славянским народам», в котором провозглашал лозунги боевого единения славян и итальянцев с целью освобождения из-под абсолютистского ига. «Переделаем цепи в мечи» — таким был один из призывов этого обращения²⁵¹.

Пропаганда сотрудничества со славянскими народами заняла большое место в деятельности различных органов общности и государства революционной Венеции. В ней, например, участвовало официальное издание республики —

«Гадзетта ди Венециа», делавшая акцент на глубоких традициях борьбы славянских народов за свое освобождение. Эту мысль газета стремилась раскрыть, в частности, на основе анализа творческого наследия славянских писателей, о чем свидетельствовала опубликованная в начале февраля 1849 г. большая статья «Мицкевич и славянская цивилизация»²⁵².

Статья начиналась с утверждения, что славянский характер нигде не проявляется столь заметно, как в литературе. «Действительно, — говорилось в ней, — несмотря на мистицизм, господствующий в славянской поэзии, здесь в живом движении предстает парод, отчетливо вырисовываются его прошлое и будущее. Горестный возглас, который так часто исторгают славянские поэты от своего имени или устами своих главных героев, не имеет ничего общего с надуманностью или декларативностью, а скорее напоминает боль смертельной раны». В подтверждение приводились высказывания чешского и словацкого поэта Коллара, характеристики творчества представителей «украинской школы» в польской литературе. «Время обеспечивает победу правде», — цитировала газета Коллара. В поэме «Дух степей» Залеского она отмечала единение «славянских князей и вождей». В поэзии Гоциньского выделялась мысль о «смертельной борьбе от имени человечества против тьмы. Герои же, воспеваемые Мальчевским, желают погибнуть ради того, чтобы свершилось нечто величайшее на земле». Говоря о Мицкевиче, редакция отмечала его вклад в дело борьбы за единение поляков и русских. С этим призывом, указывала она, поэт «обращался не к правительствам, а к народам».

В нерасторжимом кругу выразителей неукротимого духа славянских народов за свободу «Гадзетта ди Венециа» представила защитникам осажденного города поэта России — Пушкина. Переходя от характеристики свободолюбивых мотивов в произведениях польских авторов, она подчеркнула, что «постоянные вариации на ту же тему делает Пушкин». Его творчество трактовалось как драматическое столкновение светлых порывов поэта с жестокой действительностью. С одной стороны, Пушкин назывался певцом «мечты о любви, мечты о свободе, мечты о славе», с другой — говорилось о скорби и даже отчаянии поэта, увидевшего надежды дней своей молодости «разрушенными». Краткая характеристика творчества Пушкина, естественно, не могла отразить многообразия его таланта, тем более что многие произведения поэта еще не были известны итальянскому читателю. Тем не менее само обращение к его имени явилось важным моментом в борьбе прогрессивных сил Италии за союз со славянскими народами. Подчеркивая социальную значимость

пушкинского творчества, связь его с освободительным движением всех славянских народов, венецианская газета показала, что идеалы, которым посвятил свою музу великий русский поэт, близки и понятны итальянским революционерам.

Вместе с тем венецианская газета публиковала документы славянских организаций, где прокламировались принципы и лозунги интернационального единения борющихся за свою свободу народов. 5 февраля 1849 г. в ней было напечатано под названием «Поляки к славянам» обращение польского Демократического общества, датированное 29 декабря 1848 г. В числе подписавших его стояла фамилия социалиста-утописта Станислава Ворцеля, участника восстания 1831 г. на Правобережной Украине. Публикация воззвания послужила венецианской газете поводом для того, чтобы в своем комментарии обратить внимание на важную и для итальянских патриотов идею славянского единения, которая «господствует ныне во всей Восточной Европе»²⁵³.

Вопрос об итало-славянском союзе также поднимался в государственных органах республики. Одним из главных инициаторов этого был Томмазо. В частности, в отчете о своей поездке в Париж, представленном Постоянной ассамблее республики 3 марта 1849 г., он доказывал настоятельную необходимость революционных связей со славянскими народами для успеха в борьбе с армией Габсбургской монархии²⁵⁴.

Борьба итальянской общественности за союз с борющимися за свою свободу славянскими народами находила поддержку среди прогрессивных сил этих народов. Идея этого союза активно проводилась в публикациях парижской газеты «Трибуна народов», выходившей на французском языке с марта 1849 г. под редакцией А. Мицкевича. В состав ее редакции входили поляки, французы, русские, итальянцы и др. Россию в ней представляли И. Головин, Н. Сазонов, И. Войнов. Газета напоминала, что к сотрудничеству со славянами во имя прогресса призывали республиканцы-мадзинисты. В статье «Мадзини и мадзинисты», напечатанной 16 марта 1849 г., Мицкевич обратился к урокам поражения в войне с Австрийской империей. Временное правительство Ломбардии, писал он, оставалось глухим к призывам Мадзини предпринять реальные шаги, «чтобы обеспечить себе союзников, которых угнетает Австрия и которые вследствие этого являются естественными защитниками дела объединения Италии»²⁵⁵.

Важным фактором, укреплявшим стремление итальянских демократов опереться в своей борьбе на другие угнетенные народы, явилось непосредственное общение их с пред-

ставителями передовых кругов России. Большое влияние на прогрессивную мысль Италии оказал А. И. Герцен, находившийся на Апеннинах в 1847—1848 гг. и принявший активное участие в революционных шествиях и митингах. В письме (июнь—июль 1848 г.) Т. Н. Грановскому Н. А. Герцен передавала атмосферу, в которой они жили, следующим образом: «...лучшее время было в Италии (февраль)... Все существо кипело деятельностью, в комнате делалось неловким оставаться, мы были дома на улице, там встречались все, как родные братья»²⁵⁶. В клубах и на улицах Герцен обсуждал с итальянскими друзьями перспективы революции на Апеннинах, размышлял в то же время над внутренними проблемами родной страны. В центре его дум было освобождение крестьян России²⁵⁷. Герцен открыто высказывал радикальные взгляды на российскую действительность тем, с кем общался в Италии. Его суждения получили настолько широкую огласку, что дошли даже до не знакомого с ним Н. В. Гоголя, находившегося в Неаполе. В своем письме от 14 декабря 1847 г. в Рим художнику А. А. Иванову автор «Ревизора» сообщал, что слышал о Герцене как благородном и умном человеке. «...Говорят, чересчур верит в благодатность пынешних европейских прогрессов и потому враг всякой русской старины и коренных обычаев»²⁵⁸. В таких выражениях Гоголь отразил отношение Герцена к атрибутам крепостнической действительности и те выводы, которые он делал не в ее пользу при изучении социально-политических сдвигов в зарубежных странах.

Характерный для Герцена метод познания сущности современных явлений не мог не отразиться на характере его связей с итальянскими демократами. В конце 1847 г.— начале 1848 г. он установил дружеские контакты с видными деятелями освободительного движения в Риме. Среди них был вожак римского плебейства Чичероваккио (Анджело Брунетти), основатель «Народного кружка», членами которого состояли ремесленники и рабочие. Герцен неоднократно посещал этот клуб, беседовал с его главой. Вполне естественно, что в этих беседах прежде всего затрагивались общественно-политические проблемы Италии. Вместе с тем, как свидетельствовал Герцен, речь заходила и о России. В письме от 5—6 марта 1848 г., отправленном П. В. Анненкову из Рима, он упоминал, в частности, об интересе Чичероваккио к России, его расспросах о ней²⁵⁹.

Особенно тесными были контакты Герцена с представителями местной прогрессивной печати. Одним из центров его идейных связей стала редакция газеты «Эпока» («Эпоха»), которая начала выходить с 16 марта 1847 г. как орган

демократических кругов. Он близко сошелся с ее редакторами Леопольдо Спини и Микеланджело Пинто и сотрудником газеты, литератором Эммануилом Гонзалесом. Насколько тесными были контакты Герцена с редакцией, свидетельствует то, что поездку в Неаполь (февраль 1848 г.), где вспыхнула революция, Герцен осуществлял совместно со Спини — «решительным революционером». По рекомендации Спини он познакомился с «революционным начальником неаполитанской черни» Микеле Вальпузо и посещал его неоднократно ²⁶⁰.

Обобщая впечатления от пребывания в Италии и Франции в письме от 5 августа 1848 г. московским друзьям из Парижа, Герцен отмечал: «Ненависть к русской политике велика, но русские начинают более и более заслуживать признание и уважение. Нас не мешают с правительством..., на нас перестают смотреть с точки зрения кнута, снега и почтовой езды. Нас считают социалистами по преданью.— Я должен сказать, что, сколько от меня зависело, и я не уронил имени русского — ни в Риме, ни в Париже. В Риме я дружески сошелся с редакцией «Эпохи», особенно с литератором Спини и Гонзалесом из Милана, я способствовал — да, не смейтесь — придать «Эпохе» республиканский колорит» ²⁶¹.

Приверженцы республиканских институтов, как отмечалось, были среди тех, кто первым осознал важность для Италии освободительного движения в России. Это накладывало свой отпечаток на публикации римской «Эпохи». Хотя страницы ее в основном посвящались внутренним делам Италии, вместе с тем определенное место уделялось зарубежным сообщениям, известиям о событиях на славянских землях. Из них было видно, что империи, господствовавшие на славянских территориях, в представлении редакторов «Эпохи» не являлись некими монолитами, соединявшими воедино народы и их угнетателей. Например, в мае 1848 г. в заметке «Галиция», опубликованной по материалам сообщения из Львова, газета указывала на напряженное положение в провинции, борьбу крестьян против помещиков и представителей бюрократии, бегстве последних из сел и городов ²⁶².

30 апреля 1848 г. Герцен покинул Апеннины, но его связи с итальянским освободительным движением не только не прервались, но получили дальнейшее развитие. Находясь во Франции и Швейцарии, он со всей решительностью поддержал лозунг демократического единения народов. Это засвидетельствовало появление в 1849 г. в выходившем под редакцией Мадзини лозаннского журнала «Италия дель popolo» («Народная Италия») двух статей Герцена — «Россия» и «Письмо русского к Мадзини», явившихся первыми его публикациями, обращенными непосредственно к итальянской

аудитории. Они представляли большой фактический материал и важные выводы для тактики революционной борьбы в Италии. О том, что итальянские единомышленники с огромным интересом восприняли голос представителя революционной России, указывает отправленное Герцену в ноябре 1849 г. письмо Мадзини, получившего в рукописи итальянский перевод статьи «Россия». «Гражданин,— писал Мадзини,— у меня в руках перевод вашего письма к Гервегу (такую форму имела названная статья.— *Н. В.*), и я пишу вам, чтобы попросить передать продолжение моему другу Квадрио. Мы его поместим, оно *важно* (выделено нами.— *Н. В.*)»²⁶³.

Для Мадзини и других итальянских революционеров, безусловно, близкими были положения статьи, которые прямо или косвенно касались волновавшей их проблемы широких связей с центрами славянских движений. Актуальным было утверждение в статье «Россия» положения о необходимости разграничения России народной, революционной от России самодержавной. Это положение Герцен убедительно раскрыл на материалах истории России, революционного движения в ней и развития социальной мысли. Он считал долгом развеять невежественные представления о своей стране, распространившиеся в Европе, в том числе на Апеннинском полуострове. «...Одна немецкая газета, оплачиваемая австрийским двором,— писал Герцен,— печатает письма о России, в которых превозносятся все мерзости русской политики и где русское правительство изображается как правительство в высшей степени могущественное и народное. Эти преувеличения переходят в десяток других газет и служат основой для суждений, выносимых впоследствии об этой стране». В заключительной части автор указывал своим итальянским друзьям на силы в России, пылающие «деятельною ненавистью к деспотизму», отмечал, что после восстания декабристов они стали вровень со «своими западными братьями». Он со всей категоричностью заявлял, что борцы против царизма «оказались в полном единении чувств и взглядов с Риго, гонфалоньерами и карбонариями»²⁶⁴.

В этой статье итальянские революционеры получили убедительное подтверждение важной роли славянской взаимности для прогресса во всей Европе. «Славянский мир,— говорилось в ней,— ничего другого не желает, как объединения в свободную федерацию». Здесь же от имени революционной России Герцен клеймил самодержавие за то, что оно «предоставляет помощь и золото палачам славян»²⁶⁵.

Насколько большое значение придавалось статье «Россия», свидетельствует то, что через несколько месяцев она была перепечатана непосредственно в Италии, окопчательно

подпавшей под власть контрреволюции. 9 сентября 1850 г. частичная публикация статьи появилась в генуэзской газете «Италия либера» с весьма знаменательным примечанием. «Враги прогресса и человечества, — говорилось в нем, — рассчитывают запугать европейское движение русскими штыками. В России же возрастает истинный общественный дух. Об этом вы прочтете в нижеследующих строках одного русского ученого»²⁶⁶.

Знаменательно, что о существовании «Италия либера» и об антиправительственной направленности ее публикаций было известно тогда же в России. Пользуясь правом собственного отбора информации непосредственно из зарубежной прессы, «Одесский вестник» сообщил читателям о преследовании сардинскими королевскими властями этой газеты. Первое сообщение из Генуи, датированное 24 февраля 1851 г., было следующим: «Журнал «Italia libera» конфискован за напечатание письма Маццини (Мадзини)». Второе, поступившее в мае, говорило: «Суд присяжных приговорил ответственного редактора газеты «Italia libera» к заключению в тюрьму на 2 месяца и к уплате 1000 лир пени»²⁶⁷.

Цитированная выше туринская газета «Музео шпентиfico, литтерарио эд артистико», выходявшая в условиях наступившей реакции, также оказалась причастной к пропаганде герценовских взглядов. 19 и 26 октября 1851 г. эта газета опубликовала анонимно в частичной переработке статью Герцена «Россия» под названием «Социальные условия России».

Свое общение с итальянскими демократами Герцен рассматривал, в частности, в аспекте задачи, которую ставил перед собой с самого начала пребывания за границей, — ратовать за «серьезное изучение России» на Западе и тем самым препятствовать появлению односторонних и тенденциозных оценок ее прошлого и настоящего. «С 1848 года, — писал он двадцать лет спустя в статье «Prolegomena», напечатанной в «Колоколе» на французском языке, — мы проповедовали, что помимо России воинственной и деспотической, завоевательной и агрессивной — спасающей Австрию и оказывающей помощь реакции, — существует Россия в периоде прорастания, что от подземных течений тянет совсем иным воздухом, нежели воздух официального Петербурга». Герцен считал своим долгом раскрывать опасные для дела свободы европейских народов последствия позиции тех деятелей, которые «видят лишь отрицательную сторону России и осыпают одними и теми же бранными словами и проклятиями прогресс и реакцию, грядущее и настоящее, пережной и молодые ростки»²⁶⁸.

Идейная помощь Герцена итальянским революционерам не была изолированным явлением в российско-итальянских общественных связях. В период революционной борьбы на Апеннины устремились, несмотря на строжайший запрет царского правительства, и другие представители прогрессивной общественности России. Одним из первых среди них был Егор Петрович Ковалевский. Уроженец Слободско-Украинской губернии, он учился на отделении нравственно-политических наук Харьковского университета в 1825—1828 гг., когда здесь широко распространялись идеи декабристов, имели хождение в рукописях вольнолюбивые произведения А. С. Пушкина, К. Ф. Рыльева, В. Ф. Раевского, В. Г. Розалиона-Сошальского.

После окончания университета Ковалевский увлекся новым для него горным делом, решив посвятить свою деятельность инженерным изысканиям. Вместе с тем он проявлял активный интерес к общественным и политическим движениям. Его привлекали история и современное положение славянских народов. В 1838 г. Ковалевский направился в Черногорию, где стал очевидцем и участником борьбы против иноземного гнета. В книге, написанной по свежим следам поездки, он отмечал не только агрессивные действия Османской империи на Балканах. В ней указывалось также на то, что жители Черногории отстаивают свои права «с упорством, а потому находятся в непрерывной борьбе с местным австрийским правительством»²⁶⁹. Лишь в 1864 г. в автобиографической работе «Эпизод из войны черногорцев с австрийцами (Из воспоминаний очевидца о войнах за независимость Черногории и Италии)» он рассказал то, что не могло сделаться достоянием гласности в условиях николаевской России 40-х годов, находившейся в союзе с меттерниховской Австрией. В ней Ковалевский писал, как воочию столкнулся с политикой натравливания одних народов на других, проводившейся австрийскими властями, в частности об использовании частей, состоящих из итальянских рекрутов, для усмирения черногорского населения²⁷⁰.

Эти и другие факты из странствий за рубежом давали Ковалевскому пищу для глубоких раздумий об отношениях между народами. Их прогрессивному толкованию способствовало его знакомство и сближение в середине 40-х гг. с петрашевцами А. И. Пальмом и С. Ф. Дуровым²⁷¹. В 1847 г. во время пребывания в Петербурге он регулярно посещал собрания петрашевцев, где присутствовал при чтении известного письма Белинского Гоголю²⁷². Сочувствуя идеям русских и украинских писателей — революционных демократов, Ковалевский, не будучи лично знакомым с Т. Г. Шевченко,

еще до его ссылки восхищался «Кобзарем», а во время революции 1848—1849 гг. начал печататься в передовых отечественных журналах — «Отечественные записки» и «Современник».

Когда в Европе грянула революция, Ковалевский находился в Африке, оказывая помощь египтянам в разработке золотоносных россыпей. О том, что в Европе начались революционные выступления, он узнал из предельно кратких и не всегда ясных сообщений, получаемых от российского консула в Египте А. М. Фока. 17 февраля 1848 г. последний писал, что в Европе «все тихо. Только беснуются одни итальянцы, и то по случаю конституций, дарованных королями неаполитанским и сардинским».

Однако уже письмо от 5 марта 1848 г. отличалось от предыдущих: «...Мы получаем из Европы все более и более удивительные известия. Во Франции республика. Людвиг Филипп и все его семейство бежали в Англию». 2 июня 1848 г. консул сообщал: «Во Франции, в Италии, в Германии все сильно волнуются...»²⁷³

В эти дни революционные события стали главным предметом внимания Ковалевского. В Хартуме при возвращении экспедиции, по его признанию, он расспрашивал о «повсеместных переворотах» у встретившихся там миссионеров²⁷⁴. И лишь прибыв в Каир, он смог впервые за многие месяцы увидеть газеты и получить подробную информацию из них. Как вспоминал Ковалевский много лет спустя, «я долго не мог прийти в себя. Я думал, что попал в другой, неведомый мне мир». Он принял решение немедленно отправиться в Италию. Прибыть в страну, охваченную пламенем революции и войны, было сложным делом. Но с помощью Фока Ковалевский получил паспорт для поездки «в Италию, куда, — как он писал, — манили меня и воспоминания прошедшего, всегда милые, и судьба тогдашнего переворота Италии»²⁷⁵.

Конечным пунктом путешествия стала республиканская Венеция. Путь к отрезанному австрийской блокадой городу был весьма опасным. Вспоминая о нем, Ковалевский писал: «Нелегко было пробраться по Адриатическому морю между крейсерами различных флагов, нелегко было узнать и Венецию». То, что он увидел и услышал там, окончательно определило его отношение к итальянским революционерам. Его симпатии были полностью на стороне республиканцев. Революция, как убедился Ковалевский, пробудила в массах самые лучшие чувства, интернационализм. «Народ как будто преобразился, возмужал, вырос; уважая себя, он стал уважать других»²⁷⁶.

Незабываемое впечатление на Ковалевского произвел глава республики Даниэле Манин, которого он впервые увидел на площади св. Марка, когда тот «напутствовал словом отряд волонтеров, отправлявшийся против австрийцев. Как волны двигался народ, затоплявший площадь. Манин говорил его именем, и всеобщий восторженный крик одобрения народа доказывал ясно, что это был его голос». Манин остался в представлении Ковалевского как «в высшей степени привлекательная личность», «прирожденный вождь народа и войск». Атмосфера революционного пафоса, деятельность Манина и Томмазо вызывали у него одобрение. Ковалевский стал свидетелем порядка и обеспечения безопасности личности в революционной республике: они «соблюдались точнее и строже, чем в каком-либо давно устроенном государстве»²⁷⁷.

На его глазах Венеция вступила в полосу тяжелых испытаний, когда началась «геройская, почти беспримерная борьба одного города с целой империей». В эти дни Ковалевский посещал один из палаццо, служивший «местом соединения людям всех партий, всех оттенков восставшей Италии». Здесь «шили белье, готовили корпию и разные аптекарские снадобья» для госпиталей, собирали пожертвования для приобретения оружия. В палаццо обсуждались текущие события в городе, вести с поля битвы, планы на будущее. В дебатах принимали участие представители «самой крайней партии», пользовавшиеся «уважением»²⁷⁸.

Будучи официальным лицом — директором Азиатского департамента МИД России, Ковалевский, естественно, не мог писать все о своих контактах в революционной Венеции. Тем не менее из его воспоминаний видно, что он встречался с местными революционерами, вел с ними беседы, был в гуще событий и проблем Венецианской республики и итальянской революции в целом, проникался чувством солидарности с борцами за свободу.

Итак, накануне и в ходе революции 1848 гг. в общественном мнении Италии происходили важные процессы, связанные с формированием новых представлений о путях освобождения страны. И хотя революционерам не удалось перейти непосредственно к широкой реализации лозунгов о международном сотрудничестве в силу отсутствия единства и внутреннего сплочения самих прогрессивных кругов Италии и ряда других причин, выступления передовой общественности за союз со славянскими народами не были напрасными. Они способствовали усилению внимания к интернациональным задачам революции, важным для победы над силами внутренней и международной реакции.

5. ЭХО НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ ИТАЛЬЯНСКОГО НАРОДА

Революционные выступления, охватившие Апеннины, переросли в 1848—1849 гг. в национально-освободительную войну. Битвы на баррикадах и полях сражений Италии, как и борьба в других странах, громким эхом отдавались в России, где продолжалось углубление кризиса феодально-крепостнической системы, обострение классовых противоречий. К революционным событиям было приковано внимание всех слоев общества. На Украине, особенно в ее приграничных и приморских губерниях, приток вестей о революционных схватках на Западе оказывал большое влияние на общественное мнение.

На Волыни, Подолии, Киевщине источником повсеместных толков и слухов, по наблюдениям представителей местной администрации, служила периодическая печать. Так, радомышльский уездный стряпчий в рапорте киевскому генерал-губернатору от 25 апреля 1848 г. докладывал, что жители толкуют «касательно возникших за границей важных беспорядков», пользуясь публикациями «из русских и иностранных газет, выписываемых разными лицами». Характерная особенность отмечалась в рапорте волынского гражданского губернатора. Помещики и дворяне, писал он, делятся заграничными известиями в присутствии слуг, «которые передают все ими слышанное другим крестьянам»²⁷⁹.

Особенно часто темой обсуждения были события в Австрии, имевшей протяженную границу с Правобережной Украиной. В начале 1848 г. в габсбургской монархии резко активизировалось национально-освободительное движение. В этой связи обостренный интерес проявлялся к борьбе итальянского народа, носившей антифеодальную и антиавстрийскую направленность и таким образом оказывавшей непосредственное воздействие на общее положение в Австрийской империи.

Неудивительно, что многие революционные выступления в ней и за ее пределами в представлении царских властей ассоциировались с Италией. В качестве примера может служить рапорт, направленный дубнецким городничим 3 марта 1848 г. волынскому губернатору в связи с «возмущениями» на Западе. Официальная реляция начиналась с констатации того, что «живущие в г. Дубно помещики, дворяне и других сословий лица» осведомлены «о делах итальянских», и лишь ниже указывалось, что в настоящее время «главный предмет разговоров в обществах есть известие, полученное об объявлении республики во Франции»²⁸⁰.

Свержение монархических режимов в западных странах воспринималось разными классами и социальными группами по-своему. Среди помещиков эти известия усиливали растерянность и страх перед крестьянским движением. «События, возникшие во Франции и в других странах со всеми происшествиями, волнующими Западную Европу,— говорилось в рапорте острожского стряпчего от 27 апреля 1848 г.,— сделали на здешних помещиков неизгладимое впечатление... Некоторые владельцы страшатся за внутреннее спокойствие, предполагая между крестьянами какие-то злые замыслы и неприязненные намерения против своих помещиков»²⁸¹.

Мысли и чувства разночинских кругов были явно на стороне зарубежных революционеров, что и подчеркивалось в секретных сообщениях местной администрации. 12 апреля 1848 г. городничий Ковеля докладывал в Киев: «некоторые молодые люди, служащие в канцеляриях ковельских присутственных мест, мечтают о равенстве и свободе»²⁸². Аналогичные разговоры о «конституции», о «равенстве» имели место среди чиновников Овручского уезда.

Вести о революциях быстро проникали в глубь страны. Находившийся в это время в ссылке в Орской крепости, а затем на Кос-Арале Шевченко страстно откликнулся на эти события поэмой «Царь» (1848 г.), в которой заявлял о необходимости решительного уничтожения самодержавия²⁸³.

Особенно сильное влияние революционные выступления оказывали на учащуюся молодежь. Дубненский городничий 28 апреля доносил киевскому генерал-губернатору, что «на случай усиления беспорядков за границею» учащиеся гимназий и уездных училищ «могут быть приглашаемы к участию в тех беспорядках и они... готовы ответить согласием на означенные приглашения»²⁸⁴. О том, что с революционными преобразованиями передовая молодежь связывала осуществление надежд на освобождение человечества, свидетельствовало письмо ученика 5-го класса Немировской гимназии Александра Подгорецкого от 15 апреля 1848 г. к его товарищу Осипу Ролле, исключенному ранее за провозглашение в классе республиканского лозунга. Автор письма, вопреки злобным трактовкам монархической пропаганды, высказывал свое восхищение идеей коммунизма, воспринимая ее в утопической форме. «Ныне,— писал он,— когда коммунизм, этот истинный друг человечества, развился в полной силе, когда все мыслящие люди бегут под его знамена, мы одни умеем воспользоваться этой благоприятной минутой... О, вникнем в него поближе, как мил он, как благодетелен, как зовет он нас, улыбается нам, как дышит он истинной мудростью, божественным упоением!

О, друг мой Осип! возлюби его, как я его люблю, дай место ему в твоём сердце, наполни им твою душу»²⁸⁵.

Вместе с тем вести из-за границы усиливали антикрепостнические настроения в крестьянских массах, их стремление перейти к решительным действиям. Как сообщал, например, 18 апреля повоград-волынский окружной начальник государственных имуществ, в с. Богдановка «между всеми жителями» циркулировали толки о том, что «крестьяне имеют резать шляхту». 24 апреля в рапорте гайсинского земского исправника указывалось на то, что назревает «бунт крестьян против помещиков»²⁸⁶.

Прямым откликом на революционные события явилось появление многочисленных прокламаций, листовок и других материалов, в которых содержались призывы следовать примеру народов в других странах, говорилось, в частности, о революционных выступлениях на Апеннингах. В начале апреля 1848 г. из Пруссии в Белую Церковь поступило письмо, к которому было приложено «воззвание к русскому народу». «Русский народ, проснись, обрати кнут, который до сих пор тебе угрожал, против твоих царей!.. — говорилось в нем. — Братья твои в Германии, Франции, Италии, Австрии и части Дании приготовили тебе путь!.. Мы вольны! Идите за нами, подумайте о том, что вы люди и самый беднейший из вас тоже человек... Пришел день, в котором царствующие должны отвечать за свои злодеяния и свои несправедливости»²⁸⁷.

События в Италии наиболее часто фигурировали в частной корреспонденции, поступавшей из Австрии. Так, в перлюстрированном почтовым ведомством письме от 1 мая 1848 г., отправленном из Львова в Коржечи, сообщалось, что «королевство Ломбардо-Венецианское присоединилось уже к Италии, которая по примеру Германии имеет быть организованной»²⁸⁸. В другом письме, направленном также из Львова в мае месяце того же года в Махновский уезд Киевской губернии, подробно комментировались революционные перемены за рубежом. В пункте 5 письма говорилось об итальянской революции: «Италия восстала против австрийского правительства и идет страшная война. Растерзанная на 9 частей Италия соединяется...» Итальянцы «не хотят себя подчинять, но желают иметь народную республику. Австрийские силы в Италии велики, но и итальянцы собирают у себя большие силы; им помогают швейцарцы и французы, предлагают свою помощь для освобождения от зависимости»²⁸⁹.

Осознавая значение исхода революционной борьбы итальянского народа для судеб феодально-монархических устоев не только в самой Италии, но и в соседней с Россией Австрии,

царская администрация также пристально следила за ходом событий на Апеннинском полуострове. Собрание соответствующей информации стимулировалось самим Николаем I и его ближайшим окружением, рассматривавшими Италию как один из очагов, откуда революционный пожар может перекинуться на Украину и далее в глубь империи. Шеф жандармов Орлов в конце 1848 г. уведомлял генерал-губернаторов в Харькове и Кпеве о том, что Триест, Фиуме и другие порты на Адриатике используются итальянскими и другими революционерами для осуществления связей с югом Украины. В Одессу, утверждал он, предполагается отправить из Фиуме оружие, запакованное «различным образом»²⁹⁰.

В течение 1848—1849 гг. местная администрация регулярно собирала и анализировала поступающую из-за границы информацию о революционных событиях в западных странах, в том числе в Италии. В канцелярии подольского гражданского губернатора на основе польских и немецких газет систематически составлялись сводки материалов, которые направлялись киевскому генерал-губернатору. Значительное место в них отводилось сообщениям об Италии. Так, из «Львовской газеты» от 22 марта (3 апреля) 1848 г. приводилась выписка о том, что «в Венецию вступили два австрийских корпуса для восстановления порядка.

В Милане происходила кровопролитная битва с народом»²⁹¹.

12 августа 1848 г. подольский губернатор препроводил в Киев «выписку примечательным местам, находившимся в иностранных газетах», в которой обращал внимание на «описания успехов австрийских войск в Неаполе», «речь папы по поводу происшествий в крае» (Италии) и др. В обзоре давалось резюме всех статей, появившихся во львовской печати под названием «Италия», и отмечалось, что здесь «описываются положение австрийских войск и итальянских», «занятие австрийцами Кремоны и битва вблизи Медиолана» (Милана), «приготовление Италии к общему восстанию» и т. д.²⁹²

Посланный в Галицию киевским генерал-губернатором чиновник по особым поручениям в своих рапортах отмечал связь между событиями в Италии и Галиции. «В Галиции,— докладывал он в июне 1848 г.,— вновь готовятся страшные беспорядки. Демократическая партия... думает по примеру Италии и Бельгии поддержать свои требования и надежду оружием»²⁹³.

В свою очередь, российский консул в Бродах в письмах киевскому генерал-губернатору спешил передать посившую явно проавстрийский характер информацию о ходе военных

операций на севере Италии. 13/25 июня 1848 г. он сообщил об окружении Венеции австрийскими войсками. 22 июля / 3 июня консул писал, что «Венеция со всех сторон так сильно блокирована, что жители в отчаянии и хотят уже сдаться»²⁹⁴. (Об односторонности и тенденциозности этой информации свидетельствует тот факт, что осажденная Венеция продержалась еще более года.)

В 1849 г., когда Италия оставалась в числе последних очагов революции в Европе, события на Апеннинах занимали центральное место в сообщениях, поступавших в Киев из-за рубежа, к сбору и передаче информации активно подключились различные органы царского правительства на местах. 17 января 1849 г. начальник Радзивиловского таможенного округа в донесении отмечал, что австрийская армия под командованием фельдмаршала Радецкого готовится в Италии к очередным «военным действиям с наступлением весны». О том же, ссылаясь на письмо, полученное из Вены с известием «величайшей важности», сообщал консул в Бродях 10/22 марта 1849 г. 23 марта/4 апреля он спешно отправил подробное сообщение о поражении сардинских войск под Новарой, приведя цифры о потерях обеих сторон. «Австрийские войска,— говорилось в нем,— взяли Новару, крепость и город Алессандрию и ныне находятся уже не далее 5¹/₂ миль от Турина... Сардиния решительно желает заключить мир с Австрией, обязываясь заплатить ей 70 000 000 лир...» В заключении отмечалось, что «сия последняя победа фельдмаршала Радецкого над войсками короля Карла Альберта сильно встревожила Италию и в особенности ультра-демократов и анархистов в римских, тосканских и пьемонтских владениях». Известие о разгроме сардинской королевской армии и заключении мира, «весьма выгодного для австрийского правительства условиями», включил в свой рапорт от 30 марта и дубненский городничий²⁹⁵.

Одновременно в этих сообщениях отмечались действия венгерских повстанцев и участие в них выходцев из разных стран. В донесении от 17/5 января 1849 г. находившийся в Австрии агент киевского генерал-губернатора писал: «Совершенно достоверно, что между мятежниками находится много немцев, поляков, итальянцев и французов, которые весьма успешно способствуют побегам из императорской армии и имеют намерение вторгнуться или в Галицию или Молдавию, Бессарабию, Подолию или Украину». Командир 4-го пехотного корпуса в реляции от 18 января 1849 г. отмечал, что в армии Кошута находится среди прочих «легион венских студентов и итальянцев, бывших в австрийской службе». В составе 7-тысячного отряда под командованием

генерала Бема они пропикли из Трансильвании в Буковину²⁹⁶.

Во второй половине 1849 г. основное содержание зарубежных донесений сводилось к известиям о Римской и Венецианской республиках, оказавших упорное сопротивление интервентам. 1/13 июля, перечисляя важнейшие события, российский консул в Бродах писал: «Французские войска 3 сего июля вступили в Рим и кроме римской национальной гвардии все прочие находившиеся там войска обезоружены». Он, а также начальник Радзивилловского таможенного округа называли даты падения Рима и Венеции, тогда как в действительности эти республики продолжали борьбу²⁹⁷. Поэтому и позже в их сообщениях включалась информация о боях на подступах к этим городам.

С тревогой ожидая развития революционного движения в России, царские власти предпринимали меры, чтобы воспрепятствовать распространению сведений о подлинных целях и характере революций в западных странах. Носителями такой информации считались, в частности, иностранные подданные, принадлежавшие к непривилегированным слоям. Именно против них был направлен указ сепата от 9 октября 1847 г., предписывавший пограничной администрации пропускать в страну «иностранных подмастерьев, работников и низших сословий людей», только если они выписаны российскими фабрикантами и держателями ремесленных заведений. 17 марта 1848 г. III отделение уведомило киевского генерал-губернатора Д. Г. Бибикова, чтобы он, согласно личному указанию Николая I, «особенное внимание обращал на всех иностранцев», замеченных «в предосудительных поступках или распространении слухов и в недоброжелательных разговорах»²⁹⁸.

Это распоряжение в значительной мере затрагивало итальянцев, поскольку среди них был большой процент лиц низших сословий. Характерным примером осуществления указаний императора явилось начатое 8 октября 1848 г. дело о «предосудительной переписке, получаемой из-за границы, на имя Владислава Рогозинского». В перехваченном властями на его имя письме из Львова на французском языке говорилось, что «случилось много перемен для нас, минута наступает, нужно действовать... чтобы положить конец тиранам — притеснителям нашей страны». В конце письма содержалась фраза: «Наступила минута отправиться теперь в Петербург с вашим итальянцем». Согласно паведенным властями справкам, Рогозинский, сын помещика Липовецкого уезда Киевской губернии, в 1846—1847 гг. находился за границей, проживал в Париже и Италии. В ходе допросов выяснилось,

что проездом через Флоренцию он нанял в качестве камердинера 22-летнего Пьетро Луччи, который прибыл с ним на Украину. Допрошенный Луччи объяснил, что имеет двух братьев и отца, служившего писцом в королевском трибунале. Сам же он «прибыл в Россию с желанием увидеть эту землю и найти лучшие способы существования». Хотя следственная комиссия для политических дел при киевском генерал-губернаторе не признала письмо уликой против Рогозинского, Николай I распорядился установить за ним «строгий полицейский надзор», а Луччи выслать за границу, что и было сделано 16 декабря 1848 г.²⁹⁹

Однако о полном закрытии доступа в страну иностранцам — представителям низших слоев — не могло быть и речи, ибо их труд играл определенную роль в экономических связях России. По-прежнему, например, в портовые города на Черном и Азовском морях прибывали сотни иностранных моряков и других лиц, причастных к международным морским перевозкам. Многие из них были свидетелями, а порой и участниками бурных событий на Апеннинах, привозили различные революционно-пропагандистские материалы. Так, у греческого подданного Ивана Скордили члена команды судна «Палагия Пландани», прибывшего в Керчь из Санто-рина в июне 1848 г., таможня обнаружила шелковый платок с напечатанными на нем нотами и словами революционного гимна на итальянском языке. Над текстом, состоявшем из восьми четверостиший, стояло название — «Национальный гимн». Как видно из содержания, он был написан в то время, когда над итальянской революцией непосредственно нависла угроза австрийской интервенции. В гимне говорилось:

Страшная мрачная буря,
Гремя, грозит Италии.
Проклят тот, кто уклонится
От борьбы с врагом итальянской земли.
Прежняя отвага еще не угасла,
Хотя недавно мы освобождены от рабства,
Сумеем отомстить оскорбление
Тому, кто угнетает истинное достоинство.
Хотя неприятельские войска
Сильны множеством малодушных,
Но победят наши знамена
И падет устрашающий враг...
Граждане, спешите, спешите.
К славе вас уже призывает
Будущность непрременной победы
И оборона чести и Италии.

В дописании керчь-епикольского градоначальника министру внутренних дел от 15 июня утверждалось, что обнаружение гимна у Скордили уличает его «в принадлежности

к революционной партии». В связи с тем что судно отправилось в Таганрог, местным властям города было дано распоряжение об устоповлении за Скордили, а также шкипером и всем экипажем «бдительного секретного наблюдения впредь до выбытия их»³⁰⁰.

О том, что революционная пропаганда среди моряков дальнего плавания, в частности итальянских, приобрела значительный размах, свидетельствовал еще в апреле 1842 г. в Турине морским министром циркуляр, строго запрещающий сардинским матросам купеческих судов «петь революционные песни в иностранных портах»³⁰¹.

На юге Украины и России идеи итальянского освободительного движения довольно широко распространялись среди местного населения, особенно среди выходцев с Апеннинского полуострова. По свидетельству современников, на вывесках итальянских магазинов в Одессе нередко можно было прочесть лозунги, такие как «Да здравствует объединенная Италия!»³⁰².

В связи со специальным распоряжением правительства о возвращении российских подданных на родину, в Россию, в том числе на Украину, в 1848—1849 гг. приехали тысячи лиц, лично наблюдавших происходившие за рубежом перемены. С их возвращением расширялись источники сведений о революционных переворотах в Западной и Центральной Европе. В числе вернувшихся из-за границы была Н. А. Тучкова, принимавшая вместе с Герценом деятельное участие в революционных шествиях и митингах 1848 г. в Риме и Неаполе. Во время одной из народных демонстраций в «вечном городе» она шла во главе колонны, неся итальянское национальное знамя, с которым должны были отправиться добровольцы на помощь восставшим в Ломбардии против австрийского гнета патриотам. «Я несла итальянское знамя с такою гордостью, с таким восторгом», — свидетельствовала она позже в своих воспоминаниях. Это шествие завершилось митингом в Колизее, где выступил любимец римских низов Чичероваккио³⁰³.

В начале июня 1849 г. Тучкова вместе с Огаревым, опасавшимся ареста в связи с разгромом властями кружка Петрашевского, приехали в Одессу, где намеревались договориться с одним из капитанов иностранного судна, чтобы нелегально перебраться за границу, где все еще полыхала революция. В Одессе, а также Ялте и ее окрестностях они пробыли несколько месяцев, встречаясь с представителями местной интеллигенции, в том числе с другом Огарева, заведующим репертуарной частью одесского театра А. И. Соколовым³⁰⁴. Попытка Огарева и Тучковой выехать морским путем не уда-

лась: в Одессе, как и повсюду в стране, был ужесточен полицейский надзор за сношениями с заграницей, а получение заграничных паспортов в тех условиях оказалось делом нереальным.

Стремясь поставить заслон зарубежным революционным изданиям, проникновение которых значительно расширилось, в частности, через одесский, керченский и другие порты, свою деятельность усилил комитет цензуры иностранной. Он подвергал запрету многие издания на итальянские общественно-политические темы. В составленные им списки, разосланные в 1848 г. местным органам цензуры, в том числе в Киев, были, например, занесены изданный на французском языке двухтомник Андреа Луиджи Мадзини (однофамильца знаменитого революционера) «Об Италии в ее связях со свободой и современной культурой» (Париж, 1847), три тома «Воспоминаний» (Париж, 1847) генерала Пепе (участника неаполитанской революции 1821 г.), книга Л. Мариотти на немецком языке о политическом и литературном развитии Италии (Лейпциг, 1846) ³⁰⁵.

Обеспокоенные тем, что зарубежные известия о свержении монархических режимов находят широкие отклики в демократических кругах, среди низших слоев общества, власти осуществили ряд экстраординарных мер по усилению цензурного давления на печать. Созданный Николаем I в начале 1848 г. секретный так называемый бутурлинский комитет ставил своей целью проводить дополнительный надзор за всей печатной продукцией и самими цензорами. Новые ограничения имели в виду предупредить возможность опасного для самодержавного строя влияния периодических изданий на общественное мнение ³⁰⁶.

На Украине наступление царизма на прессу коснулось в первую очередь газет «Одесский вестник» и «Journal d'Odesa», являвшихся единственными изданиями, где на основании материалов австрийской и прусской печати публиковались зарубежные политические известия. В этом оба издания резко отличались от официальных губернских ведомостей (Киевских, Полтавских и др.), где даже перепечатка информации политического содержания из столичных газет была строго запрещена. С получением первых сообщений о революциях одесская администрация отдала распоряжение местным редакциям «не упоминать до времени об учреждении во Франции «республики»», а затем предприняла против них откровенно полицейскую меру — приостановила рассылку по почте номеров с заметками о революции. Одновременно редакторам было дано указание «не помещать на будущее время никаких известий из Франции, кроме тех, какие будут

заключаться в санктпетербургских газетах». Свое решение управляющий Новороссийским краем обосновал тем, что «известия о вспыхнувшем в Париже возмущении и происшедшем вследствие того во Франции перевороте... произвели сильное беспокойство и опасения в здешнем коммерческом словии».

В связи с этим между одесской администрацией и III отделением завязалась переписка, в которую включился наместник края М. С. Воронцов. В письме от 10 октября 1848 г. шефу III отделения А. Ф. Орлову он высказался за то, чтобы обе газеты и впредь могли самостоятельно помещать зарубежные сообщения, извлекая их из иностранной печати. Это Воронцов обосновывал необходимостью удовлетворять «постоянные потребности большого торгового города получать по возможности более точные и скорые известия о политических заграничных событиях», которые могут влиять на торговые обороты. Перепечатывание таких известий из столичных газет, объяснял он, «сопряжено с такою потерей времени, что уничтожает всю пользу издания особых газет в Одессе»³⁰⁷.

Выступая в защиту сохранения одесских газет как инструмента внешней торговли, Воронцов, естественно, имел в виду не в последнюю очередь обеспечение личных материальных интересов: его доходы во многом зависели от продажи на внешних рынках сельскохозяйственной продукции, производившейся в принадлежащих ему крепостных хозяйствах. Ходатайство влиятельнейшего сановника было удовлетворено лично Николаем I. По докладу III отделения царь согласился с мнением Воронцова о том, чтобы «о всех событиях в Западной Европе упоминалось в самых кратких выражениях без подробностей». Одесским редакциям разрешалось заимствовать иностранные известия из берлинских, венских и константинопольских газет³⁰⁸. Таким образом, результаты бюрократической переписки оказались в конечном счете неожиданными для одесских газет, поставив их редакции в особое положение по сравнению с абсолютным большинством периодических изданий в империи. Уже в своем отчете за 1848 год редакция «Одесского вестника» подтвердила, что она извлекает известия на зарубежные темы «пепосредственно из иностранных газет и из константинопольской корреспонденции». Ссылаясь в следующем годовом отчете на то же самое обстоятельство, она подчеркивала, что иностранные новости «передаются читателям в южном краю России гораздо скорее, нежели получаемые через газеты, издаваемые в столице» (что объяснялось меньшими расстояниями между главными центрами европейских стран и Одессой). Здесь же указы-

валось, что редакция задалась целью давать читателям «перечень важнейших событий за границею»³⁰⁹.

Полученная возможность выбора зарубежной информации позволила одесским газетам сконцентрировать внимание на Италии, где в конце 1848 г. с новой силой разгорелись революционные баталии. На важность событий в стране тогда же обратил внимание К. Маркс, опубликовавший 30 ноября 1848 г. в «Новой Рейнской газете» статью «Революционное движение в Италии». «Наконец-то, — писал он, — после шестимесячных почти непрерывных поражений демократии, после ряда неслыханных триумфов контрреволюции, снова появляются симптомы приближающейся победы революционной партии. Италия — страна, восстание которой явилось прелюдией к европейскому восстанию 1848 г., поражение которого явилось прелюдией к падению Вены, — Италия поднимается во второй раз»³¹⁰.

В «Одесском вестнике» в этот период известия о новой волне революционной борьбы на Апеннинах стали занимать обширную площадь, появился специальный раздел «Италия», просуществовавший до тех пор, пока последние очаги революции в стране не были подавлены объединенными силами внутренней и внешней реакции.

Среди новостей на итальянские темы большое внимание уделялось Римской республике, провозглашенной после победы народного восстания. В этой связи нельзя не вспомнить, что в тогдашних условиях упоминание самого слова «республика» расценивалось представителями царских властей чуть ли не как «революционная крамола», а произвол цензуры приобрел анекдотический характер. Известный литературный критик А. В. Никитенко 12 февраля 1849 г. в своем дневнике записывал: «Я заходил в цензурный комитет. Чудные дела делаются там. Например, цензор Мехелин вымарывает из древней истории имена всех великих людей, которые сражались за свободу отечества или были республиканского образа мыслей, — в республиках Греции и Рима. Вымарываются не рассуждения, а просто имена и факты»³¹¹.

В этих условиях сосредоточение «Одесского вестника» на деятельности одной из итальянских революционных республик, безусловно, выходило за рамки дозволенной царем задачи удовлетворения информацией торговых кругов и придавало его публикациям политическую остроту. Особый вес приобрел тот факт, что в зарубежных известиях речь шла не об обычных буржуазных образованиях, кончавшихся нередко компромиссом с монархиями. Важная черта Римской республики состояла в том, что к руководству ею пришли представители радикального крыла итальянского освободи-

тельного движения — революционные демократы. Неудивительно, что ее появление на политической авансцене сразу привлекло пристальное внимание основоположников научного коммунизма. 22 февраля 1849 г. «Новая Рейнская газета» писала: «Итальянцы знают, что страна, раздробленная на ряд феодальных государств, может быть воссоединена не иначе как путем уничтожения власти государей... *Республика в Риме!* вот начало революционной драмы 1849 года»³¹².

Уяснение редакцией одесской газеты значения установления демократического строя на руинах самой реакционной в Европе державы — Папского государства, где светскую и духовную власть олицетворял глава католической церкви, проявилось в печатании регулярных сообщений о фактах, непосредственно связанных с образованием Римской республики. В газете рассказывалось о таких центральных событиях, как покушение на ненавистного массам папского министра графа Росси, восстании римлян, вылившемся в трехчасовую битву с правительственными войсками перед резиденцией Пия IX и т. д. Отмечалось активное участие народных низов в свержении теократического режима правления, перечислялись «условия, которых народ требовал от папы», — независимость Италии, созыв Учредительного собрания, проведения демократической программы реформ³¹³.

В начале декабря 1848 г. общественность юга России узнала о позорном бегстве «переодетого в клирика» Пия IX в Гаэту под защиту неаполитанского короля, а вскоре — о решении палаты депутатов в Риме, объявившей «папу лишеным всей светской власти». В одесских публикациях на эту тему не было никакого намека на сочувствие католическому монарху. Характерно, что содержание этих заметок шло вразрез со стереотипами о «буйстве», «разгуле черни», распространявшимися на Западе и в России монархическими и контрреволюционными кругами. Положение в Риме после бегства папы «Одесский вестник» обрисовал без какого-либо предубеждения к действиям масс: «Здесь господствует странный спокойный беспорядок, безначалие без насилия. Все запутывается, и это состояние никому не угрожает грабежом, убийством или пожаром»³¹⁴.

Заслугой газеты было то, что она достаточно широко освещала движение за созыв Учредительного собрания, которому придавали большое значение передовые круги в европейских странах как представительному органу республиканского типа. Свое позитивное отношение к борьбе за созыв итальянского Учредительного Национального собрания выразил в те дни К. Маркс в «Новой Рейнской газете»³¹⁵.

Стремясь полнее отразить политические преобразования

в Италии, «Одесский вестник» знакомил читателя с ходом подготовки к выборам в Учредительное собрание. В одном из первых сообщений говорилось, что министерство, выполнявшее временно функцию революционного правительства, «назначило комитет составления избирательных списков для Учредительного собрания». Указывая на широкую поддержку представительного органа, газета писала, что участие в выборах приняли свыше 12 тысяч избирателей — «это несколько более половины тех, которые были записаны»³¹⁶.

Особую значимость имели публикации, посвященные открытию и работе Учредительного собрания, где возник вопрос о форме правления в новом государстве. В этой связи одесская газета назвала имя Джузеппе Гарибальди, прибывшего в Италию из Южной Америки. Легендарный борец за дело свободы народов предстал на ее страницах как убежденный республиканец. Выступая на заседании собрания, «Гарибальди предложил провозгласить прежде всего республику, предложение его передано в обе палаты и будет рассмотрено без замедления». В том же номере редакция поспешила поместить и новейшую информацию по этому вопросу. 9 февраля в Риме, сообщала она, прокламацией «возвещено, что Римское учредительное собрание постановило удалить папу от всякого участия в светской власти и ввести в Риме республиканскую форму правления»³¹⁷. Известие о рождении республики в «вечном городе», таким образом, было обнародовано в Одессе всего через десять дней после этого события — срок, рекордный для тогдашних почтовых сношений с Центральной Европой.

В дальнейшем читатели узнали о важнейших аспектах деятельности республиканского правительства — его усилиях, направленных на объединение прогрессивных сил в стране, в частности о предложении сплотиться с «тосканским народом», также свергнувшим монархию. Из официальной римской газеты «Одесский вестник» перепечатал революционную прокламацию исполнительной власти Римской республики, изданной по поводу занятия австрийскими оккупантами Феррары: «Восстаньте, народы Италии, все вместе подобно тому, как это мы делаем для изгнания раз и навсегда этой язвы Италии. Соберемся для возобновления подвигов наших предков. Римская республика призывает всех вас, народы Италии, и каждый из вас да откликнется на ее бессмертный голос»³¹⁸.

Республиканское правительство в Риме осуществляло не только сугубо политические мероприятия демократического характера, но и социально-экономические. Оно издало ряд декретов, среди которых важное место занял закон

о национализации церковных земель. Разделенные на мелкие участки, они передавались в пользование бедным семьям³¹⁹. С содержанием этого акта «Одесский вестник» ознакомил читателей еще до его обсуждения в Учредительном собрании, когда поступило предложение «об обращении в светские владения всех движимых и недвижимых имуществ духовенства». В одной из последующих заметок рассказывалось об одобрении декрета, согласно которому «все имущества римского духовенства объявляются принадлежащими республике». Вскоре появилось сообщение о декрете, упразднявшем инквизицию. Следует отметить, что в газете акцентировалось внимание и на осуществлении отдельных декретов. Например, сообщалось, что среди «имуществ, объявленных национальной собственностью, находится также Ватиканская библиотека», а «имущества иезуитов в инквизиционной коллегии подвергнуты уже ликвидации»³²⁰. Неоднократные обращения газеты к теме о лишении собственности на землю крупнейшего феодала — католической церкви — приобретали актуальное значение в ходе обострявшейся в самой России, в том числе на Украине, борьбы прогрессивных сил за отмену крепостного права, возраставшей волны крестьянских волнений и восстаний.

Римская республика, вдохновлявшая самым своим существованием на борьбу массы в других частях Италии, с первых дней возникновения стала объектом международного заговора монархов и других сил реакции. «Одесский вестник» оперативно сообщил о военной угрозе, нависшей над республикой и первой контрмере римских властей — создании вооруженных сил для защиты от «иностранного вмешательства». «Армия, — писала газета, — принесла присягу на верность республике, за исключением четырех офицеров кавалерийских и двух офицеров артиллерийских»³²¹.

С этих пор сообщения передавали атмосферу тревоги и решимости революционных сил отстоять республику от интервентов — французского корпуса под командованием генерала Удино, высадившегося вблизи Рима, в Чивитавеккья. «Одесский вестник» перепечатал статью из римской печати, где разоблачалось коварство прибывших по настоянию реакционных кругов Франции войск. Их руководители сначала старались «скрывать от нас... свои настоящие планы», а позже «открыто объявили, что они прибыли единственно с целью восстановить папу в правах светской его власти»³²².

В газете нашел отражение патриотический подъем масс: «Как только узнали, что французские войска двинулись против Рима, все народонаселение этого города бросилось строить баррикады». В новостях о первом вооруженном

столкновении отмечались не только стойкость и отвага защитников города, но их гуманное отношение к пленным солдатам и офицерам противника: «все раненые французы перенесены в госпитали и о них заботятся с величайшим человеколюбием»³²³.

«Одесский вестник» сообщал, что вооруженную борьбу римлян возглавил Гарибальди, которого редакция газеты первой на Украине представила читателю. Именно в связи с защитой Римской республики деятельность героя итальянского народа стала популярной во всей России. Учет публикаций одесской газеты о Гарибальди дает возможность внести существенную поправку в дату начала широкой известности война-революционера в России и отнести ее к 1848—1849 гг. Это приходится отмечать, поскольку в литературе имеют хождение неверные суждения. Одним из них является высказанное утверждение общественного деятеля и публициста второй половины XIX в. Л. Ф. Пантелеева, автора известных «Воспоминаний» (переизданы в 1958 г.) о том, что лишь в 1859 г. Россия «заговорила... о своем неведомом доселе Гарибальди»³²⁴. Между тем имеется свидетельство непосредственного участника революционных событий 1848—1849 гг. — Герцена. Вспоминая о них в «Былом и думах», он писал, что с тех пор Гарибальди «сделался «невенчанным царем» народов, их упованием, их живой легендой, их святым человеком, и это от Украины и Сербии до Андалузии и Шотландии, от Южной Америки до Северных Штатов»³²⁵.

Уважительное отношение в разных странах к Гарибальди сказалось на освещении одесской газетой его боевой деятельности. На протяжении нескольких месяцев фамилия защитника Рима неоднократно упоминалась на ее страницах. Уже в одном из первых известий редакция представила отважного командира как признанного народного вождя. В начале декабря 1848 г., например, она писала, что «Гарибальди с торжеством вступил в Болонью, после того как народ, возбужденный патером Гавасси (Гавацци) и Маззини (Мадзини), восторг силою на то позволение». В сообщениях проводилась мысль о том, что имя Гарибальди неотделимо от дела защиты итальянской революции. «Гарибальди находится всюду, где опасаются вторжения»³²⁶.

После того как первая попытка французских интервентов захватить город штурмом сорвалась благодаря решительным действиям римлян и корпус Удино вынужден был на некоторое время отступить, против республик двинулась армия неаполитанского короля. Из одесских публикаций читатели узнали о блестящих походах римских отрядов во главе с Гарибальди против монархического воинства. Отмечая, что бое-

вые успехи Гарибальди поддерживают энтузиазм в Риме, газета писала о разгроме королевской армии под Вальмонтоне, после чего в честь победителей в г. Палестрина была устроена иллюминация. Ссылаясь на информацию из Рима о действиях гарибальдийцев, «Одесский вестник» подчеркивал, что «ни одного неаполитанского солдата нет более па римской земле». Интерес представлял и факт о том, что по распоряжению римского триумвирата все имущество короля в римских владениях конфисковано «для вознаграждения граждан, пострадавших от вторжения неаполитанцев»³²⁷.

Подвиги Гарибальди, получившие отражение на страницах «Одесского вестника», явились блестящим образцом военного искусства. Именно так оценивали действия народного борца при защите Римской республики основоположники марксизма. Маркс называл его «героем Рима»³²⁸. Энгельс, восторженно отзывавшийся о победах римлян над неаполитанской армией в 1849 г., писал: «...в лице Гарибальди Италия имела героя античного склада, способного творить и действительно творившего чудеса»³²⁹.

На страницах газеты освещались отдельные эпизоды обороны города, когда усиленный корпус Удино в начале июня начал осаду и бомбардировку Рима. Говорилось об ожесточенных боях с превосходящими силами противника, тяжелом положении римлян — нехватке боеприпасов, продовольствия, воды (интервенты «отрезали десять водопроводов»). Отмечалась самоотверженность гарибальдийцев и всех патриотов в схватках за баррикады, устроенные ими в брешах крепостной стены, опоясывавшей город. В эти дни газета сообщила, что в своей борьбе республика опирается на помощь волонтеров из других местностей и стран. Регулярные войска, защищающие Рим, состоят наполовину из «ломбардцев, сицилийцев, неаполитанцев, французов, швейцарцев, поляков и венгерцев»³³⁰.

Свое последнее известие о битве за Рим редакция сопроводила пометкой «2 июля». В нем шла речь о прорыве интервентов в районе ворот Сан-Панкрацио. В дальнейшем рассказывалось о многочисленных разрушениях, причиненных городу интервентами в результате артиллерийских обстрелов, о гибели картин художника эпохи Возрождения Себастьяно дель Пьомбо и других памятников культуры³³¹.

Освещая оккупационные будни города, газета писала о массовых арестах сторонников республики, отмене свободы собраний и печати, учреждении военных судов, насильственном роспуске Учредительного собрания, восстановлении многих монастырей и т. д. Прочитывая прокламацию Удино, где утверждалось, будто жители Рима одобряют восста-

новление светской власти папы, «Одесский вестник» сопроводил ее следующей ремаркой: «Римляне мало доверяют этим прекрасным словам. Они видят только произвольные аресты»³³².

Отношение к папству как реакционному институту на страницах газеты не было изолированным явлением в общественном мнении страны. Оно отражало представления и суждения, сложившиеся ранее в России по поводу католической теократии. Страстным борцом против папского деспотизма выступал поэт-революционер Т. Г. Шевченко. В поэме «Еретик» (1845 г.) он заклеил хозяина «апостольского престола» как врага народа:

Кругом неправда і неволя,
Народ замучений мовчить.
А па апостольськiм престолі
Чернець годованій сидить.
Людською кровію шинкує
І рай у найми оддає!..³³³

Реакционную роль римской курии разоблачали также члены антицаристской и антикрепостнической организации — Кирилло-Мефодиевского общества, возникшего в Киеве в 1846 г. В его важнейшем документе — «Книге бытия украинского народа» — подвергалась резкой критике претензия папства на «власть над всем миром христианским»³³⁴.

Показывая также неприглядное обличье папства, «Одесский вестник» отмечал, что дух борьбы не сломлен в массах. Большинство жителей, писала газета, отвергает самую мысль о восстановлении теократического правления. О непокоренном «вечном городе» напоминали читателям и заметки, печатавшиеся в 1850 г., когда продолжались аресты и расправы над патриотами. «Тюрьмы наполнены», — констатировала газета. Среди арестованных находится «знаменитый скульптор» Амичи³³⁵.

После падения Рима в Одессе неоднократно печаталась информация о судьбе видных деятелей республики. Наибольшее внимание, как и раньше, уделялось Гарибальди, который во главе отряда вырвался из окружения и продвигался с боями на север. Рассказывалось о неудачных попытках оккупантов схватить героя Рима. В сентябре 1849 г. в газете появилось сообщение, что Гарибальди находится в Генуе, где его арест дал «повод к весьма жарким прениям» в палате депутатов Сардинского королевства, ставшего в ходе революции конституционной монархией. В то время, когда в Италии и других странах свирепствовала реакция, газета в своих заграничных известиях подчеркивала широкую популярность революционера. В заметке из Генуи говорилось: «Несмотря

на арест, с Гарибальди обходятся здесь с большим уважением; его навещает множество офицеров». В дальнейшем сообщалось о его освобождении и отъезде из Италии, остановках в разных портах и прибытии в Ливерпуль на пароходе «Квин»³³⁶.

Из материалов одесской прессы общественность одновременно узнала и о других деятелях Римской республики. В заметке о первом сражении за город отмечалось мужество «лучшего артиллерийского офицера Каландрелли». Благодаря одесской газете стали известны также имена Эрико Чернуски — одного из руководителей миланского восстания в 1848 г. и участника обороны Рима, «известного народного оратора Чичероваккио», ближайшего боевого соратника Гарибальди — Уго Басси³³⁷.

Зарубежные новости создавали широкую панораму событий итальянской революции. Наряду с сообщениями о Римской республике газета помещала заметки о борьбе патриотов в Ливорно, Генуе, Милане, Модене и других городах. Ряд информации был посвящен выступлениям демократов в Тоскане, провозглашению республики во Флоренции³³⁸.

Много места отводилось также освещению борьбы Венецианской республики и ее президента Манина. Читатели были информированы о решимости венецианцев «противиться Австрии во что бы то ни стало», о защите города корпусом генерала Пепе, о жестоких бомбардировках войсками противника. В заметке из Триеста, например, говорилось, что в ночь с 29 на 30 июля австрийцы повторили бомбардировку Венеции «калеными ядрами» из пушек, «действовавших подобно мортирам»³³⁹. В конце августа в Одессу пришла весть о капитуляции Венеции и отъезде в эмиграцию ее главных деятелей.

Вся эта большая публикаторская работа, конечно, не означала, что редакторы «Одесского вестника» были сторонниками революции. Тем не менее их деятельность по освещению событий в Италии и за рубежом в целом объективно противостояла тенденциозным версиям монархической и клерикальной реакции. Поиск и использование газетной обширной информации в конечном счете отражали возрастающий интерес прогрессивной общественности России к проблемам радикальных преобразований политического и социально-экономического строя и тем самым косвенно содействовали популяризации революционно-демократических лозунгов и деятельности тех, кто стремился претворить их в жизнь. В определенной мере этому способствовало использование редакцией прогрессивных печатных источников. В некоторых заметках «Одесский вестник» прямо ссылался на «Мониторе романо» — официальный орган Римской республики, а также

газету туринских демократов «Конкордиа». Примечательно, что в марте 1850 г. петербургский комитет цензуры иностранной запретил к распространению в России издаваемый в Париже в 1849 г. сборник «Официальные акты Римской республики с 9 февраля по 2 июля 1849 г.», состоявший из текстов, появившихся ранее в «Мопиторе романо»³⁴⁰.

Таким образом, благодаря публикациям одесской газеты общественность юга страны имела возможность довольно детально знакомиться с событиями итальянской и других западных революций. Поток сообщений на ее страницах еще более усиливал тот резонанс, который вызывала среди передовой России революционная борьба итальянских народных масс.

* * *

Итак, на протяжении первой половины XIX в. передовые общественные круги оказывали все возрастающее влияние на формирование и развитие отношений между Россией и Италией. Важнейший вклад в расширение и демократизацию связей вносили революционные организации, участие которых открывало новые каналы для обмена идеями социального прогресса, укрепляло их солидарность в борьбе против феодально-абсолютистских режимов, поставило задачу большого исторического значения — создание итало-славянского союза. В свою очередь, заметно повысился интерес к взаимному познанию исторического прошлого и современного положения народов обеих стран, достижений их социально-политической мысли, общих путей развития человечества.

Одним из центров сближения представителей общероссийского и итальянского освободительных движений в рассматриваемый период стала Украина, где, как и в других регионах страны, не утихала борьба против самодержавия и крепостничества, сохранялись и развивались декабристские традиции межнационального содружества.

Часть II

КУЛЬТУРНЫЕ И НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ

1. СТОРОННИКИ И ПРОТИВНИКИ ОБМЕНА ДУХОВНЫМИ ЦЕННОСТЯМИ

Изучая процессы мирового развития, основоположники марксизма-ленинизма неизменно отмечали одну из характерных его тенденций — интернационализацию различных сфер общественного бытия. Последовательное применение в исследованиях принципа историзма позволило им раскрыть зависимость уровня интернационализации от конкретной социально-экономической формации. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин указали на новый этап этого процесса в ходе вызревания внутри феодального общества капиталистических производительных сил. «На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства,— отмечали авторы «Манифеста Коммунистической партии»,— приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными...»¹.

Вопросы взаимосвязей и взаимообмена в сфере духовной деятельности этого периода были ареной острой борьбы между прогрессивными и реакционными силами. В России и Италии понимание неизбежности процессов интернационализации проникало в общественное сознание благодаря активности прогрессивной общественности и прежде всего борцов против феодально-монархического строя. Большое внимание распространению идей общности судеб народов и их культур уделяли революционные демократы. За осуществление этой линии с первых шагов своего рожденья настойчиво боролась «Молодая Италия», возглавляемая Дж. Мадзини. Одну из своих статей, опубликованную под названием «Пропаганда» 9 января 1836 г. в органе международной демократической организации «Молодая Европа» — газете «La Jeune Suisse» («Молодая Швейцария»), он начал с тези-

са о том, что «народ не может жить в изоляции. Каждый народ, как и каждый индивид, ... представляет собой элемент большой совместной жизни человечества»². Еще ранее, в 1829 г., выступая во флорентийском журнале «Антолоджиа» со статьей «О европейской литературе» Мадзини поставил вопрос о важности культурных контактов между народами и в связи с этим о необходимости отказа от узконационального понимания развития своей страны. «Мы отвергаем любые национальные предрассудки,— писал он,— и говорим писателям всех народов и возрастов: придите! Мы приветствуем вас, как братьев, признаем вас, любим вас, так как вы служите человечеству»³.

Проблема обмена духовными ценностями глубоко волновала также передовую часть общества в России. В сближении народов она видела явление, олицетворяющее поступательное движение человечества вперед. «Одна из самых характеристических черт нашего времени,— писал Белинский в 1843 г. по поводу выхода в свет «Истории Малороссии» Н. Маркевича,— стремление к единству и сродству доселе разрозненных элементов умственной жизни... Доказательство этой истины представляет история народов, история обществ, летописи наук, искусства, даже ремесел... Народы начинают сознавать, что они — члены великого семейства человечества, и начинают братски делиться друг с другом духовными сокровищами своей национальности. Каждый успех одного народа быстро усваивается другими народами...»⁴. Говоря о том, что в общественную мысль и культуру России интегрируются понятия и идеи, бытующие за границей, Белинский в 1845 г. замечал: «подобное явление не ново», оно пронизывает жизнь разных стран. «Неистовый Виссарийон» подчеркивал, что глубокий интерес в России к новому за рубежом определяется настоятельной необходимостью развития самой страны, вовлечением в него не только образованных кругов, но даже самой забитой части населения — крестьян. «Все,— констатировал он в 1845 г.,— следят за ходом наук, искусств, ремесел, открытий, даже мод и форм жизни на Западе»⁵. Подобно Белинскому, с революционно-демократических позиций интерпретировал связи между народами Шевченко. Резко выступая в своем знаменитом послании «І мертвим, і живим» против узколобого псевдопатриотизма помещиков-либералов, их «учебы» за границей, результатом которой было слепое и бездумное заимствование чужих мнений, поэт-трибун ратовал за укрепление сотрудничества украинского народа с другими народами в интересах социального прогресса. Именно этому служил его призыв: «І чужому научайтесь, й свого не цурайтесь»⁶.

Пропагандируя эти идеи, революционные демократы были далеки от того, чтобы низкопоклонничать перед всем, что появлялось за пределами страны. В духовном обмене они акцентировали внимание на ценностях, связанных так или иначе с проблемами борьбы за социальную справедливость.

Позиции передовой общественности по вопросам культурных контактов противостояла линия реакционных верхов. Политическая обстановка, сложившаяся в международных отношениях после образования в Европе Священного союза, накладывала отпечаток на масштабы и характер связей в области просвещения, искусства, литературы, науки. Феодально-монархическая реакция, боясь распространения опасных для себя идей, вела наступление на культуру внутри своих стран, стремясь одновременно если не перекрыть полностью каналы ее внешних сношений, то по крайней мере взять их под строжайший контроль. В Австрии, России, итальянских государствах усиливались цензурные преследования, полицейский надзор за всеми областями духовной деятельности. Огромный ущерб международным культурным связям наносила политика, проводившаяся Меттернихом. В самой Австрийской империи жестокими репрессиям подвергались прогрессивные деятели культуры, принимались драконовские меры против проникновения в литературу и искусство любых упоминаний о политической тирании. Систему шпионажа, провокаторства и преследований Меттерних всячески пытался поощрять на Апеннинах, как и в других регионах Европы. Всеохватывающий полицейский режим, по его представлению, должен был оградить монархии от воздействия революции, которая объявлялась делом зарубежной пропаганды.

Во влиянии исключительно внешних факторов видело причину революционных настроений в России царское правительство. Шеф жандармов Бенкендорф утверждал, что число неблагонадежных подданных в стране «возросло до ужасающей степени с тех пор, как множество французских искателей приключений, овладев у нас воспитанием юношества, занесли в Россию революционные начала своего отечества, и еще более со времени последней войны чрез сближение наших молодых офицеров с либералами тех стран Европы, куда заводили нас наши победы»⁷.

Опасаясь распространения революционных воззрений, царизм проводил разного рода ограничительные мероприятия в области международных связей. Однако объективные потребности развития страны в конечном счете были сильнее желаний самодержца и его прислужников, которые, как, впрочем, и власти в других абсолютистских государствах, вынуждены были лавировать, сохраняя вместе с тем неизмен-

ную настороженность к зарубежным контактам подданных империи. В 1827 г. в беседе с князем А. С. Меншиковым Николай I говорил: «Признаюсь, я не люблю отправок за границу; молодые люди возвращаются оттуда с духом критики, заставляющим их находить, может быть, основательно, учреждения своей страны плохими»⁸.

Все это особенно негативно отражалось на положении той части художественной интеллигенции, которую представляли выходцы из разночинских кругов, обедневших дворян, крестьянства. Так, соглашаясь на командирование тех или иных из них для усовершенствования мастерства, царские вельможи отпускали весьма скудные средства, в результате чего прибывавшие за границу вынуждены были искать посторонние источники для своего существования, прибегая к благодеяниям толстосумов-меценатов, работая по заказам иностранцев и т. п. Познакомившийся в Италии с соотечественниками — молодыми живописцами и скульпторами поэт К. Н. Батюшков с чувством обиды за родное искусство писал в феврале 1819 г. из Рима президенту академии художеств А. Н. Оленину: «Скажу вам решительно, что плата, им положенная, так мала, так ничтожна, что едва они могут содержать себя на приличной ноге. Здесь лакей, камердинер получает более... Россия имеет нужду в хороших артистах (то есть мастерах изобразительного искусства.— *Н. В.*), ... и я от чистого сердца желаю, чтобы казна не пожалела денег»⁹.

С особой настороженностью самодержавие относилось к культурным контактам в периоды подъема общественно-политического движения в Европе. Характерный документ в этом отношении появился в 1848 г. в связи с начавшимися за рубежом, в том числе в Италии, революционными волнениями и восстаниями, — указание министерства внутренних дел, направленное киевскому генерал-губернатору. В нем говорилось: «...Прибывающие из-за границы в пограничные города партии иностранных музыкантов... не должны быть допускаемы к следованию в Россию без разрешения каждый раз III отделения собственной его императорского величества канцелярии»¹⁰.

Российский самодержец и его окружение, подавлявшие свободомыслие в отечественной культуре, опасаясь взглядов зарубежной прогрессивной общественности, сооружали заслоны для их проникновения. В стране, например, были запрещены все пьесы Гюго. Произведения Шиллера и даже Шекспира допускались на сцену лишь в обработке, порой весьма искажавшей смысл подлинников¹¹. Из пронизанных пафосом героической борьбы итальянских опер цензура изымала важные в идейном отношении части, требовала из-

менения названий. Спектакли разрешалось ставить зачастую только на языке оригинала, чтобы помешать их восприятию зрителями из низших сословий. Все это вызывало чувство протеста в радикально настроенной среде. 10 ноября 1842 г. Герцен с возмущением писал в своем дневнике о том, что опера Россини «Вильгельм Телль» (в которой воспевается борьба швейцарского народа против иноземных поработителей) идет под названием «Карл Смелый». Это, резюмировал он, «и смешно, и досадно, и отвратительно»¹². Цензурные рогадки возникали и при первых постановках опер Верди, проникнутых тираноборческими мотивами. В фондах драматической цензуры сохранился «алфавит итальянских пьес» за 1841—1861 гг., в котором, в частности, отразилась история постановки первых опер Верди на одесской сцене. Так, его «Эрпани», впервые поставленная в 1844 г. в венецианском театре «Феличе» и вызвавшая среди патриотически настроенных итальянцев волну энтузиазма, была предложена тогда же для показа в Одессе, но запрещена цензурой. Отмена запрета последовала лишь через два года. В 1848 г. не получила разрешения на сценическое воплощение другая опера композитора — «Набукко»¹³, в которой пророчество о падении Вавилона современники связывали с грядущим свержением гнета габсбургской монархии и освобождением Италии.

Во многом аналогичным было положение в итальянских государствах, где искусство и литература находились под строгим полицейским и цензурным контролем. С различными препятствиями, чинимыми бюрократическим аппаратом, сталкивались здесь и иностранные деятели. Так, чтобы, например, в Неаполитанском королевстве художник мог сделать копию с музейной картины, требовалась санкция правительства, о чем, в частности, свидетельствуют хранящиеся в Государственном архиве Неаполя документы, относящиеся к приезду в августе 1848 г. А. А. Иванова. Как известно, в процессе создания своего грандиозного полотна «Явление мессии», вошедшего в золотой фонд мирового искусства, художник предварительно проделывал титаническую работу: рисовал огромное количество этюдов с натуры, делал копии с произведений других авторов. Её Иванов намеревался продолжить и в Неаполе по приезде из Рима. Между тем дирекция королевского музея, где художник предполагал работать, не могла удовлетворить его просьбу самостоятельно, несмотря на то что он уже 15 лет проживал и трудился в Италии и был известен как выдающийся мастер. Вопрос о разрешении «копировать некоторые шедевры живописи» решался с участием государственного секретаря королевства и других высокопоставленных чинов бурбонского правительства¹⁴.

Особенно свирепым гонениям подвергался итальянский театр, о чем, в частности, свидетельствует сценическая история упомянутого «Вильгельма Телля». В Милане по требованию австрийской цензуры сюжет произведения был заменен эпизодом из истории Шотландии, а название — на «Вильгельм Виллас». Слова «родина», «свобода», «угнетатели», «рабы» были вычеркнуты. В папском Риме опера после изъятия «опасных» слов шла под названием «Родольфо ди Стерлинго»¹⁵.

Даже в Тосканском герцогстве, которому определенные круги приписывали некий либерализм в вопросах искусства, науки и просвещения, положение мало чем отличалось от наиболее реакционных режимов в Европе. Сфера культуры и ее зарубежных контактов и здесь находилась в безраздельной власти полиции, выступавшей непререкаемым судьей во всем, вплоть до оценки художественных достоинств произведений, дарований артистов и т. д. В театрах она не только проверяла благонадежность состава трупп, их репертуар, но и накладывала по своему усмотрению запреты на выступления тех или иных иностранных артистов под различными, порой самыми нелепыми, предлогами. Жертвой подобного полицейского произвола летом 1841 г. стал С. С. Гулак-Артемьевский, которому королевский комиссариат г. Флоренции не позволил провести вечер бенефиса в оперном театре, хотя в контракте особым пунктом было оговорено такое выступление певца¹⁶. В этом проявилась, в частности, вассальная зависимость правителя Тосканы от венского двора, стремившегося всячески изолировать население от «иностранных влияний».

Подобная политика правящих верхов обедняла прежде всего культуру народа. В Италии это отражалось на различных видах искусства, в том числе музыкальном. Как отмечается в итальянском музыковедении, в первой половине XIX в. страна была «практически отрезана от европейского музыкального движения», что, в свою очередь, отрицательно влияло на состояние музыкальной критики и историографии, страдавших от «посредственного уровня провинциального журнализма»¹⁷.

В этих условиях большая роль в отстаивании принципов культурного сотрудничества принадлежала общественности. В России пример такого отношения показывали многие деятели литературы и искусства. Говоря, в частности, об Италии, они напоминали о замечательном искусстве этой страны. «Италия — отечество зодчества, живописи, скульптуры, музыки»¹⁸ — подобные высказывания были весьма распространенными в журналах и газетах Петербурга, Москвы,

Одессы, других городов, в отчетах путешественников и т. д. Пушкин и Глинка, Беллинский и Герцен, Гоголь и Шевченко, многие другие представители отечественной культуры поддерживали стремление приобщиться к наследию эпохи итальянского Возрождения, одарившей человечество шедеврами духовного творчества.

Прогрессивная мысль Италии, в свою очередь, преодолевая феодальные перегородки, пыталась выйти на арену широких контактов путем пропаганды интереса к культурному наследию славянских народов. В глухую пору реакции одним из проводников этой линии выступил флорентийский журнал «Антолоджиа», вокруг которого группировались многие деятели Рисорджименто. На протяжении своего существования вплоть до закрытия властями он задавал тон в культурной и научной жизни Италии. В центре внимания издания стояли многие важные проблемы развития страны, в частности вопрос об ознакомлении с достижениями России на пути культуры. В статьях, рецензиях, переводах издателя Дж. Вьессе и Дж. Каппони пропагандировали интерес к истории, литературе, искусству ее народов. Одним из пионеров и глашатаев идей культурного взаимодействия явился писатель и филолог, участник освободительного движения Н. Томмазо. В числе первых в Италии он публично известил соотечественников о замечательном творчестве Пушкина. В журнале «Антолоджиа» (декабрь 1828 г.) Томмазо выражал надежду на то, что «пример Пушкина, ...поэта нации, ... найдет более смелых последователей» в Италии. Он указывал на «изо дня в день возрастающее сияние», которое доходит из страны Пушкина и станет для итальянцев «не пустым блеском, но жизненным и плодотворным лучом».

В Венеции в этот период одним из центров, придававших большое значение культурным связям с Россией, была местная академия художеств, во главе которой стоял знаток искусств Леопольдо Чикоцьяра. В 1827 г. он выпустил небольшим тиражом работу по истории искусства черни — книжку на сорока страницах, один из экземпляров которой ныне хранится в фондах отдела рукописей и редких книг Центральной национальной библиотеки в Риме. В работе, написанной на узко специальную тему, автор, однако, затронул общие вопросы, указав, в частности, на самобытность и глубокие истоки культуры Древней Руси и ее центров. «Города Киев и Новгород..., — писал Чикоцьяра, — считаются наиболее древними по датам основания, а древние памятники, от которых остались развалины, изделия из серебра и золота, янтаря и черни, явно свидетельствуют о том, что культура этих городов появилась намного раньше, чем возродились

искусства в Италии»¹⁹. Выход этой публикации был замечен редакцией журнала «Антологина», которая, пересказывая содержание изысканий венецианского автора, процитировала его мысли о древнерусской культуре²⁰.

Примечательно, что уже в начале XIX ст. итальянская культура обрела значительную материальную базу для своего развития на Украине. Большую роль в этом сыграла основанная в Одессе типография, ставшая одним из центров издания литературы на итальянском языке. Основное место в этой печатной продукции занимали драмы, стихи, а также оперные либретто²¹. В числе активных авторов здесь выступал преподаватель итальянского языка А. Пиллер, опубликовавший, например, в 1822 г. оду в честь знаменитой певицы Каталани, успешно гастролировавшей на Украине.

Одесские публикации расходились не только в России, но и адресовались непосредственно читателям Италии. Функция, которую выполняли эти издания, была особенно важной в условиях, когда развитие итальянской культуры на ее родине наталкивалось на большие препятствия. Таким образом, печатная продукция Одессы служила делу поддержки культуры итальянского народа, приумножению ее интернациональных связей.

Взаимопониманию и взаимоподдержке культур народов Италии и России содействовала и переводческая деятельность на Украине. В частности, в харьковском «Украинском журнале» в 1824—1825 гг. в переводе В. Розалиона-Сошальского публиковались итальянские стихотворения. Здесь же печатались басни итальянских авторов²². Весьма интенсивно переводами либретто опер, ставившихся на одесской сцене, занимался преподаватель языка одесской 2-й гимназии В. Лорович²³. Благодаря ему в Одессе были изданы либретто лучших произведений Верди и других классиков музыки. Здесь же в Одессе в 1837 г. была напечатана в переводе на итальянский поэма Пушкина «Кавказский пленник»²⁴. Сообщая о выходе ее в свет, газета «Одесский вестник» писала: «Надеемся, что перевод «Кавказского пленника» будет хорошо принят в Италии». Отмечая высокий уровень текста публикации, она высказала также пожелание переводчику, скрывшемуся за инициалами D. F. G., употребить «дарование свое» в дальнейшем на перевод пушкинской «Полтавы» как произведения «вполне самобытного и народного»²⁵.

Складывавшиеся два разных подхода по отношению к международным культурным связям, таким образом, тесно переплетались с внутренними социально-политическими проблемами стран. В этом противоборстве демократическая

мысль шаг за шагом отвоевывала позиции в общественном мнении, прокладывая пути для расширения духовного общения народов.

2. ТЕАТР

Эпоха борьбы против феодально-монархического строя сопровождалась повышенным интересом прогрессивных сил к различным видам искусства. Мысль о его высоком предназначении была особенно близка первенцам свободы XIX века в России — декабристам. Уже в уставе Союза благоденствия указывалось на обязанность его членов «изыскать средства изящным искусствам дать надлежащее направление, состоящее не в изнеживании чувства, но в укреплении, благородствовании и возвышении нравственного существа нашего»²⁶.

Эстафету декабристских воззрений на искусство подхватили и развили представители революционной демократии. В оценках искусства особое место они отводили театру с его массовой аудиторией, устремлявшейся со своими запросами и потребностями в зрительные залы. Отмечая эту характерную тенденцию, Герцен писал в 1843 г. на страницах «Отечественных записок»: «Театр — высшая инстанция для решения жизненных вопросов... Все тяготящее, занимающее известную эпоху, само собой вносится на сцену и обсуждается страшной логикой событий и действий... Сцена всегда современна зрителю, она всегда отражает ту сторону жизни, которую хочет видеть партер»²⁷. Акцент, сделанный на слове «партер», в выступлении писателя не был случайным. Именно здесь, в отличие от лож аристократии, собирались преимущественно демократические слои общества.

В Италии возрастающая роль театра нашла яркое выражение в расцвете оперного искусства. Эту особенность театральной жизни на Апеннинах верно подметил Белинский. Рассматривая в 1842 г. пути исторического развития различных стран, он обращал внимание на музыкальную культуру итальянского народа и место в ней оперного искусства. Опера «в Италии, — писал критик, — это целая жизнь»²⁸.

Высказывания итальянцев о задачах и целях искусства, в том числе театрального, во многом перекликались с оценками передовых кругов России, что объяснялось, в конечном счете, общностью ряда социально-политических проблем, решение которых стояло на повестке дня обеих стран. Трактатка театра как трибуны идеалов Рисорджименто была составной частью идеологии его участников. Так, напечатанная в журнале «Стесикоро» статья по поводу кончины В. Беллини (1835 г.) делала упор на общетальянском, патриоти-

ческом содержании творчества композитора, что не ускользнуло, кстати, от бдительного ока австрийского дипломата Л. Лебцельтерна. В своем донесении в Вену он подчеркивал, что указанная статья истолковывает славу композитора «в плане объединения Италии»²⁹, главным врагом которого, как известно, выступала габсбургская монархия.

Лучшие оперные творения Италии первой половины столетия, несшие большой силы идейно-художественный заряд, завоевывают сцены Франции, Германии, Англии, Испании. Россия была также в числе стран, где искусство итальянского театра получило широкую аудиторию. Его представителей принимали в Петербурге, Москве, Риге и т. д.

С начала столетия регулярные выступления артистов из Италии проходят на Украине. В Харькове, например, уже в начале столетия наряду с отечественными операми часто ставились произведения Керубини, других композиторов³⁰. Музыкальная культура итальянского народа превращается в неотъемлемый компонент культурной жизни и ряда других городов. По оценкам современников, это было общей чертой развития сценического искусства во всей России. Белинский, глубоко интересовавшийся судьбами театра, в 1838 г. в журнале «Московский наблюдатель» отмечал резко возросший за полустолетие кругозор театральной аудитории в стране, вплоть до «последнего уездного городка», ее страстную приверженность и любовь к сценическому искусству, умение видеть достоинства как отечественных, так и зарубежных его произведений³¹. Отмеченное Белинским в полной мере проявилось в отношении к итальянскому оперному и драматическому искусству, представители которого встречали не только внимательных и благородных зрителей, но и знатоков. В этом плане характерным является свидетельство первого выдающегося прозаика новой украинской литературы Г. Квитки-Основьяненко. В очерке «Осложение Харькова» (который сочувственно цитировал в своем отзыве Белинский), опубликованном в альманахе «Молодик» (1843 г.), писатель не без гордости за родной город отмечал, что здесь можно услышать суждения и о литературе — отечественной и зарубежной, и «о музыке немецкой, итальянской и композиторах»³².

В контактах с зарубежным театральным искусством наблюдалась и иная тенденция, носителями которой выступали консервативные верхи. Стремясь всячески выхолостить социальное содержание произведений, они насаждали подход к итальянскому театру как к моде, культивировали слепое пристрастие к оперной форме, пытались противопоставить ее отечественному искусству. Именно эта линия придворных

кругов, наносившая в равной мере вред развитию культур двух стран и их взаимному сотрудничеству, вызывала энергичные протесты и критику со стороны передовой общественности.

Одним из первых мест, где начали регулярную деятельность итальянские труппы на Украине, стала Одесса. Тогда, в начале столетия, совершались и гастрольные поездки отдельных певиц, певцов, музыкантов, что значительно расширило географию культурных контактов. Скучные сведения первой четверти XIX в. не дают возможности раскрыть достаточно полную картину творческих встреч иностранных деятелей театра с местной аудиторией. Известно, например, из газетного сообщения того времени, что в 1819 г. в Николаеве побывала «артистка Анжелика». «Хотя она и не молодых лет, — говорилось в заметке, — однако на данных ею концертах немало восхищала здешнюю публику талантами своими в пении»³³.

В начале 20-х годов свое мастерство демонстрировала на Украине знаменитая Анжелика Каталани. В апреле 1820 г. она дала первый концерт — в Кременце, куда приехала «по приглашению тамошнего дворянства». В здании местного лицея артистку слушала аудитория в 500 человек³⁴. Ее репертуар состоял из произведений Россини, Гульельми, Портогалло и других авторов. В том же году «славная певица», как ее характеризовала пресса, покорила своим исполнением и москвичей. В 1823 г. во время контрактной ярмарки Каталани стала гостьей Киева, откликнувшись на приглашение антрепренера Л. Ленкавского. Ее выступления стали событием в театральной жизни города на Днепре. Первый концерт состоялся на Подоле в зале Контрактного дома 24 января, второй — в городском театре на Крещатике 17 февраля. Публика могла познакомиться с ариями из опер Россини «Итальянка в Алжире», «Турок в Италии», «Эдуард и Христина»³⁵.

Наряду с солистами гастрольные поездки совершали итальянские пианисты и скрипачи. В 1836 г. в Керчи в течение десяти дней с фортепьянными произведениями знакомил публику итальянский композитор Риссо³⁶, оперы которого шли на сценах Неаполя и Милана. В 1845 г. в период киевских контрактов выступал пианист Алонций Папочини, получивший 14 декабря паспорт на годичное пребывание в Киевской губернии³⁷. В начале следующего года состоялись его совместные концерты с австрийским скрипачем М. Гаузером. Папочини представил на суд любителей музыки фантазию собственного сочинения по мотивам оперы Беллини «Сомнамбула»³⁸.

В 1845 г. в Россию приехал последователь искусства Па-

ганини Пьетро Аррабито, уроженец Модики (Сицилия), снискавший имя виртуоза во время выступлений в Палермо, Неаполе, Риме, Флоренции, Милане. Он дал концерты в Одессе и Москве, продемонстрировав, в частности, игру на скрипке двумя смычками. Отмечая изобретательность гостя, рецензенты подчеркивали, что в нем нет манерничания, «игра его и сочинения всегда преисполнены чувств и идей»³⁹.

Следует отметить, что некоторые итальянские музыканты надолго оставались в России и на Украине. Один из них Луиджи Неграто в течение нескольких лет, начиная с 1831 г. служил в г. Дубно в качестве капельмейстера при полках 7-й пехотной дивизии⁴⁰.

Музыкальное наследие Италии активно осваивали и отечественные театральные коллективы. Значительную роль в этом играли домашние театры, мода на заведение которых довольно широко распространилась в дворянской среде в конце XVIII — начале XIX в., вызвав к жизни появление довольно значительных по количественному составу трупп из числа крепостных певцов, актеров, музыкантов. Для руководства ими приглашались профессионалы. Например, в крепостном театре в с. Романово на Волыни в качестве режиссера работал итальянец Замбони, впоследствии один из первых антрепренеров одесского оперного театра. Под его режиссурой в Романово ставились произведения отечественных и зарубежных авторов, в частности опера Россини «Дон-Жуан». Хозяин труппы помещик Ильицкий, имевший хор из 30 певцов и оркестр из 120 музыкантов, договорился о посылке группы мальчиков в Рим для получения музыкального образования. Репертуар крепостных театров включал также итальянские балетные спектакли. Существовавший в начале столетия на Черниговщине театр помещика Ширая поставил балет композитора Морелли «Венера и Адонис»⁴¹.

Периодически к творчеству итальянских маэстро обращались вольные антрепренерские русско-украинско-польские драматические труппы, странствовавшие по городам Украины. Так, актеры под руководством Лепкавского в первой четверти XIX в. ставили оперу «Севильский цирюльник» Россини⁴². В 30—40-е годы в популяризацию ее внесли свою лепту драматические труппы Млотковского и Шмидтгофа. В Харькове труппа Млотковского с участием Майеровой, Бобровой, Безматного и других собственными силами поставила «Сомнамбулу» Беллини⁴³. В репертуаре труппы Шмидтгофа одно из центральных мест занимал «Севильский цирюльник». Опера пользовалась неизменным успехом у зрителей благодаря замечательной музыке и незаурядным вокальным и драматическим данным отдельных артистов.

Так, в 1846 г. житомирские театралы высоко оценили исполнительское мастерство Эввы Шмидтгоф и Ярошевича⁴⁴. Что же касается хоров, то они обыкновенно подбирались из певчих тех городов, где выступали труппы, как это было, в частности, в Киеве.

Вольные антрепренерские труппы выступали с итальянскими оперными произведениями не только в губернских центрах, но и в небольших городках, во время ярмарок, собиравших значительные массы народа из прилегающих населенных пунктов. Зрителем одного из таких представлений, данного труппой Шмидтгофа в августе 1845 г. в Лубнах, стал украинский писатель Евгений Гребенка, пославший свой отзыв в журнал «Иллюстрация». В «Севильском цирюльнике» музыканты, писал он, играли при свете стеариновых свечей «ровно, чисто и приятно». Главную партию Фигаро пел артист Новогоньский. «Лубенская публика... показала, что она сочувствует прекрасному — вызовам конца не было»⁴⁵.

В те же годы организованные в Киеве, Харькове, ряде других городов постоянные театры предлагали своим посетителям наряду с драматическими произведениями музыкальные спектакли. В связи с этим, например, в библиотеке Киевского постоянного театра собирались сочинения композиторов разных стран, в том числе Италии.

О степени популярности итальянской музыки свидетельствовали программы любительских концертов, устраивавшихся в разных городах. Жители Харькова в 20-х годах слушали произведения Россини в исполнении студентов университета, музыкальное образование которых было поставлено на высоком профессиональном уровне⁴⁶. Репертуар любительских представлений отражал стойкий интерес их участников и публики к творчеству итальянских композиторов. Так, в городские концерты в Полтаве в 1847 и 1849 гг. включали арии из «Нормы» Беллини, «Лючия ди Ламмермур» Доницетти, «Ломбардцев» Верди и др.⁴⁷ В Чернигове на открывшихся в марте 1850 г. «семейных музыкальных вечерах» любители исполняли отрывки из «Сороки-воровки», «Семирамиды» Россини и других опер⁴⁸.

В летописи международных культурных связей особое место принадлежит одесскому театру, открытие которого совпало с началом деятельности в нем стационарной итальянской оперной труппы. Появление ее отражало характерную тенденцию в музыкальной культуре различных стран — широкое распространение итальянской оперы. В Одессе, переживавшей период бурного экономического роста, уже через несколько лет после основания были выделены средства на постройку театрального здания, проект которого составил

Фраполи. Пока шло строительство, завершившееся в 1809 г., спектакли давались в одном из временно приспособленных частных домов. По своей архитектуре сооруженный театр представлял одну из наиболее красивых городских построек, имел вместительный трехъярусный зрительный зал с хорошей акустикой, что неизменно отмечали современники ⁴⁹.

С 1812 г. в новом помещении, наряду со спектаклями отечественных театральных коллективов, раз в неделю шли представления итальянской оперной труппы. Закреплению оперы в Одессе способствовало то, что ее содержание субсидировалось из доходов города. В 1826 г. на нужды театра ассигновывалось 48 тыс. руб. ⁵⁰ Впоследствии эта сумма несколько раз увеличивалась. Таким образом обеспечивалась возможность привлечения многих талантливых артистов, составивших славу не только самого театра, но и исполнительского оперного искусства страны. Среди страстных поклонников итальянской оперы был Пушкин, неоднократно бывавший в одесском театре. Даже в канун своего вынужденного отъезда в ссылку в Михайловское 30 июля 1824 г. поэт не забыл проститься с театром, в последний раз слушая здесь оперу «Турок в Италии». Позже в своем творчестве поэт не раз обращался к воспоминаниям о замечательном очаге культуры на юге страны. Образ одесского театра запечатлен в «Евгении Онегине»:

Но уж темнеет вечер сипий.
Пора нам в оперу скорей:
Там упоительный Россини,
Европы баловень — Орфей ⁵¹.

На протяжении десятилетий театр знакомил жителей и гостей города с творениями зарубежных оперных маэстро. Россини был первым, чье творчество быстро и надолго завоевало популярность. В Одессе регулярно звучали многие его произведения — «Севильский цирюльник», «Семипрамида», «Золушка» (ставилась под названием «Ченерентола»), «Итальянка в Алжире», «Танкред», «Сорока-воровка», «Отелло»...

Вслед за Россини в репертуар театра широко входят произведения таких выдающихся представителей итальянской оперной культуры, как Доницетти («Паризина», «Безумный на острове Сан-Доминго», «Лючия ди Ламмермур», «Любовный напиток», «Велизарий», «Анна Болейн» и др.) и Беллини («Торквато Тассо», «Чужестранка», «Сомнамбула», «Капулетти и Монтеки», «Норма», «Беатриче ди Тенда» и др.). В 20-е годы здесь начинают свою сценическую жизнь оперы Морлакки, Меркаданте, Кочча, Павези, Паизелло, Джеперали, Пачини.

Каждый сезон на одесской сцене появлялись 3—6 новых опер. Об интенсивной деятельности итальянской труппы говорят данные сезона с 23 марта 1839 по 28 февраля 1840 г. За это время было дано 144 представления. Среди них 48 раз звучали оперы Беллини, 43 — Доницетти, 29 — Россини, 10 — Риччи⁵².

С одесским театром связано начало знакомства здешних зрителей с творчеством молодого Верди. Постановка его опер совпала с периодом, когда в самой Италии, как и в других странах, поднималась новая мощная волна антифеодалного и антимонархического движения, вылившаяся в революцию 1848—1849 гг. Социальная направленность проблематики, умение выделить героическое начало в человеческом деянии, нашедшие воплощение в высокохудожественной форме, обусловили широкий интерес к творчеству «маэстро итальянской революции»⁵³.

Обращенное к патриотическим чувствам народных масс Италии, творчество Верди в то же время получало небывалый резонанс в других странах, также находившихся под пятой угнетения и деспотизма. Заслуга одесского театра состояла в том, что он один из первых в России начал популяризацию произведений Верди, разоблачавших преступления аристократии и утверждавших право народа на свободу. Его первая в Одессе опера «Ломбардцы в крестовом походе» (шла под названием «Ломбардцы») была показана в апреле 1845 г., вызвав глубокий общественный резонанс. В следующем сезоне состоялась еще одна премьера — «Эрнани»⁵⁴. В преддверии европейской революции исполнение этой героической оперы сопровождалось небывалым воодушевлением зрителей. По свидетельству очевидцев, публика пришла в «неописуемый восторг, крикам и аплодисментам не было конца»⁵⁵. Тогда же итальянские артисты стали выступать с произведениями Верди и в других залах города. В январе 1849 г. в помещении биржи с участием ветерана одесской сцены Джузеппе Марини был дан концерт, программа которого включала четыре отрывка из «Макбета» и «Двух Фоскари»⁵⁶ — опер, которые в самой Италии вызывали огромный патриотический подъем и бурные манифестации. Газета «Одесский вестник» ставила молодого композитора в один ряд с Россини и другими маститыми маэстро, добавляя, что «многие произведения итальянской школы у нас известны всем наизусть от первой ноты до последней»⁵⁷. Характерно, что отзывы одесских рецензентов об операх Верди не ограничивались сугубо искусствоведческими суждениями, как это обычно практиковалось. Говоря, например, о «Луизе Миллер», один из них попытался подчеркнуть связь оперы с со-

циальной действительностью. В финальной партии главной героини, писал он, «есть несколько раз повторяемые ноты с постепенным возвышением, точно однообразная жалобная мольба бедняка о насущном хлебе»⁵⁸.

Широкому интересу к вердиевской музыке способствовали глубокое проникновение исполнителей в ее идейное содержание, умение передать героико-призывный пафос произведений. В числе тех, кто выступал в Одессе активным пропагандистом творчества Верди, были свидетели и участники революционных событий на Апеннинах, во время которых его произведения воспринимались патриотами как набатный призыв к борьбе за освобождение родины от монархического абсолютизма и австрийской оккупации. Приехавшая в Россию после подавления революции в Италии певица Аделаида Басседжо посвятила свои выступления исключительно операм Верди, что с пониманием и одобрением было встречено в городе. «Она поет только в операх Верди», — констатировал рецензент «Одесского вестника». Сравнивая мастерство предшественниц по исполнению первых ролей в театре, газета писала: «Мы не помним, чтобы какая-нибудь из этих примадонн ограничивала свое амплуа одним композитором... Это говорит не против, а в пользу госпожи Басседжо». При характеристике ее искусства посетители театра отмечали способность певицы передать основной дух произведений Верди. Род ее игры, отмечали они, «патетический», героиня в исполнении Басседжо «не падает под гнетом несчастья, измены, разлуки»⁵⁹.

В связи с вердиевскими спектаклями в городе образовалась многочисленная группа поклонников таланта Басседжо. «Басседжисты», как их называли, устраивали овации, забрасывали сцену букетами цветов. «Ее дуэты с г-ном Виани производили самое сильное впечатление на публику», «сцены из Макбета» останутся надолго в памяти тех, кто слышал их хоть раз»⁶⁰ — в таких выражениях отзывались современники о неустомимой пропагандистке творчества Верди. Вместе с ней большой вклад в исполнение репертуара композитора в одесском и в других театрах разных стран внесла и другая итальянская певица — Тереза Брамбилла, воспитанница Миланской консерватории. Верди высоко ценил талант артистки и специально для нее при создании своего шедевра «Риголетто» написал партию Джильды⁶¹.

Заинтересованное отношение к итальянскому оперному искусству и к тем, кто его пропагандировал, было одной из характерных черт культурных связей общественности крупнейшего портового города на Черном море. «Одесский вестник», в частности, писал в 1850 г.: «Мы ценим вполне

и Беллини, и Доницетти, и Верди, не поднимаем против них гонения и всегда им рады»⁶².

Рассматривая одесский оперный театр как важный центр международного культурного сотрудничества, следует иметь в виду, что его посетителями была не только знать, но и представители низших сословий. Этому способствовали общедоступные цены на билеты. Вплоть до 1850 г. около трети партера не имело кресел, и это пространство, по свидетельству директора театра Л. Джервази, «обыкновенно наполнялось простолюдными»⁶³. Толпа, собиравшаяся за креслами, была многонациональной, здесь неизменно можно было увидеть рабочих, лавочников, художников. Те же, кто не в состоянии был купить билет, чтобы приобщиться к миру прекрасного, находили иной путь — приходили на репетиции. В реляциях дирекции, пытавшейся воспрепятствовать присутствию подобных зрителей, указывалось, что «во время репетиций частные лица, вовсе к театру не принадлежащие, насильным образом входят в театр»⁶⁴. Тяга трудового люда к произведениям мастеров итальянского искусства — одно из примечательных явлений в культурной мозаике города. Описывая в первом одесском альманахе жизнь в городе конца 30-х годов, профессор Ришельевского лицея К. Н. Зеленецкий замечал: «Здесь нередко из уст простолюдина вы слышите напев итальянской арии из какого-нибудь Россини или Доницетти»⁶⁵.

На протяжении многих сезонов одесскую сцену украшала плеяда одаренных итальянских певиц и певцов. Одной из первых звезд городского театра стала выделявшаяся своим замечательным голосом дочь антрепренера Густавина Замбони, о чем свидетельствовал напечатанный в 1814 г. в одесской типографии на итальянском языке сонет, посвященный певице. Его автором был Джироламо Пеццола⁶⁶. В начале 20-х годов огромным успехом пользовалась обладательница прекрасного сопрано Аделаида Арриги, которой первая одесская газета, издававшаяся на французском языке, посвящала гимны и акrostихи⁶⁷. В 20-х — начале 30-х годов лучшими исполнителями считались Дезиро, Молинели и особенно Морикони. В письме от 30 сентября 1827 г. воспитанник Киевской первой гимназии, подпоручик Вдовиченко, горячий поклонник вольнолюбивой пушкинской поэзии и близкий к декабристскому окружению, подвергнутый впоследствии многолетнему полицейскому надзору, писал из Одессы об опере «Ченерентола» («Золушка»): «Синьора Морикони, актриса, любимая публикою (до нельзя) пленяла нас перебивками звучного своего голоса... При первом появлении на сцену она слышит громкие рукоплескания»⁶⁸. С галерей

в зал бросали листки со стихами, сочиненными в ее честь. Составление стихотворных текстов, посвященных итальянским артистам, превратились в своеобразную театральную традицию. Похвал, запечатленных в поэтических строках, удостаивались певицы Полина Моптичелли, И. Сеччи-Корси и др. Характеризуя итальянскую оперную труппу конца 30-х годов, свидетель ее выступлений К. Зеленецкий отмечал, что она «отличается удивительным согласием голосов и стройностью состава. Трудно найти такого *primo basso cantante*, каков Марини, такого тенора, каков Джентили, наконец такого *basso genérico*, каков Берлендис. Примадонны наши Пастори, Контини, Патери могут с честью явиться на каком-угодно театре»⁶⁹.

Со своей стороны, итальянские артисты дорожили искренней поддержкой общественности и публично выражали добрые чувства к жителям и гостям города. Так, через местную прессу певицы Басседжо и Брамбилла «благодарили Одессу за внимание к ним», оказанное сразу по приезде из Италии⁷⁰. Выражением этих чувств явилось произведение, посвященное городу и его жителям — «Прощание с Одессой», слова и музыку которого написала Т. Брамбилла. Вместе со своей сестрой Джузеппиной, уезжавшей на родину, она исполнила его в местном театре в собственной аранжировке для оркестра⁷¹.

Наряду с подбором мастеров вокального искусства в театре большое значение придавали формированию состава оркестра. К руководству им привлекались опытные дирижеры и композиторы. В конце 30-х годов на работу дирижером в одесский театр был приглашен знаменитый Доницетти. Композитор дал согласие, но затем уступил предложенную одесскими должностями своему коллеге Л. Джервази⁷². Воспитанник Неаполитанской консерватории немало сделал для пополнения оркестра театра квалифицированными исполнителями, для популяризации итальянской музыкальной культуры на Украине.

Ведущие музыканты, как и вокалисты, пользовались вниманием публики. Им предоставлялось право на бенефисы. 9 февраля 1829 г., например, состоялось выступление «первого флейтиста» оркестра А. Ломбарди. Некоторые оркестранты демонстрировали собственные интерпретации сочинений знаменитых соотечественников. В частности, «новый первый кларнетист» Леонардо Филиппини выступал в антрактах со своими вариациями на мотивы оперы «Сарацны в Сицилии» Морлакки⁷³.

Состав оркестра подбирался из музыкантов, прошедших выучку в итальянских театрах. Упомянувшийся выше К. Зе-

ленецкий обращал внимание на то, что театральный оркестр в своем большинстве «состоит не из простых музыкантов, а из знатоков своего дела, из professori di musica, как выражаются здесь»⁷⁴. В хранящейся в Государственном архиве Рима реляция консула Папского государства в Одессе от 17 марта 1843 г. на имя главы казначейства кардинала Джустициани называются имена некоторых из них. Так, в 1841 г. в Одессу прибыл Джузеппе Замбони, «уроженец Болоньи, специалист игры на кларнете». «Тогда же он был зачислен в здешний императорский итальянский театр в качестве второго кларнетиста оркестра». В документе упоминается фамилия еще одного оркестранта, игравшего на габое, — Феделе Маньяльбо⁷⁵.

Широкой известностью в городах пользовались создаваемые на базе одесского театра отдельные труппы, отправлявшиеся в многомесячные поездки. Ограниченные возможности этих трупп, естественно, не позволяли исполнять в полном объеме большие и сложные оперы, — они нередко представлялись в сокращенных вариантах. Тем не менее благодаря выступлениям гастролеров любители театра в Киеве, Харькове, других городах могли впервые познакомиться со знаменитыми оперными произведениями в исполнении итальянских артистов. Например, труппа Виллы и Барбери весной 1847 г. поставила на харьковской сцене несколько итальянских опер⁷⁶. На протяжении года и трех месяцев (1848—1849 гг.) группа итальянских артистов гастролировала в Севастополе, дав 95 представлений двадцати опер Доницетти, Верди и других авторов. Большой успех здесь выпал, в частности, на долю ведущего баса Вика, во время бенефиса которого «театр был полон, не было ни одного пустого места»⁷⁷. В сезон 1850—1851 гг. в Севастополе снова выступала труппа итальянских артистов, показавшая 40 спектаклей⁷⁸.

Гастроли совершали и отдельные солисты одесского театра, приурочивая свои выступления, как правило, к ярмаркам. Вместе с тем они успешно дебютировали в петербургских и московских театрах. В октябре 1832 г., например, столичную публику покорила своим пением приехавшая из Одессы П. Монтичелли⁷⁹.

Следует заметить, что успехи гастролей определялись не только мастерством артистов, но и культурным кругозором местной публики. Так, рецензент петербургского журнала «Пантеон» указывал, что в Севастополе, где выступали итальянские артисты, много «образованных и опытных ценителей искусства», большинство которых составляют моряки, «знакомые со столичными сценами, а некоторые и с заграничными, особенно с театрами Венеции и Триеста»⁸⁰.

Наряду с итальянскими операми на одесской сцене шли спектакли в исполнении местных артистов, выступавших в пьесах русских, украинских, французских, немецких, английских драматургов. Это создавало определенные возможности для сближения деятелей культуры, расширения их творческих контактов. Уже первые шаги итальянской труппы в причерноморском городе были отмечены содружеством с украинскими музыкантами. В «письме из Одессы», датированном июлем 1817 г., газета «Русский инвалид» указывала, что здесь поочередно демонстрируют свое искусство отечественная труппа драматических артистов и итальянцы — оперные певцы в сопровождении лучшего местного оркестра помещика Куликовского⁸¹. Музыканты и хористы городов Украины, где гастролировали итальянские труппы, часто принимали участие в их спектаклях. В Севастополе в 1848—1849 гг. к оперным представлениям итальянской труппы привлекалась местная портовая капелла⁸². Такие совместные спектакли способствовали пробуждению интереса итальянских мастеров к культуре славянских народов, к участию в популяризации ее достижений. Дирижер Джервази одним из первых начал включать в репертуар своей труппы произведения композиторов России. В декабре 1850 г. на театральном празднестве в Одессе он руководил исполнением увертюры, написанной на темы оперы Глинки «Иван Сусанин» и русских песен⁸³.

Творческое взаимодействие артистов ярко проявлялось в совместных концертах. Так, 20 августа 1840 г. в Харькове прибывшая из одесского театра певица Пастори участвовала в подобном представлении, исполнив отрывки из «Севильского цирюльника» и «Нормы». 25 сентября того же года она выступила в концерте, сбор от которого шел в пользу жителей города, пострадавших от пожара⁸⁴. Общие концерты практиковались и во время киевских контрактов. 6 февраля 1843 г. в большой зрелищной программе прозвучали отрывки из опер Доницетти, Пачини и других в исполнении солиста одесского театра Массимо Грациани, его брата Модеста, французского скрипача Юлия Гиса. Здесь же был представлен одноактный водевиль с участием одного из лучших комедийных артистов И. Л. Мочалова⁸⁵, дальнего родственника знаменитого трагика. В Одессе же во время совместных концертов исполнялись итальянские оперные арии, русские водевили, казацкие танцы. Среди участников этих представлений были Басседжо, Брамбилла, а также Бочепкова, Тессье, Левкеева, Медведева, Лебедев, Воробьев и др.⁸⁶

О том, что одесский театр занял важное место в международном культурном обмене, свидетельствовало внимание

к его деятельности журналов и газет Петербурга, Москвы, Харькова, не говоря уже о прессе Одессы, где, например, первый музыкальный журнал «Одесский трубадур», издававшийся на французском языке (основан в 1822 г.), помимо обычных откликов на спектакли, публиковал тексты арий из итальянских опер.

Вместе с тем об одесском театре уже в начале 20-х годов знали и за пределами страны. В отзыве одного из немецких журналов, перепечатанном в «Вестнике Европы» в 1824 г., рассказывалось, что одесская опера «имеет таких актеров, которые смело могут явиться на всяком театре Европы», ее репертуар состоит из большого количества произведений, «и Россини в Одессе, как и везде, есть любимец публики»⁸⁷.

На события театральной жизни в Одессе также откликнулись в Милане, Болонье, Неаполе, Флоренции и других центрах итальянской культуры. Н. С. Всеволожский, посетивший в конце 30-х годов юг Украины и затем средиземноморские страны, писал, в частности, о талантливом певце Марини, о котором в Италии сожалели, что не имеют возможности насладиться его пением, ибо он уехал в Одессу⁸⁸.

С музыкальной жизнью Одессы итальянские читатели знакомились по сообщениям местной прессы, которые, однако, не носили характера систематических публикаций. В этом сказывалось то, что в государствах Апеннинского полуострова долгое время не было ни одного музыкального периодического издания. Лишь в 1842 г. по инициативе известного нотного издателя Рикорди стал выходить, да и то с перерывами, еженедельник — «Гадзетта музикале ди Милапо»⁸⁹. Его появление внесло определенное оживление в деятельность общественности по преодолению барьеров, сооруженных монархическими правителями в Италии на пути культурного сотрудничества с заграницей. Это издание одним из первых обратилось к одесской тематике, показав хороший пример другим театральпо-литературным журналам страны. Их публикации, представляющие одну из неизученных страниц культурных связей народов Италии и России, требуют специального исследования. Здесь приводим лишь некоторые фрагменты, извлеченные нами из собранных в итальянских хранилищах подшивок болонского журнала по вопросам искусства и литературы. Это — статьи и корреспонденции, посвященные в целом очередному обновлению состава итальянской труппы в Одессе в 1851 г.

Первое небольшое сообщение было напечатано под рубрикой «Краткое изложение известий» со ссылкой на миланскую театральную газету, где рассказывалось об открытии сезона в одесском театре — постановке опер «Лючия», «Эр-

пани», «Мария ди Роган» и исполнительском искусстве новых певцов и певиц. Говоря, например, о теноре Пеллигрини, журнал отмечал, что артист «не оправдал надежд, возлагавшихся на него». Зато, упоминая о Брамбилле, Басседжо, он подчеркивал, что в Одессе «о них отзываются хорошо»⁹⁰. Следующая заметка из Одессы, подписанная инициалом «F», сообщала о постановке «Нормы» и «первом появлении превосходной певицы Терезины Брамбиллы», участие которой содействовало созданию «весьма удачного спектакля». Выступления исполнительницы главной роли и ее партнеров «вызвали аплодисменты и всеобщее искреннее одобрение»⁹¹. В помещенной через несколько дней большой статье содержался подробный рассказ о Т. Брамбилле. Отмечалось, что в 1845 г. она выступала в итальянском оперном театре в Париже, а ныне на одесской сцене кроме нее поют сестры Джузеппина и Аделаида⁹². Другая статья под названием «Синьора Брамбилла в Одессе», составленная на основе текста франкоязычной газеты «Journal d'Odessa» была посвящена постановке на одесской сцене произведения Верди — оперы «Луиза Миллер». Указывая на трудности исполнения партий, журнал подчеркивал, что Т. Брамбилла «преодолела их с высоким талантом, присущим ей»⁹³. Одновременно к сведению импресарио печатались заметки о перемещениях артистов. Так, в июне сообщалось, что возвратившийся из Одессы баритон Лодовико Бути отправился в Болонью. В сентябре журнал оповещал, что «превосходнейшая артистка Евгения Д'Альберти, находящаяся в Милане после возвращения из Одессы, свободна в ближайший сезон»⁹⁴. В таком же духе говорилось об «учителе игры на фаготе» Надзарено Гатти, который согласно контракту завершил службу в одесском театре и отправился в Болонью⁹⁵. Как видно даже из этих кратких заметок, выступления на одесской сцене расценивались в Италии как апробация мастерства итальянских артистов для их дальнейшей карьеры.

Заняв важное место в оперном искусстве, одесский театр стал центром притяжения для многих артистов и музыкантов. Попытать счастья в городе на Черном море неизменно стремились многие деятели итальянского искусства, приезжавшие в Россию. Об их маршрутах при пересечении границы повествуют сохранившиеся документы таможен. Например, 10 марта 1833 г. «римский подданный, музыкант Людвик Тонини» проследовал из-за границы через Исаковскую пограничную таможню (Подольская губерния) «в город Одессу по своему занятию»⁹⁶. 26 марта 1836 г. туда же через Радзивиловскую таможню проехал «тосканский подданный профессор музыки Джованни Буффер... по своему

занятию», получивший вскоре должность дирижера в театре. В том же году в Одессу направились «миланский житель Иосиф Патери с женою Терезиею и дочерью Каролиною... для определения в тамошний театр»⁹⁷.

Как свидетельствуют эти и многие другие документы, усилиями итальянских, русских, украинских, польских трупп и отдельных артистов оперное искусство выдающихся композиторов Италии в первой половине столетия стало широко известным на Украине, что содействовало повышению общественного интереса к театру и в конечном счете — к культуре итальянского народа, укреплению интернациональных традиций в музыкальном искусстве.

Первая половина XIX века была периодом налаживания и расширения международных связей в области музыкальной культуры не только в самой России, но и в Италии. В центры культуры на Апеннинах издавна устремлялись из разных стран деятели искусства для совершенствования своего мастерства. В этом отношении Россия не была исключением. Поездки талантливейшей молодежи в Италию имели глубокие традиции, и хотя в эпоху, наступившую после разгрома восстания декабристов, эти связи подвергались самодержавием особо строгим ограничениям, зарубежные командировки художественной интеллигенции не прекращались. В частности, в Италию направляла молодых певцов придворная певческая капелла, в составе которой было немало выходцев с Украины. В числе проявивших музыкальные способности сюда был принят сын украинского крестьянина из с. Воронеж (ныне поселок Шосткинского района на Сумщине) Николай Иванов. Основы музыкального образования он прошел под руководством композитора Бортнянского, а вокального — у Глинки, указавшего Иванову на необходимость дальнейшего углубленного изучения исполнительского искусства. 15 марта 1830 г. в своем прошении на имя директора капеллы молодой певец писал, что «с малых лет» посвятил себя музыке, и недостаток познаний вынуждает его просить «позволения ехать для образования себя в Италию». Далее он добавлял: «известный... своим талантом и познаниями любитель музыки г. Глинка отправляется в мае месяце сего года в Италию и предлагает мне свое товарищество, которое для достижения моей цели будет весьма полезно»⁹⁸.

Совместное путешествие Иванова и Глинки длилось несколько месяцев, в течение которых композитор постоянно оказывал певцу помощь, в частности, в овладении итальянским языком. Прибыв в Италию, они сначала остановились в Милане, где первым учителем пения Иванова стал Элио-

доро Бианки. «Он испробовал меня,— сообщал на родину в письме от 3 ноября 1830 г. Иванов,— и, как кажется, остался доволен моим голосом и познаниями в музыке». Бианки определил, что его ученик обладает голосом особого качества — *voce di gola* (горловой голос), который «с недавнего времени,— рассказывал Николай Иванов в письме от 13 января 1831 г.,— уважается в Италии и знаменитый певец Рубини употребляет его необыкновенно удачно. Учитель мой, найдя сходство моего голоса с Рубини, заставлял меня учить музыку, написанную для сего певца»⁹⁹. Кроме занятий Бианки рекомендовал ходить на спектакли с участием «первых артистов Италии», приехавших в Милан на сезон карнавала.

Иванов вместе с Глинкой, как вспоминал композитор в своих «Записках», посещали небольшой театр «Каркано», где выступали Рубини и Паста, «а как *maestro* участвовали Беллини и Доницетти... После каждой оперы, возвратясь домой, мы подбирали звуки, чтобы вспомнить слышанные любимые места... Иванов довольно удачно пел арии... Я аккомпанировал ему на фортепиано...»¹⁰⁰.

В конце сентября 1831 г. Иванов отправился в Неаполь, чтобы продолжить свои занятия, на этот раз под руководством известного тенора Андреа Нодзари, учеником которого был Рубини. Новый учитель высказался о необходимости практики непосредственно на театральной сцене для окончательного формирования оперного голоса. Для таких выступлений требовалось заключить театральный контракт, который и был подписан с импресарио крупнейшего в Европе — неаполитанского театра Сан-Карло на период с 20 (8) июня по 9 сентября (28 августа) 1832 г.¹⁰¹ Следует отметить, что еще за несколько месяцев до этого интерес к молодому певцу проявил Доницетти, работавший тогда в Неаполе. В письме от 23 февраля того же года к З. А. Волконской, салон которой был центром российско-итальянских культурных контактов в Риме, Глинка обещал при встрече прокомментировать мнение знаменитого композитора о Николае Иванове¹⁰².

Дебют неизвестного итальянской публике иностранца в опере «Анна Болейн» стал событием в театральной жизни страны. В статье, посвященной представлению, сотрудник болонского журнала «Театри, арти э letteratura», отмечая превосходные вокальные данные дебютанта, поставил его вровень с лучшими певцами Италии. Иванов, констатировал он, «удивил своим восхитительно чистым и звонким голосом». В конце первого действия зрители вызвали на авансцену молодого певца и других основных участников спектакля —

Лупджи Лаблаша и певицу Де Бенъш, к которым присоединился и сам создатель оперы — Гаэтано Доницетти¹⁰³. Напечатанная в болонском журнале статья была первым публичным признанием таланта Иванова итальянским театральным искусством.

Успех его выступлений в Сан-Карло побудил дирекцию театра заключить с Ивановым новый контракт до июня 1833 г. Редкостный голос и неутомимая работоспособность открыли певцу дорогу в одну из лучших итальянских трупп — парижскую, где блистали такие знаменитости, как Рубини, Гризи, Тамбурини и др. Он выступал в характерной для тогдашнего периода атмосфере обостренного внимания демократических кругов к искусству как средству выражения патриотических, свободолюбивых идей. Активным поборником новых взглядов на театр явился глава итальянских республиканцев Дж. Мадзини. Именно в те годы он сформулировал свою концепцию об ответственности искусства перед обществом, опираясь на анализ современной оперной музыки и выступлений ее исполнителей из парижской итальянской труппы. В пространном исследовании «Философия музыки»¹⁰⁴, опубликованном в трех номерах эмигрантского журнала «Итальяно» за 1836 г. (июнь—август), Мадзини ратовал за возрождение музыки, как и других видов искусства, на основе тесной связи с насущными задачами общественного развития. Музыку, писал он, следует сделать «социальной, слить в одно целое с прогрессивным движением вселенной». Соответственно итальянский революционер делал акцент на исторической тематике в искусстве: «историческое начало должно быть не только новым и бесконечно разнообразным источником музыкального вдохновения, но и существенной основой всякого опыта перестройки драмы». Эти мысли автор иллюстрировал рассмотрением творчества своих соотечественников. «Мне кажется,— отмечал он,— что среди предвосхищенной музыки будущего, которое можно обнаружить у Россини, надо поставить несколько новейших историй музыкальных мотивов, особенно в «Семирамиде» и «Вильгельме Телле»... Я мог бы найти нечто подобное в творениях Доницетти, особенно в «Марино Фальеро». «Историческая истина» этой оперы (написанной на сюжет из жизни средневековой Венеции и осуждавшей деспотизм патрициев), утверждал Мадзини, стала «источником высокого вдохновения».

Раскрывая социальное значение оперы и характеризуя ее исполнителей, Мадзини назвал Николая Иванова в числе певцов, чье искусство созвучно целям борьбы против феодально-монархического гнета. В системе художественных

средств спектакля, способствовавших разоблачению «венецианской тирании», он отдал первенство «романсу гондольера (представителя народных низов.— Н. В.), прозвучавшего в увертюре и исполненного с особенной нежностью Ивановым»¹⁰⁵. В философско-эстетическом исследовании итальянского революционера, таким образом, подчеркивалась роль ученика Глинки в борьбе за превращение театра в трибуну пропаганды прогрессивных воззрений на злободневные проблемы современности.

Постановки многих опер Россини, Доницетти, Беллини, Верди в Италии, несмотря на предпринимаемые властями меры, выливались в политические манифестации против абсолютизма и иностранной оккупации страны. Эту особенность итальянского театра чутко улавливали представители передовой России, посещая Апеннины. «Театр в Италии,— писал в 1841 г. в «Отечественных записках» П. В. Анненков,— решительно есть политическая мера, как газета в остальной Европе»¹⁰⁶. Характерно, что к этому выводу он пришел, побывав в венецианском театре «Феличе» на спектакле, где выступал Николай Иванов.

Итальянские композиторы стремились учитывать особенности голоса певца при создании своих новых произведений. Верди, например, писал партии, специально рассчитанные на исполнение знаменитым солистом. Как сообщал, в частности, Россини в письме к Верди, новая каватина, исполненная Ивановым, содействовала успеху оперы «Двое Фоскари»¹⁰⁷, провозглашавшей, как известно, идею героической борьбы.

Выступления Николая Иванова сделали его имя широко известным в Италии. Автор письма из Италии, подписавшийся инициалом «В», в петербургском театральном журнале в 1840 г. рассказывал о дебюте певца в Болонье в опере «Лючия», где вместе с ним выступала примадонна местного театра Фреццолини. «В Форми, в Римини и во всех городах папских владений, через которые мы проезжали,— говорилось в письме,— рисовались на стенах кофейных домов огромные афиши» с объявлением о предстоящих выступлениях Иванова. «Его имя известно во всей Италии»,— резюмировал путешественник. В итальянском периодическом издании «Джорнале деи театри» тогда же была опубликована статья. «Восторг, с каким каждый вечер принимают на болонском театре «Лючию»,— рассказывалось в ней,— возрастает до невероятности. Фреццолини и Иванов доставляют нам наслаждение... Театр вечно полон, иностранцы сбегаются со всех сторон послушать этих удивительных артистов»¹⁰⁸. Кроме Болоньи с искусством артиста многократно познакомились жи-

тели Рима, Милана, Турина, Лукки, других городов. В 1842 г. театральная общественность Европы называла Иванова в числе первых среди наиболее замечательных певцов на итальянской оперной сцене ¹⁰⁹.

Выступая на зарубежной сцене, певец не ограничивался сугубо итальянским репертуаром. Уже с первых месяцев своего пребывания на Апеннинах он стремился знакомить местных любителей искусства с культурой народов родной страны. Как вспоминал французский композитор и дирижер Г. Берлиоз, в 1831 г. в Риме состоялся вечер деятелей искусства, где было исполнено несколько романсов Глинки, «восхитительно пропетых Ивановым» ¹¹⁰.

Оперная деятельность Николая Иванова высоко оценивалась итальянской печатью. О спектаклях с его участием восторженно отзывались также газеты и журналы России, Франции, Австрии, других стран. В начальный период деятельности Иванова в Италии его выступления организовывал один из ведущих импресарио страны Алессандро Ланари, по заказу которого создали ряд своих произведений Беллини, Доницетти, Верди, Пачини и др. В одном из сохранившихся писем на итальянском языке Иванов сообщал, в частности, об участии в антрепризах Ланари в Анконе и Фаэнце ¹¹¹.

В период революционных событий 1848—1849 гг. рецензии на спектакли с участием Иванова наполнялись рефлексиями откровенно политического характера. Так, выступление Гадзаниги и Иванова в оперном театре Турина послужило поводом местным демократам для того, чтобы разговор об искусстве превратить в обвинение против феодальной аристократии, начавшей жонглировать в те дни популярными среди народных масс лозунгами. «Слово «демократия», — писали они в своей газете «Конкордиа», — стало модой... Наиболее отъявленные реакционеры, чтобы добиться признания своим идеям, вынуждены прикрывать их словами о свободе, демократии» ¹¹².

Выступления артиста оставили глубокий след в культурном наследии. В 1873 г., призывая к возрождению лучших традиций прошлого, П. И. Чайковский напоминал о «блестящем времени вокального искусства», когда появились Паста, Рубини, Тамбурины, Иванов и другие мастера оперной сцены. «Светила певческого искусства» — так характеризовал их великий композитор ¹¹³.

Глинка, всегда бережно относившийся к молодым талантам, сыграл решающую роль в судьбе еще одного певца, занявшего почетное место в истории музыки, становлении украинской оперы, — С. С. Гулак-Артемовского. Композитор

не жалел сил и времени для формирования исполнительских навыков молодого артиста. В письме от 21 июля 1839 г. к своему дяде, профессору Харьковского университета поэту П. П. Гулаку-Артемовскому, сам певец подчеркивал, что «музыке учился у Михайла Ивановича г. Глинки»¹¹⁴. Великий русский композитор, глубоко понимавший важность изучения лучшего зарубежного опыта для обогащения отечественной культуры, был среди тех, кто оказал содействие в сборе средств для поездки за границу бывшего воспитанника киевской семинарии.

Сначала молодой артист направился в Париж, а оттуда в Италию. Учеба и работа здесь явилась новым периодом в его творческой биографии. Однако, как справедливо указывается в литературе, «о пребывании Гулака-Артемовского за границей мы имеем очень мало сведений и документальных материалов»¹¹⁵. Основным источником до последнего времени служили некоторые письма находившегося вместе с ним в Париже и Флоренции молодого тенора П. М. Михайлова-Остроумова, также ученика Глинки. Приезд Гулака-Артемовского в Париж Михайлов-Остроумов зафиксировал в письме от 18 августа 1839 г. К этому времени его автор брал уроки у итальянского композитора и дирижера, воспитанника миланской Ла Скалы Джулио Алари, который согласился заниматься и с Гулаком-Артемовским, — «прослушал его в первый же день, нашел, что он имеет прекраснейший голос»¹¹⁶.

В начале октября 1839 г. молодые люди уже находились во Флоренции, куда был ангажирован писать оперу для местного театра Дж. Алари. Пребывание в новом месте было заполнено занятиями, а также знакомством с мастерством выступавших на сцене «первого баритона всей Италии» Ронкони, примадонны Унгер, Николая Иванова, пение которого производило «здесь фурор». В письмах из Флоренции Михайлов-Остроумов отмечал, что голос Гулака-Артемовского «сделался еще лучше и сильнее». «Надеюсь, — писал он, — что Артемовский со временем превзойдет всех басов итальянских; особенно его прекрасному голосу нет соперников. Употребим все усилия, чтоб исполнить ожидания наших соотечественников». В столице Тосканы друзья одновременно овладевали искусством декламации, обучать которой их согласился бесплатно, «только из любви к этому искусству» театральный педагог, занимавший должность секретаря военного министра. «Он очень доволен нашими успехами, — сообщал 30 апреля 1840 г. Михайлов-Остроумов, — говорит, что мы можем быть не только хорошими певцами, но и хорошими актерами»¹¹⁷.

Вскоре, в связи с отъездом Аларн из города, артисты договорились заниматься вокальным искусством с опытным педагогом, композитором Пьетро Романи. Он был автором ряда опер и одновременно возглавлял оркестр во флорентийском театре Пергола, где руководил первой (1817 г.) постановкой «Золушки» Россини¹¹⁸. Работа под руководством Романи оказалась весьма плодотворной. Встретивший артистов проездом во Флоренции художник Штернберг в письме на родину 16(4) октября 1840 г. сообщал, что они «сделали здесь большой успех, это будет подарок для нашей сцены»¹¹⁹. Посланцы Глинки настолько овладели искусством оперного пения, что могли смело перейти к выступлениям на большой сцене. Однако это удалось лишь одному Гулаку-Артемовскому с помощью Романи.

Обнаруженные нами в Государственном архиве Флоренции и других итальянских хранилищах неизвестные документы и материалы дают возможность расширить представление об этой стороне деятельности Гулака-Артемовского и одновременно внести уточнения в существующие литературные суждения, а главное, раскрыть большой общественный смысл публичных выступлений певца во Флоренции¹²⁰.

Официальное делопроизводство Тосканского герцогства, хранящееся в архиве Флоренции, во-первых, дает ответ на вопрос о том, в каком театре выступал Гулак-Артемовский. Ведь в городе в 1840—1841 гг., как видно из официальных объявлений местной газеты, функционировали восемь театров — Пергола, Метастазин, Кокомеро и др. Их сцены предоставлялись как музыкальным, так и драматическим труппам, а также отдельным гастролерам, в частности фокусникам. Из выявленных документов видно, что артист установил контакты с импресарио Ланари через его посредника, получившего право на использование театра Леопольдо. «Список певческой труппы» в этом театре, составленный в первых числах июня 1841 г. уполномоченным Ланари, содержал фамилии семи ведущих артистов и артисток, среди которых значился «синьор Симеоне Артемовский — первый бас». Далее говорилось, что в труппе 18 хористов и хористок (их фамилии не назывались). Что же касается репертуара, то указывались две оперы — «Лючия ди Ламмермур» и «Браво». Если относительно первой составитель списка считал достаточным ограничиться ее названием как о весьма известной и часто исполняемой на сцене, то по поводу второго произведения объяснялось, что его автор — «маэстро Марлиани», сама же опера является «новой для Италии»¹²¹.

В другом документе — официальном заявлении, подписанном представителем антрепризы, говорилось, что «Алес-

сандро Ланари, театральный подрядчик», получил от Лукерини — владельца театра Леопольдо разрешение на использование помещения «в предстоящем летнем сезоне для проведения музыкальных спектаклей с участием выдающихся исполнителей, среди которых находится тенор Джакомо Роппа»¹²². Последний действительно пользовался популярностью в городе, о чем свидетельствовали восторженные оценки его пения в местной газете. О нем знали и любители искусства в России. В 1842 г. петербургский театральный журнал называл его имя в числе имен «наиболее замечательных ныне певцов и певиц на итальянских театрах»¹²³. Тот факт, что молодой Гулак-Артемовский был включен наряду с Роппой и другими опытными итальянскими певцами в состав труппы сразу на должность «первого баса» (в труппе значилась должность еще одного баса, которую занимал Доменико Раффаэлли), свидетельствовало о высоком признании итальянскими знатоками вокальных данных и степени мастерства ученика Глинки. Согласно архивным сведениям, в начале июня Семен Степанович находился в составе труппы. Но формирование ее началось значительно раньше, подтверждением чего является «Объявление», напечатанное в «Гадзетта ди Фиренце» 10 апреля. Оно извещало, что в июле в театре Леопольдо импресарио Ланари откроет сезон «большим представлением музыкальной оперы-серии с участием избранной группы артистов»¹²⁴.

Официальное же разрешение на выступления труппы поступило позже. Оно появилось после полицейских проверок, введенных правителем Тосканы с целью надзора за культурной жизнью. Из документов явствует, что письменное прошение представителя антрепризы и список исполнителей главных ролей были посланы сначала в комиссариат (полицейское управление) городского района Санта Кроче, на территории которого находился театр, а оттуда в королевский комиссариат Флоренции. В донесении комиссариата Санта Кроче отмечалось, что «почти все» перечисленные в списке лица «много раз выступали в театрах здешней столицы»¹²⁵.

Репетиции и представления, в которых участвовал Гулак-Артемовский, проходили в театре, являвшемся в ту пору самым молодым в городе (открылся 12 апреля 1841 г.). Появление нового зрелищного предприятия, созданного по проекту архитектора Витторио Беллини, было отмечено как большое событие в культурной жизни Тосканы. В пространной статье «О новом театре Леопольдо», напечатанной во флорентийской газете, сообщалось, что он имеет большой многоярусный зал, хорошо оборудованную сцену, различные живописные и скульптурные украшения¹²⁶.

«Первый бас» был занят во всех операх, готовившихся к сезону. Их оказалось три. Две из них назывались выше. Афиша, которую нам удалось разыскать в фондах того же флорентийского архива, рекламировала также два произведения: помимо названного «Браво» оперу «Беатриче ди Тенда»¹²⁷. Сезон был открыт 25 июля 1841 г. Именно этот день следует считать дебютом Гулака-Артемовского на большой флорентийской сцене. Накануне «Гадзетта ди Фиренце» напечатала заметку «Императорский и королевский театр Леопольдо», где впервые в итальянской печати упоминается фамилия Гулака-Артемовского. «Вечером в предстоящее воскресенье, 25 числа, — говорилось в ней, — без каких-либо непредвиденных случайностей на сцене вышеназванного императорского и королевского театра пойдет первая опера сезона «Беатриче ди Тенда» синьора маэстро кав. Винченцо Беллини. В ней выступают, помимо исполнителей других партий, примадонна синьора Кьяра Бартолини, тенор синьор Джакомо Роппа, вторая донна синьора Риччи-Пуччини и бас синьор Семен Артемовский»¹²⁸. Кроме того, в изданной к сезону афише перечислялся полный состав участников спектаклей, и среди них названы Гулак-Артемовский — в качестве исполнителя главных ролей и его учитель — П. Романи, «композитор и оперный дирижер».

В отличие от других импресарио хозяин антрепризы Ланари большое значение в спектаклях придавал декорациям и костюмам, не скупясь на расходы. В то же время он применял жесткую систему расчетов с артистами. Флорентийские источники неизменно подчеркивают характерную деталь: антрепренер обещает зрителям, что их интересы будут соблюдены при любых обстоятельствах. Артистов вынуждали выступать даже в случае болезни. Подобное произошло с молодым дебютантом — «первым басом», у которого началось воспаление горла. О его болезни упоминается в документах, составленных в канцеляриях Тосканского герцогства в связи с делами относительно получения разрешения на бенефисы. В прошении Гулака-Артемовского на имя герцога отмечалось, что «проведение одного вечера полностью в его пользу обусловлено контрактом»¹²⁹.

По установленной полицейско-бюрократической процедуре его заявление было направлено в комиссариат Санта Кроче на заключение. Взяв на себя роль «театроведов», чиновники в полицейских мундирах отрицательно отнеслись к возможности бенефиса, «поскольку речь идет о дебютанте». Для усиления этого «аргумента» они вспомнили, что во время выступлений в первых спектаклях Гулак-Артемовский «был нездоров» и потому пропускал некоторые места партитуры.

Между тем из этих же заключений вытекает, что, даже будучи больным, артист сделал все возможное, чтобы не сорвать представление, и зрители с пониманием отнеслись к его нелегкому положению. Однако мнение полиции было решающим: дебютант не получил разрешения на бенефис¹³⁰. Летний сезон в театре Леопольдо завершился представлениями 27 августа «Беатриче ди Тенда» и 29 августа «Лючии»¹³¹.

В деятельности Гулака-Артемовского на флорентийской сцене проявились его сочувствие прогрессивным традициям итальянского искусства, интерес к острым проблемам страны. Этому способствовали его демократические убеждения, формировавшиеся под воздействием передовых деятелей русской и украинской культуры, и прежде всего поэта-революционера Т. Г. Шевченко.

Среди спектаклей, где был занят певец, особое место принадлежало опере «Браво»¹³². Ее автором был Марко Аврелио Марлиани. В Италии о нем, кроме скурых упоминаний в общих изданиях, нет каких-либо специальных исследований, проведение которых, впрочем, сопряжено с дополнительными трудностями, поскольку значительную часть творческой жизни он провел в эмиграции, а его общественная деятельность носила зачастую конспиративный характер. Об этом, в частности, свидетельствует то, что просмотр по нашей просьбе ряда фондов в государственных архивах Рима и Болоньи, где возможны были бы находки соответствующих документов, не дал позитивных результатов.

Между тем деятельность Марлиани заслуживает специального рассмотрения в связи с его участием в национально-освободительном движении. Уроженец Милана, выходец из дворянской семьи, он изучал философию в университете Сиенны. Приобщение Марлиани к общественной борьбе началось в конце 20-х годов, когда в освободительном движении страны главенствующее место занимали карбонарские общества. Тогда же он сблизился с Мадзини, начавшим революционный путь также в карбонарских сектах. В «Автобиографических заметках», написанных много лет спустя, Мадзини вспоминал, что в 1829 г. он, будучи членом геновской организации карбонариев, получил задание создать сеть новых ячеек в Тоскане. В г. Ливорно ему удалось основать венгу, одним из членов которой стал М. Марлиани¹³³. В 1830 г. Марлиани вынужден был эмигрировать во Францию, где продолжал заниматься делами освобождения родины и принял участие в созданной Мадзини республиканской организации «Молодая Италия»¹³⁴. Будучи очевидцем неудач и провалов ее и отмежевываясь от заговорщической тактики, Марлиани, однако, не порвал с революционной борьбой. В се-

редние 1839 г. Мадзини пригласил его сотрудничать с возрождавшейся «Молодой Италией». В письме (сентябрь 1839 г.), копия которого хранится в Ватиканском архиве, Мадзини делился с Марлиани о будущем Италии, излагая идею освобождения страны силами народных масс: «Италии либо не будет вовсе, либо она будет единой и республиканской. Ее революция должна быть народной, иначе она окажется безуспешной»¹³⁵.

В период революционного подъема Марлиани возвратился на родину и с началом войны против австрийских оккупантов в 1848 г. включился в нее, приняв сначала участие в защите Венецианской республики, а потом — Римской. В составе эскадрона Марлиани оборонял Болонью, являющуюся одним из форпостов на севере Римской республики. 8 мая 1849 г., участвуя в вылазке отряда, состоявшего из солдат, рабочих и ремесленников, он погиб от взрыва австрийского снаряда. В листовке, изданной в Риме по поводу героической обороны Болоньи, воздавалась дань уважения мужеству ее защитников и содержался призыв к римлянам следовать их примеру. Борьба за свободную Италию, ради которой отдал свою жизнь Марлиани, была главным содержанием его композиторского творчества, которому он обучался у Россини в Париже. В его музыкальном наследии — четыре оперы, другие произведения. Но самой известной явилась первая большая работа Марлиани — «Браво», поставленная итальянской оперной труппой в Париже 1 февраля 1834 г. с участием Тамбурини, Гризи, Рубини и других певцов¹³⁶. Опера была посвящена историческим событиям, происходившим во времена правления венецианских дождей, однако разоблачение в ней преступлений и политической тирании знати вызвало ассоциации, созвучные с современной итальянской действительностью.

Следует отметить, что определенные сведения о творчестве композитора имели и его современники в России. В 1835 г. сюда дошла весть о постановке в Париже его «Ильдегонды», пронизанной демократическими мотивами. «Опера имела блистательный успех. Добрые критики, — писала в ироническом стиле реакционная «Северная пчела», — сравнивают молодого композитора Марлиани с Беллини, Доницетти, с Меркаданте и даже... с Россини!!!»¹³⁷. О популярности композитора театральная общественность России узнала также из сообщения о постановке в Венеции в 1842 г. его оперы «Нищий», которая «была принята со всеобщим одобрением»¹³⁸.

Во флорентийской постановке «Браво» одна из основных ролей — патриция Джакомо Градениго — была поручена Гу-

лаку-Артемовскому. Необходимо иметь в виду, что флорентийская театральная жизнь в этот период была довольно насыщена произведениями глубокого социального звучания. Только в период подготовки Гулака-Артемовского к выступлениям в театре Леопольдо силами драматической труппы был поставлен ряд пьес тираноборческого содержания. 21 апреля здесь шла драма «Мария Стюарт», «один из шедевров прославленного Шиллера» (характеристика из объявления местной газеты). 30 апреля там же играли «трагическую драму Виктора Гюго» под названием «Анджело — тиран Падуи», в мае — трагедии «Миро» и «Филипп» Альфиери¹³⁹. Все это не могло не сказаться на идейно-творческих исканиях и интерпретациях молодого артиста.

В начале 1842 г. Гулак-Артемовский возвратился на родину, где стал первоклассным солистом петербургской сцены. В его репертуаре появились новые партии — из произведений Глинки, Даргомыжского, Верстовского, Моцарта. Вместе с тем флорентийская практика помогала ему заниматься и популяризацией лучших произведений итальянской культуры на столичной сцене и во время гастрольных поездок. Одновременно Гулак-Артемовский расширял практику совместных выступлений с итальянскими певцами, в частности, с Рубини, с которым выступал в Петербурге в операх «Отелло» Россини, «Пуритане» Беллини. Прекрасный голос, высокое профессиональное мастерство позволяли певцу успешно состязаться со многими звездами итальянской сцены.

Активное участие Гулака-Артемовского в международном культурном сотрудничестве во многом было результатом благотворного влияния его учителя и наставника М. И. Глинки, придававшего большое значение подобным связям. Еще во время своего первого пребывания на Апеннингах композитор прилагал немалые усилия, чтобы ознакомить итальянцев с достижениями культуры родной страны, устанавливая контакты с музыкантами и певцами, устраивая вечера, на которых исполнялись его произведения. Глинка поддерживал тесные связи с миланским нотным издателем Рикорди, выпустившим его сочинения, написанные в Италии. В 40-х годах современники говорили, что творчество великого русского композитора известно миланской публике в не меньшей мере, чем на его родине¹⁴⁰.

В эти же годы в Италии очень популярной была балерина Е. И. Андриянова. Будучи горячей пропагандисткой народных танцев, она приобрела огромный успех в миланской Ла Скале, где показала не только отдельные номера, но и полный балетный спектакль «Своенравная жена». Сво-

им искусством актриса заслужила редкую честь, которой ранее удостоились только две известные всей Европе танцовщицы — М. Тальони и Ф. Эльслер: в Милане издали ее портрет и выбили медаль¹⁴¹. О ее успехе среди итальянцев сообщала тогда же наряду со столичной провинциальная пресса («Киевские губернские ведомости»). В 1853 г. русская балерина, покорившая итальянскую публику, с триумфом гастролировала на Украине, выступив в Одессе, Харькове, Киеве, Полтаве.

В 40-е годы продолжалось знакомство итальянских любителей пения с творчеством композитора Бортнянского, некогда учившегося в этой стране. На этот раз его произведения исполнял прибывший на Апеннины хор придворной капеллы. Высоко отзываясь тогда же о музыке Бортнянского, один из неаполитанских профессоров писал, что «все пьесы его проникнуты простотою, легкостью, торжественностью»¹⁴².

Широко охватывая деятельность музыкального театра, российско-итальянские культурные связи распространялись и на другие области сценического искусства. Правда, масштабы их здесь были значительно скромнее, что обуславливалось рядом причин, среди которых — отсутствие переводов многих лучших произведений итальянской драматургии, засилье цензуры.

Знакомство с произведениями, поднимавшими на материале итальянской действительности злободневные общественные проблемы, было доступно только лицам, имевшим возможность выезжать за границу и посещать там театральные представления.

И все же отдельные сочинения итальянской драматургии попадали на театральные подмостки страны. На Украине их популяризаторами выступали вольные антрепренерские труппы. Одной из первых взялась ставить итальянские произведения русско-украинско-польская труппа Змиевского (в афишах и официальной переписке его фамилия имела разные написания — Жмиовский, Змиовский и др.), дававшая представления на Волыни. Согласно сохранившимся афишам, сезон 1833 г. в Житомире она начала 19 января, подготовив к этому дню «комедию в трех действиях, переведенную с итальянского сочинения г. Гольдони (в афише — Голдини. — Н. В.) под названием «Карикатуры, или Современные романы». «Действие, — извещалось, — происходит в Медиолане (Милане. — Н. В.)». В спектакле были заняты Шитлер, Старжевская, Мопшинская, Выгорницкий, Левицкий, Мей и другие актеры. 9 апреля та же труппа показывала житомирским зрителям «переведенную с итальянского увеселительную сочинения г. Гольдони в 3-х действиях комедию» под названием «Лю-

бопытство женщин», а 17 августа во время Успенской ярмарки в Бердичеве «первый раз» предлагалась постановка пьесы того же автора «Школа ревнивых, или Дом сумасшедших»¹⁴³.

Пьесы Гольдони были известны и в других украинских губерниях. На Подолии они ставились в 30-х годах в «частном театре» г. Каменца. В Харькове произведения классика итальянской драматургии ставились в вольных переводах. Переделанная в стиле господствовавшего на сцене жанра водевиля здесь шла в 1843—1844 гг. комедия «Хозяйка гостиницы» под названием «Мирандолина, или Седина в бороду, а бес в ребро». Это произведение выдающегося комедиографа находилось в течение десятилетий в репертуарах театров Украины, в том числе севастопольского (содержатель труппы купец Жураховский, 1843 г.), одесского (антрепренер дворянин Рекановский, 1843 г.), екатеринославского (содержатель труппы керченский купец И. Пилони, 1848 г.) и др.¹⁴⁴

Популярности пьесы среди киевских и харьковских зрителей способствовала игра талантливой провинциальной актрисы Л. И. Млотковской, исполнявшей главную роль и сумевшей, несмотря на переделку произведения, в значительной мере передать дух оригинала. Во время своих гастролей в провинции в «Мирандолине» охотно выступал и М. С. Щепкин¹⁴⁵. Эта же пьеса Гольдони находилась в репертуаре трупп, разъезжавших в 40-е годы преимущественно по уездам. Так, она числилась в списке «содержателя частного театра отставного канцелярского служителя» Яна Фелинского, который с пятью странствующими актерами выступал в Звенигородке и других местечках Киевской губернии¹⁴⁶.

В начале 30-х годов происходит сценическое знакомство публики с В. Альфиери, произведения которого высоко ценил А. С. Пушкин. Судя по архивным документам, первым и, видимо, едва ли не единственным на Украине театром, знакомившим зрителей с творчеством выдающегося итальянского драматурга, был тогда Каменец-Подольский. Из сохранившейся афиши видно, что 11 июля 1833 г. здесь была показана трагедия в пяти действиях «Саул» Альфиери в исполнении Малиновского, Зелинской, Зелинского и др.¹⁴⁷ Постановка произведения, автором которого был непримиримый противник аристократии и церковной реакции, сторонник освободительного движения народов Италии, России и других стран, стала явлением в театральной жизни. Большое значение творчества Альфиери подчеркивал В. Г. Белинский. В 1841 г. в рецензии на перевод пьесы «Филипп II, король испанский» он характеризовал ее как «лучшую трагедию Альфиери», отмечая, что драматург здесь обнаруживает «ду-

шу сильную и благородную». Революционный демократ обратил внимание на то, что герои пьесы Альфиери — это люди, не страшась открыто говорить «смелое слово правды»¹⁴⁸. Характерно, что именно эта трагедия вызывала настороженность властей. Так, в 1843 г. III отделение запретило ставить ее в одесском частном театре. Правда, в 1848 г. «Филипп II» уже числился в списке разрешенных пьес, «предполагаемых к разыгрыванию на Екатеринославском театре»¹⁴⁹.

Круг итальянских пьес, показываемых на Украине, собственно, ограничивался указанными сочинениями Гольдони и Альфиери. Несмотря на это, сам факт обращения к ним имел важное значение: они обогащали репертуар отечественных театров и наряду с произведениями русских, украинских, польских авторов, пьесами Шекспира, Шиллера и французских драматургов представляли зрителю многонациональную панораму драматического искусства.

В первой половине столетия происходило знакомство и с характерными для итальянской культуры видами пародных зрелищ. Среди них была, в частности, поэтическая импровизация. В России, в том числе на Украине, яркое представление о ней оставил Джованни Джустиниани, прибывший сюда после триумфальных выступлений в Риме, Болонье, Вене, Афинах и других городах Южной и Центральной Европы. В начале 1840 г. его слушателями стали одессыты. По утверждению местной газеты, особое наслаждение представляло слушать и видеть Джустиниани, «когда он поет свои импровизации. Невольно приходят тогда на мысль вдохновенные «Египетские ночи», в которых Пушкин с такою разительною верностью начертал образ итальянского импровизатора»¹⁵⁰. После Одессы гость демонстрировал свое искусство в Москве и Петербурге. Его произведения вызвали такой интерес, что часть их была издана в России в оригинале, а некоторые в переводе на русский язык.

Стремление понять истоки этого вида искусства привлекало к нему пристальное внимание передовых деятелей отечественной культуры. Во время пребывания в Италии художник В. И. Штернберг, чье творчество вдохновлялось демократическими идеями, проявил большой интерес к импровизаторам, выступавшим среди уличной толпы. Увлеченный образом народного рассказчика, он проникся желанием запечатлеть его на полотне. В письме из Неаполя (май 1841 г.) художник сообщал, что ходит на берег моря слушать импровизатора в толпе «ладзаронов и других людей»¹⁵¹. Так зародился замысел картины «Импровизатор на неаполитанской пристани». Посетивший в 1842 г. Штернберга в Риме

историк искусства Ф. В. Чижев в своей статье для газеты считал необходимым обратить внимание читателей на то, что художник «начал писать импровизатора на неаполитанской пристани»¹⁵².

Интерес к импровизации приобрел особое значение, ибо эта народная традиция в условиях итальянской действительности служила одной из форм борьбы масс против деспотизма феодально-монархических верхов. Как свидетельствуют, например, полицейские донесения 1826 г., хранящиеся в Государственном архиве Рима, города Папского государства были наводнены народными сатирическими стихами и песнями, клеймившими власть феодалов и кардиналов¹⁵³.

Характерно, что Гоголь, продолжительное время проживавший в Риме, открыл здесь, по свидетельству французского писателя Сент-Бёва, «истинного народного поэта Белли» и с восторгом рассказывал об оригинальных сонетах последнего, передававшихся из уст в уста. Стихотворные импровизации Белли отражали тяжелую жизнь римских низов, разоблачали эксплуататоров — папу, кардиналов. Персонаж одного из сонетов — кузнец — говорил: «Я должен проливать пот и кровь свою, а между тем папа сидит себе барином на троне. У него сто рук: девяносто девять даны ему, чтобы забирать чужие кватрины (название монеты. — *Н. В.*), а сотая выдает взамен похищенного всякую макулатуру».

Отмечая «черты остроумия римского народа», Гоголь в письме на родину (апрель 1838 г.) подчеркивал: «Ни одного происшествия здесь не случится без того, чтоб не вышла какая-нибудь острота и эпиграмма в народе». В подтверждение своего наблюдения писатель привел новейшую стихотворную импровизацию, в которой высмеивался запрет папой народного празднества — карнавала в Риме¹⁵⁴.

Разящее слово народа играло важную роль на всех этапах борьбы масс против внутренних и иноземных угнетателей. Когда в 1849 г. в Рим вошли, сломав героическую оборону республиканцев, французские оккупационные войска, чтобы вернуть на престол Пия IX, римляне прибегли к своему испытанному приему борьбы без оружия — импровизации. В сатирических куплетах, рожденных в толпе, они клеймили завоевателей. Описывая положение в городе, «Одесский вестник» тогда же сообщал, что «римляне мстят французам всеми возможными родами проказ, и это приводит последних в раздражение больше, чем открытое сопротивление»¹⁵⁵.

Непосредственно к народу было обращено искусство итальянских бродячих актеров и циркачей. На Украине их выступления являлись частью народных зрелищ, которыми обычно пестрели ярмарки, собиравшие массы местного

и приезжего люда. В отличие от артистов профессиональных трупп эти уличные артисты не удостоивались внимания прессы, и сведения о них, к тому же далеко не полные, погребены главным образом в архивах среди разных бумаг. Между тем дрессировщики, органистки, гимнасты и т. д. обслуживали большую пародную аудиторию, прежде всего крестьян.

В делах, связанных с выдачей разрешений на проезд из одной губернии в другую, с регистрацией прибытия и выезда жителей, можно обнаружить сведения об именах и роде занятий некоторых представителей народного итальянского искусства. Так, 26 июня 1833 г. Могилевский гражданский губернатор выдал билет «содержателю музыкального инструмента с механическими фигурами» Андреану Ценибони на следование в город Киев¹⁵⁶. В 1841 г. в Житомире появился пармский подданный, «игрок на ручном органе» Антонио Берни, получивший в июне вид на проезд в Полтавскую губернию¹⁵⁷.

Довольно часто по дорогам Украины колесили дрессировщики животных. Например, в 1834 г. в Каменце-Подольском и Киеве находилась группа итальянцев во главе с пармским подданным Доменико Ценибони — «показателем обезьян»¹⁵⁸. В феврале 1836 г. через Радзивилов для следования «в город Дубно по своему занятию» проехали пармские подданные Аугусто Мутти и Паоло Таддеи, показывавшие «обученных собак и обезьяну»¹⁵⁹. Несколько более подробную информацию о безвестных представителях народного искусства дает дело, заведенное по случаю утери паспорта пармским подданным органистом Джованни Мутти (видимо родственником упомянутого выше А. Мутти). Он, как явствует из его прошения на имя киевского гражданского губернатора, не ограничивался музыкальной программой, а выступал «с разными зверями» согласно данному «от начальства на то дозволению». Переписка между губернаторами помогает установить маршруты органиста-дрессировщика за 1843—1844 гг. на Украине: Одесса, Екатеринослав, Елисаветград, Харьков, Киев¹⁶⁰.

Итак, в рассматриваемый период и музыкальный театр, и драматическая сцена, и массовые народные зрелища на Украине, входя в тесное соприкосновение с итальянским искусством и культурой других стран, внесли большой вклад в приобщение самых разных слоев города и деревни к духовным ценностям, в распространение передовых общественных взглядов. Расширение связей, в свою очередь, оказало благотворное воздействие на развитие итальянского театрального искусства, его демократических традиций.

3. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

В первой половине XIX в. в культурном сотрудничестве России и Италии заметное место заняло изобразительное искусство. Эти связи опирались на традицию, сложившуюся в предыдущие столетия. По следам своих предшественников в Петербург и другие центры устремлялись итальянские мастера кисти. Однако на периферии, в частности в украинских городах, сфера их деятельности не была столь активной, как в столице, где крупным заказчиком живописных работ выступал царский двор. В условиях, когда значительно расширились ряды отечественных живописцев, далеко не всем зарубежным художникам удавалось получить постоянную работу. Лишь некоторые из них устраивались у богатых вельмож в качестве придворных художников. Так, в начале столетия в волынском поместье Станислава Понятовского на протяжении нескольких лет проживал итальянский живописец и поэт Сальваторе Тончи, позже переселившийся в Москву¹⁶¹. Включившись в культурную жизнь страны, он создал ряд портретов современников, в том числе поэта Г. Р. Державина. Тончи был среди тех, кто немало сделал для поддержки таланта молодого Айвазовского. Неудивительно, что Белинский, чутко реагирующий на события в области культуры, в своем обзоре русской литературы за 1845 г. назвал итальянского мастера в ряду «знаменитых современников»¹⁶².

Менее известные художники-итальянцы, как, впрочем, и многие местные живописцы, пробавлялись случайными заказами, брались за работу, не связанную с их профессией. В записках М. Д. Бутурлина рассказывается об одном из таких заезжих художников — миланце Верга, считавшимся в Киеве 30-х годов «портретным артистом», который подвизался и в роли певца¹⁶³. Даже церковь, располагавшая большими материальными средствами и прибегавшая к услугам профессиональных мастеров, не могла обеспечить их в достаточной степени работой, а соответственно оплатой. В документах Киево-Печерской лавры за 1821 г., например, упоминается живописец «профессор Туринской академии» П. Грасси. Сделав пробные реставрационные работы, он вынужден был обращаться со специальным прошением о выплате ему денег для проживания в городе¹⁶⁴.

Все это вынуждало художников часто разъезжать в поисках заработков. Сохранившиеся архивные материалы дают возможность, например, проследить места работы «подданного княжества Модены живописца» Джузеппе Зоболи. В 1841 г. он находился на Кавказе, откуда перебрался в Харьков, где

4 января 1842 г. получил билет «на свободный проезд» в Киев. Как отмечалось в книге записей старшего полицеймейстера, «иностранец Зоболи изъявил желание остаться в городе Киеве», вследствие чего получил соответствующее разрешение властей. Однако в 1845 г. 46-летний живописец покинул город, отправившись в Кишинев¹⁶⁵. Определенный свет на причины отъезда проливает «частное извещение», появившееся в том же году в «Прибавлении» к «Киевским губернским ведомостям». Художник писал портреты киевлян, но за недостатком подобных заказов брался выполнять и другие работы. Так, объявление приглашало «адресоваться к живописцу г. Зоболи, жителствующему в Киеве по Житомирской улице в Михайловском переулке», за покупкой фортепиано парижского производства, привезенного на состоявшиеся зимой киевские контракты. Сообщалось также, что «по желаемому вкусу отделяет он паркеты масляными красками с искусством осушать оные в продолжение 24-х часов»¹⁶⁶.

Относительно постоянные занятия художники находили в стационарных театрах, создавая декорации и костюмы для оперных и драматических представлений. В Одессе первым живописцем открывшегося там театра был Валезини¹⁶⁷. В Харькове в 40-х годах художественным оформлением спектаклей занимался Контессини¹⁶⁸.

О том, что связи с итальянским изобразительным искусством постепенно расширялись, свидетельствует и деятельность архитекторов, стремившихся в оформлении интерьеров построек учитывать новейший зарубежный опыт. В 40-х годах, например, одна из одесских новостроек была украшена живописью на стекле, созданной по старинному методу, секрет которого раскрыл Джованни Баттиста Бертини. Настенные картины, проходившие специальную закалку огнем в его миланской мастерской, по свидетельству путешественника, отличались «блеском и неизгладимостью красок»¹⁶⁹.

В рассматриваемый период в городах Украины начинают практиковаться художественные выставки, весьма скромные, как правило, по своим масштабам и носившие порой характер зрелища. Так, числившийся при петербургском дворе «историческим живописцем» и занимавшийся росписью Исаакиевского собора венецианец Коэроэ Дузи, прислал в Одессу большую картину под названием «Три мученицы в темнице Лионского амфитеатра». Написанная на сюжет из античной истории, она производила глубокое впечатление на зрителей не только драматичностью сюжета, но и мастерством его воплощения. Для показа публике полотно было помещено в специальном павильоне на Приморском бульваре города¹⁷⁰.

Довольно широкий размах в рассматриваемый период по-

лучили взаимосвязи мастеров изобразительного искусства непосредственно в Италии. Эта страна с ее многочисленными памятниками истории и культуры в течение веков привлекала к себе художников, скульпторов, архитекторов. Их главной целью было изучение богатейших традиций мастеров Возрождения. В первой половине XIX столетия здесь работали тысячи зарубежных живописцев и представителей других видов изобразительного искусства. Вливаясь в этот общий поток, художники, прибывшие из России, с глубоким интересом знакомились с шедеврами искусства, интенсивно занимались творчеством. Имена С. Щедрина, О. Кипренского, К. Брюллова, А. Иванова и других, создавших свои многие выдающиеся творения на итальянской земле, вошли по праву в историю не только отечественного, но и итальянского искусства.

Общественность Рима, Милана и других городов систематически знакомилась с их творческими успехами. Начиная с конца 20-х годов, внимательно следил за деятельностью Карла Брюллова миланский журнал литературы, науки и искусства — «Библиотека итальяна». Рассказывая об очередной выставке в миланском дворце Брера в 1833 г., он высоко оценивал представленные в ее разделах «Историческая живопись», «Портреты» и «Скульптура» произведения «прославленного кавалера Брюллова» — полотно «Последний день Помпеи», портрет певицы Пасты и др.¹⁷¹ В честь признания заслуг посланцев России итальянские центры художественной культуры избирали их в свой состав. Так, побывавший в начале XIX в. «в чужих краях» с целью усовершенствования мастерства по части зодчества воспитанник Петербургской академии художеств Филипп Эльсон был удостоен звания члена Римской и Флорентийской академий. Возвратившись на родину, он служил архитектором в Одессе и руководил постройкой многих зданий в Крыму, других южных районах страны. В феврале 1837 г. Петербургская академия художеств утвердила его в звании академика¹⁷².

Поездки за границу мастеров были тесно связаны с деятельностью Петербургской академии художеств и Общества поощрения художников. Именно благодаря этим учреждениям осуществлялись командировки художников, начинавших свой творческий путь на Украине. Одним из первых среди них был Г. И. Лапченко, уроженец с. Валява на Черкасщине, крепостной графа М. С. Воронцова. Большую роль в судьбе украинского художника сыграл великий русский живописец А. А. Иванов, руководивший его учебой в Академии художеств, а позже взявший над ним шефство во время совместной поездки и многолетнего пребывания на

Апеннингах. Когда Лапченко почти полностью потерял зрение, Александр Иванов окружил его отеческой заботой. В своих письмах и обращениях к отцу, к Гоголю и другим адресатам Иванов, сообщая о состоянии здоровья молодого художника, стремился мобилизовать общественное мнение на то, чтобы добиться увеличения мизерного пособия для него. Тяжелая болезнь не позволила развернуться дарованию Лапченко в полной мере. Тем не менее то, что он успел сделать, свидетельствовало о глубоком стремлении художника к познанию новой для него действительности, совершенствованию мастерства. Как сообщал в начале 1833 г. А. А. Иванов в Общество поощрения художников, Лапченко, приехав в Рим, «занялся тотчас делом, и делом важным, имея половинную пенсию! Его «Сусанна» (первая крупная работа художника в Италии. — Н. В.) вам то докажет»¹⁷³. В 1842 г. за создание этого полотна Академия художеств присвоила ему звание академика живописи.

К началу 40-х годов поездки воспитанников академии заметно участились, в связи с чем в Риме при российском посольстве была учреждена должность «начальника над русскими художниками». «Вечный город» стал центром деятельности многих талантливых людей, приехавших из России, — архитектора Бенуа, скульпторов Ставассера и Рамазанова, гравера Иордана... В поисках тем и сюжетов для своих пейзажей, портретов, жанровых и других произведений они посещали юг и север Апеннинского полуострова, его живописные уголки. О плодотворной работе посланцев академии и общества поощрения свидетельствовали написанные здесь и регулярно отправляемые на родину оригинальные картины, а также копии с музейных шедевров. Многие из того, что создавалось ими, вызывало глубокий интерес иностранных коллег, горячо обсуждалось любителями искусства Рима, Флоренции, Венеции, других городов.

В начале 40-х годов большой вклад в укрепление российско-итальянских культурных связей внес И. Айвазовский, посланный «для дальнейшего совершенствования художеств». Приехав в Италию в 1840 г., он быстро включился в культурную жизнь страны, в чем сказались достигнутое им на родине высокое профессиональное мастерство, оригинальная тематика произведений. В Италии он часто встречался с такими представителями передовой общественности России, как А. А. Иванов, В. И. Штернберг, Ф. В. Чижов и др., а в Риме стал непременным участником вечеров на квартире Н. В. Гоголя, где обсуждались проблемы искусства, художественные новости города и т. д.

Подобно своим товарищам, Айвазовский внимательно изу-

чал классическое наследие, посещая музеи Венеции, Неаполя, Флоренции, Рима и т. д. Его особое внимание привлекала природа страны, жизнь народа. В письме к конференц-секретарю Академии художеств В. И. Григоровичу в декабре 1840 г. он сообщал: «Два месяца уже как я в Неаполе и все время был занят... На третий же день по приезде начал писать с патуры S. Lucia, что весьма живописна»¹⁷⁴. 30 апреля 1842 г. в рапорте академии он докладывал: «Я постоянно занимаюсь моим искусством и прилагаю усилия к усовершенствованию»¹⁷⁵.

В Италии о молодом художнике заговорили как о «живописце морских видов». Первое же участие Айвазовского в римской выставке 1841 г. сделало его имя популярным. Посетители выставки называли картины Айвазовского новаторскими. В числе первых на успехи, достигнутые художником, откликнулся «Одесский вестник», поместив статью, которую, в свою очередь, перепечатала петербургская «Художественная газета». «В Риме, — говорилось в ней, — на художественной выставке картины Айвазовского (так одно время писали фамилию художника. — Н. В.) признаны первыми. «Неаполитанская ночь», «Буря» и «Хаос» наделали столько шума в столице изящных искусств, что залы вельмож, общественные собрания и притоны артистов оглашались славою новороссийского пейзажиста»¹⁷⁶.

Восторженные отзывы о произведениях Айвазовского поместила итальянская пресса. Автор одной из статей — Аугусто Векки познакомил итальянцев с биографией художника, целью его приезда в Италию, дал характеристику его картинам. «Если бы не препятствовали мне условия этого журнала, — писал он, — я желал бы поговорить подробнее о прелести этих картин, теперь же ограничиваюсь повторением тысячи искренних похвал даровитому творцу их»¹⁷⁷. Следует отметить, что оценки, данные Векки, выражали взгляды прогрессивных кругов Италии. Автор статьи являлся участником освободительного движения. Занимаясь вопросами культуры и литературы, он общался со многими писателями, представителями искусства. Среди его знакомых были французский поэт Беранже, итальянский публицист и общественный деятель Манин и др. Айвазовский вошел в круг близких друзей Векки наряду с Гарибальди, Герценом и др.¹⁷⁸ Насколько широкой была в Италии популярность создателя картин, свидетельствуют стихотворения, сложенные тогда же в его честь. Одно из них сочинил на итальянском языке выдающийся английский маринист Тёрнер, работавший в Риме и с большим интересом ознакомившийся с работами Айвазовского.

После римской выставки произведения Айвазовского демонстрировались в Неаполе и Венеции, где получили всеобщее одобрение. В письме от 26 октября 1842 г. из Венеции художник, в частности, уведомлял В. И. Григоровича: «В августе здесь была выставка, и я, приехавши, написал картину и выставил, что очень понравилось венецианцам»¹⁷⁹.

Деятельность Айвазовского за рубежом радовала всех искренних почитателей отечественного искусства. Ф. В. Чижов, специально приехавший в Италию для изучения живописи и скульптуры, в своем письме, опубликованном в 1842 г., сообщал, что «более всех пользовалась нынче общественным вниманием мастерская г. Айвазовского»¹⁸⁰. Ознакомившись в Риме с первыми работами художника, А. А. Иванов также отметил его выдающееся дарование. «Гайвазовский, — замечал он в 1841 г., — человек с талантом. Его «День Неаполя» заслужил общее одобрение в Риме»¹⁸¹.

За три года командировки Айвазовский создал более 50 крупных картин и множество других произведений. Они нарасхват покупались на выставках, перекочевывали в картинные галереи Италии и других стран. Однако те произведения, которые художник считал наиболее важными для своего творчества, он отправлял на родину для ознакомления соотечественников. В самой Италии спрос на марины Айвазовского был настолько велик, что за удовлетворение его взялись местные живописцы. Проживавший в эти годы в Риме график Иордан вспоминал, что «множество художников начали подражать Айвазовскому... В каждой лавчонке красовались виды моря «а la Айвазовский»¹⁸².

В ознаменование выдающихся заслуг 27-летний живописец был избран членом четырех академий художеств, в том числе Петербургской и Римской¹⁸³.

Итальянские впечатления на многие годы стали Айвазовскому темой для написания новых полотен, которые он создавал, возвратившись в родную Феодосию. Морская стихия, с образом которой он знакомил отечественную и зарубежную общественность, выступала в его творчестве как синоним борьбы и мужества. Обращаясь к теме о море, художник «воплотил в маринистической живописи чувства и мысли, волновавшие передовых людей его времени, что и придавало глубокий смысл и социальную значимость его творчеству»¹⁸⁴. Этим во многом можно объяснить подлинно народную популярность Айвазовского в России и Италии.

Находясь в Италии, Айвазовский видел ее социальные проблемы, с сочувствием относился к задавленному феодальным гнетом народу и тем, кто искал пути его освобождения.

На склоне лет, в 1888 г., художник вспоминал: «Я сам еще в 40-х годах застал страшную нищету римлян и среди них роскошь кардиналов в золоченых каретах с тремя лакеями, все в золоте. Все эти картины в памяти у многих»¹⁸⁵. Сцены, которые он наблюдал в Италии, напоминали о родной стране и ее борцах против крепостнической реакции. В Риме Айвазовский посещал дом Марии Ивановны Лорер, жены младшего брата декабриста Н. И. Лорера — Александра, и сделал в ее альбоме рисунки. Эти встречи проходили вскоре после поездки Айвазовского на Кавказ, где он виделся с Н. И. Лорером, разжалованным и сосланным царским судом¹⁸⁶.

Вместе с Айвазовским в Италию прибыл Штернберг, первый иллюстратор шевченковского «Кобзаря», пионер реалистического бытового жанра и пейзажа в украинской живописи. Провожая Штернберга в дальний путь, Шевченко подарил ему свой «Кобзарь» с надписью, призывавшей помнить о братской дружбе¹⁸⁷. Демократические убеждения, сформировавшиеся во время совместной учебы с Шевченко и другими представителями передовой культуры, определили творческие устремления Штернберга, ставшего певцом итальянских трудовых низов. Как и на родине, объектом его пристального изучения становится простой люд. В переписке живописца с друзьями то и дело упоминаются те, кого феодально-монархический строй превратил в париев итальянского общества. Бывая на юге страны, художник отмечал, что «здешняя роскошь и блеск столичный не к лицу Неаполю» на фоне ужасающей нищеты народа. На острове Искья он поражался «множеству бедных»: «как здесь живут бедные люди — об этом мы не имеем идеи»¹⁸⁸.

Именно среди бедняков Штернберг искал и находил персонажей для своих произведений. В письме 30 апреля 1841 г. из Неаполя Айвазовский отмечал характерный для своего друга интерес к итальянской народной жизни: он проводит время «у своих грязных лацарони»¹⁸⁹. Обитатели римского и неаполитанского дна не были для него безликой массой, — многих он знал, что называется, в лицо. В письме к Айвазовскому из Рима (октябрь 1843 г.), сообщая о различных «новостях», художник добавлял: «по-прежнему нищие все на своих местах». Эту фразу он тут же проиллюстрировал изображением римлян-бедняков с протянутыми за милостыней руками¹⁹⁰. Посвятив свое творчество изображению народной жизни, Штернберг старался не пропускать события, участниками которых были разные слои населения, — присутствовал на карнавалах, гуляньях в парке Вилла Боргезе, выступлениях кукольников, постановках пьес Гольдони, Пеллико. Он часто посещал наиболее многолюдные места —

набережные, рынки, дворы, площади, где толпился народ. Круг чтения художника также характеризует его стремление глубже познать жизнь народа. Это автобиография Бенвенуто Челлини, рассказы Боккаччо, гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки»¹⁹¹.

Тяга к познанию народных обычаев, трудовой деятельности итальянцев заметно отразилась на художественном творчестве Штернберга. Главными героями его картин и зарисовок становятся моряки, рыбаки, крестьяне, уличные артисты, нищие, безработные, детвора. Их образы воплощены в таких работах, как «Импровизатор на неаполитанской пристани», «Итальянец-простолюдин», «Итальянки у водоема», «Итальянка с детьми» и т. д. Они показывали, что художник с симпатией относился к итальянскому народу, сочувствовал его нелегкой жизни¹⁹². Показательно, что современники сразу подметили общность демократического содержания итальянских работ Штернберга с его предшествующими картинами, в частности, об Украине. Ф. Чижов, например, увидел в итальянских работах художника, «знакомого нашей публике по малороссийским сценам», умение превосходно передать «удивительное разнообразие» римской толпы¹⁹³. В отчете «начальника над русскими художниками» в Риме за 1843—1844 г. прямо указывалось на связь произведений Штернберга с буднями итальянских низов. Автор отчета сообщал об окончании художником картины, на которой изображено «неаполитанское семейство, ожидающее возврата рыбаков. Как сценический живописец г. Штернберг с тщательностью изучает быт римский и неаполитанский, откуда заимствует он предметы для своих работ»¹⁹⁴.

Во время пребывания в Италии Штернберг посещал выставки и мастерские местных и зарубежных живописцев. В письме от 16/4 ноября 1840 г. он уведомлял своего друга А. Егорова, что побывал в мастерской «одного из лучших итальянских живописцев Подести»¹⁹⁵. В Неаполе Штернберг познакомился с пейзажистом Карелли. «Он из лучших здесь, — отмечал художник в письме к Н. Л. Бенуа от 29 апреля 1841 г., — и, в самом деле, человек с большим талантом. Я просмотрел у него несколько портфелей с прекрасными этюдами. Он пишет очень ловко, но кроме него здесь есть два или три пейзажиста с большими достоинствами. Да как и не быть им здесь, где природа так роскошна? Это неисчерпаемый источник для художника. Море, скалы, деревья, и все полно жизни, везде кишит народ»¹⁹⁶.

Работая в Италии, живописец постоянно вспоминал друзей на родине, Тараса Шевченко, который сам горячо мечтал о поездке на Апеннины к художественным сокровищам

и при первой возможности послал Штернбергу теплое послание. Глубоко тронутый вниманием поэта, Василий Иванович ответил письмом (июль 1842 г.) из Рима, пожелав ему творческих успехов и «чтоб скорее быть к нам»¹⁹⁷.

В это время в Италии находился еще один друг Шевченко, А. Мокрицкий, приехавший в Рим в конце 1841 г. из Пирятина Полтавской губернии. Воспитанник Нежинской гимназии высших наук и Петербургской академии художеств, ученик Брюллова, он много времени уделял изучению художественных памятников и природы страны, изображению деятелей итальянской и отечественной культуры, представителей народа. Кисти Мокрицкого принадлежат портреты итальянских художников Мозанчиды и Кесы, мозаичиста Бонафедде¹⁹⁸. Большое место в его произведениях заняли апеннинские пейзажи. В письме из Рима в августе 1847 г. в совет Академии художеств он отмечал: «Красоты римской Кампании и прелестные окрестности Рима всегда пробуждали во мне сладостное и вместе грустное чувство, взор мой не мог оторваться от волшебных красот этого края»¹⁹⁹.

Исключительное трудолюбие, помноженное на талант, помогло Мокрицкому создать полотна, по достоинству оцененные специалистами и публикой. Первой среди них стала картина «Итальянка с цветами на балконе во время карнавала». В отчете «начальника над русскими художниками» за 1843—1844 гг. отмечалось, что «художник сей сделал необыкновенные успехи по части живописи. Работая по 8-ми, иногда по 10 часов в сутки, г. Мокрицкий достиг в искусстве той степени, которая приобретается невероятным постоянным прилежанием». Здесь же констатировалось, что он создал семь портретов, две картины, много этюдов с натуры, написанных в течение лета в Неаполе и его окрестностях. Учитывая результаты деятельности Мокрицкого, академия выделила ему в 1844 г. единовременное пособие для продолжения работы, а позже назначила содержание на два года «как не имеющему никакого состояния». 19 декабря 1847 г. совет академии, рассмотрев присланное из Рима прошение Мокрицкого, определил: «он сделал столь видимые успехи в живописи фигур и голов», что достоин пособия для дальнейшего пребывания в Италии²⁰⁰. Однако распоряжение царских властей о возвращении всех российских подданных на родину в связи с революциями в Европе прервало работу художника в Риме. В феврале 1849 г. он покинул «вечный город», где к власти пришло революционно-демократическое правительство.

Деятельность Мокрицкого в Италии укрепила его в мысли, которую он вынашивал ранее, — о необходимости расширения системы художественного образования на родине, дабы

открыть двери в искусство талантам из народа. Свою идею он намеревался реализовать, основав, в частности, художественную школу на Украине. Как признавал художник в автобиографии, в то время он «оставался при своем намерении открыть школу, хотя незадолго перед выездом из Рима, по дошедшим слухам, имел причину опасаться, что планы мои подлежат большому сомнению»²⁰¹.

По-разному складывались творческие биографии и личная жизнь деятелей изобразительного искусства, но пребывание каждого из них на итальянской земле в большей или меньшей мере способствовало благородному делу взаимного познания и сближения народов. В Риме в числе посланцев академии хорошо знали Пимена Орлова, выходца из бедной украинской семьи, друга Шевченко. Специализируясь в портретной живописи, он отдавал предпочтение работе над картинами, изображающими простых итальянских крестьянок, «не умеющих ни читать, ни писать»²⁰². Его полотна «Итальянский рынок», «Девушка стирает белье», «Возвращение с жатвы» и другие отражали разные стороны жизни народа, его труд и обычаи. Эту черту творчества Орлова подчеркивали итальянские рецензенты. Так, в одной из статей, помещенной в журнале «Альбум», много места отводилось картине «Сцена из октябрьского праздника в Риме». Знаменательно, что создание этого произведения послужило автору статьи поводом для того, чтобы рассказать итальянским читателям о традициях этого праздника урожая. Одобрительно оценивая произведение художника, рецензент в заключении писал: «Орлов столь известен в Риме своими картинами в этом роде, что художники, встречая его, всегда спрашивают: скоро ли он покажет им новую картину; а это лучшая похвала, какой только может достигнуть художник...»

Об интересе в Италии к творчеству Орлова свидетельствует и его переписка. Студия художника была «всякий день битком набита... Некоторые, глядя на картину, по итальянскому обычаю хлопали в ладони, приговаривая: браво, Орлов!»²⁰³ Некоторые свои картины он отправлял после выставок в Риме на Украину, в частности в Харьков²⁰⁴.

Из той же плеяды прошедшей классы Академии художеств на берегах Невы, в эти годы в Италию приехал украинский художник П. Т. Борисполец, друживший с Шевченко. Помимо создания оригинальных произведений на темы из итальянской действительности (многие из них, к сожалению, не сохранились), он сделал великолепные копии с Рафаэля, Тициана и других знаменитых мастеров. В период пребывания за границей в его судьбе самое живое участие принял А. А. Иванов. Узнав через своего брата, что Борисполец про-

живает в Париже, где вынужден зарабатывать преподаванием математики, Иванов пригласил его в Рим и настойчиво добивался для него официальных заказов от петербургского двора²⁰⁵. Помощь великого художника оказалась действительной. Работа по копированию шедевров, которую получил Борисполец, оказалась большой школой для него, требовала много усилий и времени. Именно выполнение этих заказов позволило ему стать очевидцем революционных событий в Италии и особенно в Венеции, пережить австрийскую блокаду города в 1848—1849 гг. Ему одному из немногих царскими властями было разрешено оставаться в охваченной революцией стране в связи с тем, что он трудился над заказом для императорского двора. В списке художников, составленном в Петербургской академии художеств в феврале 1849 г., указывалось, что «отставной подполковник Платон Борисполец» находится в Венеции, а в записи в журнале правления академии от 12 апреля того же года говорилось, что он копирует там картину «Смерть Петра Доминиканца»²⁰⁶, являющуюся одним из шедевров гениального Тициана.

В Италии трудился и бывший крепостной полтавского помещика Капниста Н. С. Шаповаленко (он же Шаповалов). Посланный туда в качестве пенсионера Общества поощрения художеств, он вскоре получил неожиданный отказ в пособии. Узнав о тяжелом положении земляка, Н. В. Гоголь устроил платное чтение своего «Ревизора» на римской вилле З. Волконской в пользу Шаповаленко²⁰⁷. Позже на протяжении ряда лет о молодом полтавчанине по-отечески заботился А. А. Иванов, занимаясь его финансовыми делами, устройством быта, помогая творческими советами. Иванов также предоставил в распоряжение подопечного свою мастерскую.

В Риме Шаповаленко учился в Академии св. Луки, делал копии с картин великих мастеров Возрождения, специализировался в старинном искусстве мозаики (его копии двух мозаичных полов античных бань и поныне украшают павильонный зал ленинградского Эрмитажа). Как и другие художники, Шаповаленко участвовал в римских публичных выставках, представляя на них свои картины.

Многообразная работа русских и украинских мастеров в Италии активно служила делу расширения контактов между народами двух стран, развитию передовых идей в искусстве. Творческое освоение художественных богатств античных времен и эпохи Возрождения, создание собственных оригинальных произведений, многие из которых посвящались жизни итальянского народа, явились важной вехой в истории русского, украинского и итальянского изобразительного искусства. Картины, созданные посланцами Академии худо-

жеств и Общества поощрения художников, стали ценным достоянием галерей и музеев Ленинграда, Москвы, Киева, Харькова, Феодосии, Рима, Флоренции, Неаполя, других городов.

4. НАУЧНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ЗНАНИЯ

Важным звеном международного сотрудничества в рассматриваемый период стала сфера научных и прикладных знаний. Путешественники, отправлявшиеся в Италию и ранее уделявшие главное внимание искусству, все чаще стали интересоваться вопросами научных контактов. В 1828 г. во время своего пребывания в Италии один из редакторов «Одесского вестника», рассказывая в своих письмах о живописцах и скульпторах, обратил внимание читателей на выход в Риме историко-архитектурных публикаций русского архитектора К. Тона, посвященных изучению и реконструкции античных памятников. В газете подчеркивалось, что одна из этих книг издача «с примечаниями известного итальянского археолога Антонио Нибби»²⁰⁸.

Одними из первых в научное сотрудничество включились музеи, являвшиеся центрами не только сбора экспонатов, но и изучения истории, археологии, искусства. Итальянский общественный деятель и писатель Л. Серристоры, посетивший во второй половине 20-х годов г. Керчь, где тогда был основан археологический музей, с большим интересом отнесся к античным памятникам города, в частности, к найденным здесь многочисленным монетам далеких эпох. Они, отмечалось в его отчетах о поездке, дают возможность «осветить политическую, религиозную и культурную историю этого района». Путешественник писал далее, что керченцы передали в дар музею изобразительных искусств Флоренции 32 монеты Боспорского государства и «автономных городов — Херсонеса, Ольвии, Амастрии, Синопса, Фанагории, Пантикопея»²⁰⁹.

Свой вклад в научное сотрудничество с первых шагов своего основания (1839 г.) стало вносить Одесское общество истории и древностей. Сама проблематика, которой занимались члены общества, диктовала необходимость обмена информацией и результатами исследований с зарубежными специалистами. Большое место в объединении научных интересов представителей двух стран принадлежало развернувшемуся в эти годы изучению генуэзских поселений, существовавших в средние века в Причерноморье. Работы ученых взаимно дополняли друг друга. Выявляя и описывая письменные источники, сохранившиеся в архивах своей страны, итальянские историки вводили в оборот много новых фак-

тических данных. Одесское общество имело иное преимущество: оно располагало возможностью вести разработку археологического материала непосредственно на месте бывших поселений генуэзцев в Крыму.

Взаимное стремление к учету проделанной работы по истории генуэзских колоний обнаружилось еще до официального учреждения одесского общества. В первой половине 30-х годов археолог Н. Н. Мурзакевич, работавший преподавателем Ришельевского лицея, задался целью написать исследование о генуэзских колониях XIII—XIV ст. в Крыму на основе неизвестных отечественной науке публикаций. Тогда же многие из этих книг были присланы из-за границы при содействии сардинского посла в Петербурге Симонетти²¹⁰. При подготовке своей «Истории генуэзских поселений в Крыму», изданной в 1837 г. в Одессе, Мурзакевич широко использовал, наряду с российскими, греческими и другими источниками, работы генуэзских авторов А. Джустиниани, У. Фоллетто, К. Одерико, Л. Саули, А. Лоберо, Дж. Серра, Д. Бертолотти, К. Варезе, венецианцев И. Барборо, А. Контарини, В. Формалеони.

В связи с интересом итальянских научных кругов к истории юга России и его роли в международной торговле, публикации на эти темы, появлявшиеся в Петербурге, Москве, Одессе, сравнительно быстро получали известность на Апеннинских полуостровах. Выход из печати первых работ одесских авторов, посвященных прошлому Новороссийского края, был встречен одобрительными отзывами в Италии. В частности, подготовленное в середине 30-х годов и изданное описание древних монет, обнаруженных на территории юга Украины, привлекло внимание итальянских специалистов. Автор этого и других исследований Мурзакевич был избран членом двух римских академий — Тиберинской и Аркадской. В рукописном отделе Института русской литературы АН СССР в Ленинграде сохранились подлинники свидетельств, выданных этими учреждениями одесскому ученому. В дипломе от 3 декабря 1837 г. говорится: Тиберинская академия, «узнав о Ваших заслугах..., постановила зачислить Вас в свои члены-корреспонденты». Собрание Аркадской академии, именовавшей себя «литературной Республикой», распорядилось, чтобы имя Мурзакевича было внесено в список ее членов. Это решение удостоверялось документом, выписанным в марте 1838 г.²¹¹

Интерес итальянской общественности к истории южных окраин России засвидетельствовало издание в 1833 г. в Неаполе книги члена Российской академии И. М. Муравьева-Апостола (отца трех братьев-декабристов) — «Путешествие по Тавриде», содержавшее много интересных научных све-

дений. Перевод ее был выполнен, как указывалось на титульном листе, «под наблюдением автора достойным неаполитанским писателем Энрико Каталано»²¹².

Сообщая о его выходе в свет, «Московские ведомости» указывали на «большой успех» в Италии сочинения Муравьева-Апостола²¹³.

В свою очередь, деятельность итальянских историков, занимавшихся изучением Крыма и других местностей России, получила признание, в частности, в Одесском обществе истории и древностей. В 40-х годах итальянцы М. Канале и Д. Беллоро, проводившие такие исследования, были избраны иностранными действительными членами общества. Тогда же корреспондентом его стал В. И. Бекки из Палермо. В 50-е годы общество избрало своим действительным членом директора Бурбонского музея в Неаполе Бернарда Кваранту.

Завязавшаяся между историками переписка отражала стремление обмениваться научными замыслами, оказывать помощь друг другу в их осуществлении. Например, историк из Генуи Беллоро в конце 40-х годов делился с одесскими коллегами намерением написать историю Крыма на базе документов, сохранившихся в местном архиве его родного города. Получив это сообщение, одесситы откликнулись на него предложением оказать услуги в реализации замысла итальянского историка²¹⁴.

Контакты с итальянскими исследователями помогали обществу расширять источниковую базу изучения средневекового Крыма. В 1844 г. в Генуе была приобретена копия устава генуэзских колоний. Этот обширный документ, датированный 1449 г. и принадлежавший некогда могущественному банку св. Георгия, излагал правила, регламентировавшие политическую, хозяйственную и торговую деятельность генуэзцев в Причерноморье, в том числе в крымских городах Кафе, Солдайи, Чембало. Устав стал предметом тщательного изучения, в результате чего в 50-х годах член общества Юргевич осуществил его перевод с латыни²¹⁵.

С образованием при обществе музея среди его экспонатов значительное место заняли предметы материальной культуры, раскрывающие давние связи Италии с Черноморско-Азовским бассейном. В библиотеке общества собирались издания по этой теме. В сборе экспонатов и книг принимала участие и итальянцы. Протоколы отчетов о деятельности общества за эти годы сохранили фамилии некоторых из них — Славони, Джузеппе Фиорелли²¹⁶, впоследствии избранного членом-корреспондентом Российской Академии наук по специальности «археология».

Совместные работы специалистов двух стран нашли свое

яркое выражение в результатах гидрографических исследований Черного и Азовского морей. Широкое освоение судоходных путей в этом регионе являлось потребностью экономического развития не только Российского государства, его южных районов, но и сопредельных стран Средиземноморья. С этой целью гидрографическая служба России проводила регулярные экспедиции по изучению судоходной обстановки на Черном и Азовском морях, издавала атласы и лоции. В работе принимали участие также выходцы из Италии и некоторых других зарубежных стран. В начале XIX ст. в изучение и освоение черноморских путей сообщения включился уроженец Генуи, негодант Рафаэлло Скасси, принятый на службу в Азиатский департамент министерства иностранных дел России, а с 1822 г. занимавший должность попечителя керченской и бугазской торговли ²¹⁷.

С 1818 г. с ним тесно сотрудничал проживавший в Одессе Эдуард Тетбу де Мариньи, впоследствии — консул Нидерландов в этом городе. Первые его исследования берегов Черного моря получили одобрение многих научных обществ, а также торговых домов Западной Европы, заинтересованных в экономических связях с южными районами России. На протяжении многих лет Тетбу де Мариньи продолжал свою работу, столь нужную для сотен судов, направлявшихся в порты Одессы, Керчи, Таганрога, Бердянска, Феодосии, составляя описания морских путей, проекты маяков.

Стремясь содействовать дальнейшему развитию морских торговых связей между портами Италии и Северного Причерноморья, он обратился к официальным представителям Папского государства с предложением об использовании подготовленного им новейшего атласа шкиперами судов, плавающих по Черному и Азовскому морям. Об этой инициативе свидетельствует обнаруженное нами в Государственном архиве Рима письмо Тетбу де Мариньи, направленное генеральному консулу Папского государства в Одессе от 14 марта 1848 г. В нем гидрограф напоминал об осуществленном им еще в 1830 г. издании атласа Черного и Азовского морей с 40 картами и видами побережья. Работа, указывал он, была встречена «с удовлетворением всеми морскими капитанами, посещающими эти два моря». Тетбу де Мариньи считал необходимым также отметить, что «тогда же командующий российским флотом на Черном море приобрел большое число экземпляров [атласа] для библиотек Николаева и Севастополя», а автору издания были «оказаны знаки благодарности». Далее он писал: работы, «которые я проводил ежегодно начиная с 1839 г. до сегодняшнего дня во всех местах Черного и Азовского морей, обогатили меня новыми знания-

ми о побережье Крыма, Кавказа..., берегов Дуная», что позволило составить более совершенное по сравнению с прошлыми изданиями «гидрографическое описание побережий Черного и Азовского морей с 50 картами и множеством видов берегов»²¹⁸.

Обращение исследователя встретило поддержку папского генерального консула в Одессе, который в препроводительном письме своему правительству от 15 марта 1848 г., характеризуя Тетбу де Мариньи как «наиболее известного автора» описаний морских путей в этих краях, подтверждал, что последний «в настоящее время занят составлением новой лоции Черного и Азовского морей». Консул подчеркивал, что прежняя работа гидрографа, изданная в 1830 г., получила «полное признание мореплавателей». В заключении он рекомендовал принять дополненное и расширенное издание, которое «действительно заслуживает внимания... в интересах наших мореплавателей, посещающих эти моря» и сталкивающихся с трудностями плавания в них, «особенно в зимнее время года»²¹⁹. Письмо исследователя из Одессы вместе с препроводительным документом консула поступило в главное управление статистики, занимавшееся экономическими вопросами, в том числе внешней торговлей. Сама же работа гидрографа, опубликованная на четырех языках, в том числе итальянском, в 1850 г., стала настольным пособием для капитанов, работавших на черноморских трассах.

Заметный след в истории итало-русского сотрудничества оставил упоминавшийся выше Луиджи Серристорри. Это был один из наиболее образованных представителей общности Тосканы, автор исследований в области географии, экономики, статистики, техники и просвещения, публиковавшихся в Милане, Флоренции, Одессе.

Свои первые шаги в сфере прикладных исследований по прибытию в 1819 г. в Россию он начал в качестве сотрудника отдела картографии при Главном штабе. В этот период, как отмечалось в изданном в конце прошлого столетия флорентийском «Словаре об итальянцах за рубежом», Серристорри участвовал в «некоторых военно-топографических работах на Волыни, Новороссии (Закавказье)»²²⁰. Проживая в Одессе, он посвятил немало времени исследованиям, имевшим целью улучшение городского хозяйства. По его проекту был проложен спуск к Карантинной гавани²²¹. В рапорте от 17 июня 1826 г. на имя исполняющего должность одесского градоначальника тосканский специалист ратовал за реализацию плана водоснабжения города из р. Днестр, указывая на проведенные ранее подготовленные — нивелировочные работы на местности²²².

Свои исследования Серристоры стремился подчинять решению вопросов экономического и общественно-политического развития как на родине, так и за ее пределами. В числе первых итальянцев он осознал роль, которую могла бы играть Россия в деле осуществления национального чаянья итальянского народа — объединения страны. Достижению этой цели Серристоры посвятил и свой труд на посту генерального консула Тосканы в Одессе, заняв его в конце 20-х годов. В дипломатической переписке он акцентировал внимание на торговых связях через черноморские и азовские порты. Среди сохранившихся в фондах Государственного архива Флоренции документов имеются, в частности, посланные им с Украины статистические сводки о международных морских перевозках и т. д. ²²³

Предложения о развитии торговых отношений исследователь представил в оставшихся неопубликованными при его жизни «Заметках о путешествиях». Основное содержание этой работы, подготовленной на основе главным образом личных наблюдений, составляет описание отдельных городов и местностей России и их роли во внутренней и внешней торговле.

Следует подчеркнуть, что Серристоры придерживался позиций, которые не совпадали с официальной апологетикой реакционных мероприятий самодержавия, о чем свидетельствовало осуждение автором «Заметок» аракчеевской системы военных поселений.

Итальянский автор много места отвел описанию украинских губерний. Рассказывая о Харькове как о быстро растущем городе — «столице Украины», он упомянул университет, «учрежденный в начале столетия», обратил внимание на довольно интенсивное строительство новых зданий. Харьков характеризовался путешественником как перекресток «большого торгового пути», по которому осуществляются перевозки товаров из Новочеркасска, Таганрога, Крыма, Одессы в направлении Москвы и Петербурга ²²⁴.

С тем же пристальным интересом к возможностям расширения коммерческих связей Серристоры описывал Кременчуг, считая его крупным центром, торговые конторы которого имеют свои представительства в Москве и других городах. Показательно — и это составляло одно из направлений исследовательских интересов Серристоры — изучение развития техники как средства общественного прогресса. В «Заметках», в частности, говорится о начале пароходного сообщения на Днепре по линии Киев — Кременчуг ²²⁵.

Излагая, далее, вкратце сведения о прошлом Одессы, автор указывал на ее интенсивный рост и важное значение для

прямых связей с «другими торговыми городами», главным образом с Триестом, Ливорно, Марселем. В подтверждение приводилась статистика посещения одесского порта судами под флагами разных стран за период 1822—1828 гг., упоминались другие черноморские порты, причастные к международному экономическому обмену. Характерно, что и свое повествование о Крыме Серристоры попытался подать через призму суждений о морской торговле, процветавшей на Черном море в античные времена ²²⁶.

В «Заметках о путешествиях» представлены также некоторые этнографические наблюдения. Например, автор описывал поселения казаков в Харьковской губернии, отмечая, что «в основном они бедняки», говорил о многонациональном составе населения Южной Украины, о других сторонах жизни края.

При написании своего отчета Серристоры опирался не только на личные наблюдения и изыскания, но и на отдельные зарубежные публикации, в которых нередко использовались недостоверные источники и непроверенные сведения, что, естественно, снижало ценность этих изданий и привело, в свою очередь, к неточностям и ошибочности некоторых суждений итальянского автора. Эти недостатки, однако, не умаляют несомненное позитивное значение его работы, посвященной актуальной для обеих стран идее укрепления экономических связей. Важно иметь в виду, что, вернувшись в 1833 г. на родину, Серристоры продолжил свою исследовательскую деятельность, имевшую целью сближение и сотрудничество народов Италии и России.

Там же, в Италии, в конце 20 — начале 30-х годов трибуной распространения географических, этнографических и других сведений о России в целом и ее южных районах стал флорентийский журнал «Антолоджиа». Эту миссию редакция выполняла в нелегких условиях, находясь по существу под двойным контролем — цензуры Тосканского герцогства и официальных и тайных соглядатаев Австрийской империи, правители которой опасались итало-российского сближения. Поэтому издатели в своих публикациях о России, как, впрочем, и по ряду других международных и внутренних проблем, вынуждены были прибегать к различным приемам, дабы избежать преследований. С этой целью редакция широко пользовалась перепечатками, пересказами или обзорами статей, опубликованных в других — отечественных и зарубежных изданиях, в частности французских научных. Таким способом итальянскому читателю предоставлялись и справочные сведения об Украине. В 1828 г., характеризуя состав населения России, журнал назвал территорию рассе-

ления украинцев — Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую, Полтавскую, Черниговскую и ряд других губерний, упомянул о «руснаках», проживающих «на Волыни, Подолии и части Галиции»²²⁷.

Важным дополнительным источником сведений об Украине в Италии служила одесская газета «Journal d'Odessa», выходившая на французском языке. Она распространялась в главных городах Апеннинского полуострова, основными читателями ее были чиновники государственного аппарата, представители торговых кругов и др. Во время работы над документами в архивах Флоренции и некоторых других городов мы неоднократно обнаруживали экземпляры этой газеты и отдельные вырезки из нее в делах ведомств с сопроводительными письмами и другими комментариями, присланными консулами из Одессы в связи с информацией о развитии торговли и судоходства между югом России и итальянскими государствами. Начиная с 1840 г. подписка на одесскую газету была разрешена и в итальянских провинциях, находившихся в составе Австрийской империи²²⁸.

Процессы взаимопознания отражались также в изучении русскими и украинскими учеными этнографического материала об Италии. Характерно, что оно было связано с развитием славистических исследований в университетских центрах Москвы, Петербурга, Харькова, Киева, свидетельствуя о том, что славяноведение с самого начала не было узкой наукой, а включало и вопросы взаимоотношения славян с другими народами, в том числе итальянским.

Одним из первых такой работой занялся профессор Харьковского университета, филолог и историк И. И. Срезневский. Во время научной командировки он посетил в апреле — мае 1841 г. район «венецианской Италии», соседствующий со славянскими землями. Маршрут его пролегал через Горицию, Джемону, Тарченто и другие городки, а также деревни этого края, находившегося под властью австрийской короны. Как свидетельствуют путевые письма Срезневского, целыми днями он ходил в сопровождении местных проводников по горным деревням, «расспрашивая об обычаях, языке и так далее»²²⁹. Местные старожилы охотно делились с ним сведениями об образе жизни населения.

Особое внимание исследователь уделил формам народных зрелищ. В Венеции он посетил народный театр Молибран с его пестрой публикой, представлявшей разные, преимущественно демократические, слои общества. В зале, писал профессор, «кто в жилете, кто в одной сорочке с растегнутой грудью, кто босой»²³⁰. При этом он постоянно интересовался таким распространенным видом народных зрелищ, как кон-

церы бродячих органистов, других уличных музыкантов и актеров.

Собирая материал о культурно-бытовых связях населения, ученый не мог абстрагироваться от социально-политических условий жизни трудящихся. Жиллица их, неоднократно отмечал Срезневский, «страшно бедные». Взаимоотношения масс и властей он наблюдал во время приезда в край австрийской императрицы. «...Видел императрицу, — сообщал профессор из Гориции 2 мая 1841 г. в родной Харьков, — видел равнодушие народа к ней...»²³¹.

Деятельность итальянцев, занимавших одну из ведущих позиций в средиземноморских торговых сношениях, представляла большой интерес в различных странах, в том числе в России, где шло бурное освоение южных морских путей. Закономерно, что овладению наиболее эффективными методами коммерческой деятельности придавалось особое значение в обширном Новороссийском крае. Его администрация, заинтересованная в росте прибылей, предпринимала меры для изучения опыта торгового судоходства в Средиземноморье. Выполняя ее поручение, в конце 20-х годов Апеннинский полуостров посетил статистик и историк А. И. Левшин, маршрут которого пролегал через портовые города — Ливорно, Чивитавеккью, Геную, Неаполь. Письма-отчеты, которые он посылал с дороги на имя наместника края М. С. Воронцова, свидетельствуют об обстоятельном исследовании широкого круга вопросов, относящихся к организации и обеспечению торгового судоходства. В Чивитавеккью, сообщал Левшин в письме от 22(10) июля 1828 г., «я почерпнул... преполезные сведения для укрепления защищения портов вообще от ветров»²³².

Несколько недель он провел в Генуе. «Важность ее торговли вообще и частые ее сношения с Одессою обращают на нее особенное внимание», — докладывал Левшин 30(18) мая 1828 г., объясняя необходимость личного ознакомления с деятельностью здешних морских и торговых учреждений, в частности, тем, что «ни на каком языке и ни в каком виде нет описания настоящего положения торговли сего порта». «Главная цель всех моих трудов, — писал автор в связи со своими изысканиями в Генуе, — заключается в том, чтобы найти возможность увеличить число наших отвозных продуктов и открыть новые отрасли торговли..., вовлечь в торговлю большее число людей посредственно и непосредственно, придумать средства, кои бы дали более живости нашей промышленности»²³³.

Расширению представлений о жизни в обеих странах служили публикации отчетов путешественников. Что касается

ознакомления итальянской общественности с южными районами России, связям с которыми на Апеннинах придавалось большое значение ввиду паличия здесь кратчайших — прямых морских путей, то эту роль выполняли переиздания соответствующих книг, выходивших время от времени в России и других странах. Так, отнесенное В. Г. Белинским к разряду «примечательных явлений по части ученой литературы»²³⁴, напечатанное в Москве сочинение французского маршала и писателя Мармона почти одновременно было издано в Милане под названием «Путешествие в Венгрию, Трансильванию и Южную Россию». Книга предоставляла возможность получить значительные географические и экономико-статистические сведения о современной Украине, ее природе, населении, городах и сельских местностях, а также в определенной степени данные исторического характера. В ней также рассказывалось об искусстве создателей знаменитого Софийского садово-паркового ансамбля в Умани, астрономической обсерватории возле Николаева и других достопримечательностях юга. Ознакомившись с бурным развитием Одессы, автор утверждал, что она «представляет собой один из самых больших результатов свободы торговли». Вместе с тем он не закрывал глаза на крайне бедственное положение крестьян, свидетелем которого стал, побывав, в частности, в районе Южного Буга, где перед его взором предстала картина «разорения и крайней бедности»²³⁵. При объяснении причин такого положения путешественник, однако, не углублялся в анализ крепостнической действительности, ограничившись описанием внешней стороны бедствия — неурожая 1832—1833 гг., приведшего, по его словам, «некоторые села почти к полному упадку».

В сферу обмена научной и научно-прикладной производственной информации шире стала входить геология. Проводившиеся во все более широком масштабе в России геологические изыскания приобретали международный аспект. Российские геологи вносили весомый вклад не только в отечественную науку, но и в распространение знаний в других странах Европы, Азии, Африки. Характерна в этом отношении деятельность Е. П. Ковалевского, воспитанника Харьковского университета. Уже в начале ее — в 30-е годы — он возглавлял экспедиции в Азиатской части России, в Черногории, Бухарском ханстве, сделав много для выявления природных богатств. Интерес к проблемам добычи и переработки полезных ископаемых привел Ковалевского в конце 1838 г. в Италию. В рапорте, составленном 1(13) декабря 1838 г. и отправленном из Мюнхена в штаб корпуса горных инженеров в Петербурге он писал: в ходе 28-дневной поездки

«через Италию я не упускал из виду главной цели своих занятий». Путешественник ознакомился с гранильной фабрикой во Флоренции, «где производятся единственные в Европе работы на твердом камне (pietra dura) в роде мозаики». Там же он осмотрел ценное собрание найденных, начиная с древнейших времен, мраморов и порфиров, в Неаполе посетил литейную фабрику, а в окрестностях города — разработки серы, которые находились «в жалком положении». В Милане, побывав на монетном дворе, Ковалевский обратил внимание на ряд любопытных производственных приемов, а также на «амальгамированное производство». Он также посетил каменноугольные разработки под Веропой, где собрал образцы окаменелостей, которые позже морским путем через Одессу отправил в Россию вместе с другими экспонатами²³⁶.

В обмен производственным опытом постепенно вовлекались и отдельные отрасли сельского хозяйства, в частности шелководство. Уже в конце XVIII в. на Украине вблизи Харькова и в Крыму были созданы первые два предприятия для разведения коконов. Новое дело считалось настолько важным, что правительство установило денежные награды лицам, разводившим шелковицу, учредило особую инспекцию. В колониях иностранцев и военных поселениях юга выращивание шелковиц предписывалось в обязательном порядке²³⁷.

Однако сугубо административные меры были мало эффективными. Так, в переписке между киевскими губернаторами — военным и гражданским — в апреле 1833 г. содержались признания о том, что шелководство в Киевской губернии «в течение более 30 лет не имело желаемого успеха». Полученные результаты, отмечалось, «не соответствуют тем издержкам, какие понесены и употребляются ныне казною на содержание чиновников по сей части, заведение и поддержание тутовых садов, рассадников и тому подобным»²³⁸. Шелк-сырец из-за нехватки собственных ресурсов по-прежнему ввозился в страну в большом количестве из Персии, Бухары, Китая, а также Франции и Италии, где существовала многовековая культура шелководства. Показательно, что итальянская продукция служила своего рода эталоном надлежащего качества шелковой нити и изделий из нее. В 1831 г. киевский губернский инспектор по шелководству в ведомости о состоянии отрасли на вверенной ему территории докладывал, что «шелковичные деревья в Киевской губернии растут везде хорошо и особенно у тех хозяев, которые имеют за оными должный присмотр, — шелк выделяемый не уступает доброты итальянскому»²³⁹.

В условиях, когда царская администрация показывала не-

способность поставить на должный уровень важную для экономики страны отрасль, многие заботы о ней брала на себя общественность — прежде всего о пропаганде прогрессивных методов выращивания шелковицы. Важнейшим центром изучения и трибуной распространения знаний о шелководстве стало Общество сельского хозяйства Южной России, издававшее свои «Записки». В его публикациях, как и статьях, появившихся в Полтавских, Киевских и других «губернских ведомостях», агитация за внедрение шелководства сопровождалась ссылками на практику стран, где оно стало развитой отраслью. В статье «О шелководстве вообще и возможность успешного развития его в Малороссии» «Полтавские губернские ведомости» писали: «В настоящее время в Италии и Франции вырабатывается достаточное количество собственного шелку... Кто не знает изящных шелковых материй Лиона и знаменитых бархатов Венеции и Генуи?» Подобные успехи, утверждала газета, возможны в южных губерниях страны, чтобы иметь «свой шелк и свои драгоценные красивые ткани... когда и крестьянка не может обойтись в праздник без шелковой ленты»²⁴⁰.

Энтузиастом внедрения и организации шелковичных плантаций стал артиллерийский офицер Н. А. Райко, впоследствии активный участник борьбы за независимость Греции. Выйдя в отставку, он поселился в Одессе и занялся шелководством, рассматривая его как подсобный промысел, который должен содействовать доходности крестьянских хозяйств. Отдавая много сил и средств внедрению этой отрасли в сельскохозяйственное производство, Райко активно выступал в печати, рассказывал об отечественном и зарубежном опыте.

Свою продукцию энтузиаст посылал в тогдашние центры шелководства Европы — Италию и Францию, где она снискала, по свидетельству члена Общества сельского хозяйства Южной России М. Маркевича, «похвальное одобрение», а в Испании выведенные им коконы были названы его фамилией — «Raykones»²⁴¹.

Стремление Райко оказать помощь крестьянским хозяйствам тогда же получило большой резонанс в стране. На его публикации горячо откликнулся Белинский в рецензии, напечатанной в журнале «Отечественные записки» в 1845 г. Говоря о «Наставлении о шелководстве» Райко, составленном «для простого народа», критик писал, что имя автора «известно, как имя одного из просвещеннейших членов Общества сельского хозяйства Южной России; его деятельность в особенности направлена на распространение между простым народом в Новороссийском крае шелководства, как такой промышленности, которая более всего способна доставить

довольство хижине земледельца, разумеется, при благоприятных условиях климата. Климат Южной России для шелководства благоприятен; недостает только знания, примера, настойчивости, чтобы оно водворилось между крестьянами. Г-н Райко решился восполнить стремление пролить свет знания и по крайней мере некоторую часть довольства в темную хижину поселянина»²⁴².

Пропаганда технологии выращивания шелковиц по лучшим образцам характерна и для деятельности Ф. В. Чижова. Ввиду запрещения проживать в столицах за связи с членами Кирилло-Мефодиевского общества он после кратковременного ареста жандармами поселился в Киевской губернии, где занялся проблемами шелководства. Его статьи, отражавшие передовые взгляды на развитие отрасли, печатались в столичной газете — «Санкт-Петербургских ведомостях», «Журнале сельского хозяйства», где в 1851 г., в частности, появилось «Историческое обозрение шелководства Киевской губернии».

В популяризации этой важной отрасли экономики на Украине принимали участие и зарубежные специалисты. В 1835 г. сардинский мастер Герзи, например, обследовал шелковичные плантации на юге страны и установил, что около Феодосии и вдоль всего южного берега шелководство могло бы развиваться быстро при правильном его ведении²⁴³.

Значительное место в двусторонних связях заняла и такая область деятельности, как медицина. Итальянские специалисты охотно отправлялись в Россию, в том числе в ее южные губернии, нуждавшиеся в связи с освоением новых территорий в организации там врачебно-санитарной службы. Одним из них был хирург С. А. Карузо, получивший образование в Венеции. Приглашенный адмиралом Ф. Ф. Ушаковым, он первоначально работал врачом на кораблях Черноморского флота. В 1813 г. Карузо поселился в Одессе, связав с ней всю свою последующую жизнь. Он работал врачом городских учебных заведений, активно участвовал в медицинских мероприятиях по борьбе с холерой и чумой. Одесситы видели в нем «не только знающего и усердного врача, но и истинного друга-утешителя в скорбях и недугах»²⁴⁴. Карузо пользовался известностью и за пределами города. В письме А. И. Казначеева от 23 апреля 1824 г., посланном из Одессы А. И. Михайловскому-Данилевскому, говорилось, в частности, что «доктор в Одессе лучший для детей есть г-н Карузо»²⁴⁵.

Итальянские медики работали не только в крупных городах, но и небольших местечках. Так, в своем отчете о посещении Крыма в 1836 г. Н. С. Всеволожский, бывший с 1808 г.

вице-президентом московского отделения Медико-хирургической академии, упомянул проживавшего в Кореизе врача, уроженца Падуи. «К необыкновенному искусству оператора, особенно глазного, — отмечал он, — г. Ванцети присоединяет обширные сведения по всем частям медицины»²⁴⁶.

Дошедшая до наших дней официальная документация о приезде и выезде иностранцев далеко не всегда отмечала их профессиональную принадлежность. Тем большую ценность представляют упоминания в некоторых из этих материалов о медиках-итальянцах. Так, в ведомости Волочиской таможни о прибывших из-за границы лицах в течение 8—15 июля 1836 г. был зарегистрирован «доктор медицины» Филипп Сартори, направлявшийся в г. Заслав Волынской губернии для работы «по своему искусству»²⁴⁷. В ведомости о паспортах, выданных иностранцам в Волынской губернии в течение 1841 г., находим отметку о «пармском подданном докторе медицины Марке Марки», прибывшем в октябре 1840 г. За время своего нахождения на Украине он посещал также Киев²⁴⁸. О выдаче билета на проезд в Киев «доктору медицины и хирургии Ромуальду Дезаго» уведомлял 22 сентября 1843 г. полтавский гражданский губернатор²⁴⁹.

В конце 40 — начале 50-х годов опыт итальянской медицины, получивший признание в ряде стран, привлек внимание ученых Киевского университета. В начале 1852 г. совет университета принял ходатайство о командировании «в разные места Европы» ординарного профессора по кафедре теоретической хирургии Х. Гюббенета, заведовавшего одновременно хирургической клиникой при Киевском военном госпитале. Одобрив предложение о его поездке, министерство народного просвещения в своем отношении подчеркнуло, что киевский профессор отправляется «с ученою целью... для ознакомления с новейшими открытиями и улучшением в хирургии и по устройству госпитальных клиник». Одновременно ученому ставилась задача изучения опыта преподавания медицинских дисциплин²⁵⁰.

В отчете, который представил профессор после завершения многомесячной командировки, указывалось, что он прибыл в Италию в конце сентября 1852 г. и посетил крупнейшие госпитали Милана, Генуи, других городов. Автор фиксировал все лучшее, что было достигнуто местными учреждениями в постановке врачебного дела, встречался с опытными итальянскими специалистами. В Турине, например, он установил деловые контакты с «известным профессором Рибери», членом Туринской академии наук и медицины, ознакомился с работой руководимой им хирургической клиники. Киевский ученый отмечал, что среди

итальянских медиков есть «соответственно веку образованные врачи»²⁵¹. Вместе с тем он писал, что в ряде своих разделов медицина в Италии была ниже уровня, достигнутого в некоторых других странах. Копстатируя это, он не вдавался в поиски коренных причин такого положения, которое обуславливалось в целом отсталой социально-экономической структурой страны.

Результаты научной командировки Гюббепета получили широкое одобрение. Специальным решением совета университета ему была объявлена «признательность» «за похвальный и полезный труд» — написание работы «О состоянии медицинской части в Италии»²⁵².

Под воздействием неоднозначных тенденций экономической и общественно-политической обстановки в Европе, в том числе в России и Италии, оказались и международные связи в области просвещения. Переезд отдельных итальянских преподавателей в Россию обуславливался, как правило, тем, что на родине они не могли найти применения своей профессии. По уровню развития сети учебных заведений Италия стояла на одном из последних мест в Европе. Наиболее ярко это проявлялось в Неаполитанском королевстве, где, по оценке немецкого научного журнала, перепечатанной в петербургской прессе, народное просвещение находилось «в совершенном небрежении»²⁵³.

Связи в сфере просвещения в этот период охватывали главным образом преподавание языка и литературы. В Киевском и Харьковском университетах, других учебных заведениях, приравненных к высшим, итальянская филология являлась учебным предметом и ее преподаванием зачастую занимались выходцы из Италии. К лицам, претендовавшим на такую работу, предъявлялись весьма высокие требования, о чем свидетельствует проведение конкурса на занятие должности лектора итальянского языка в Киевском университете в 1837 г. Согласно обнаруженным в архиве протоколам 1-го отделения философского факультета, разработкой и утверждением программы конкурса занимались профессор и преподаватели — представители филологической и других гуманитарных наук, в том числе выдающийся ученый-просветитель, первый ректор университета М. А. Максимович, возглавлявший в этот период кафедру русской словесности. Составленная ими программа предлагала охарактеризовать историю формирования итальянского языка и соответственно эпоху, литературные произведения «знаменитых итальянских писателей Петрарки, Данте, Тасса, Ариоста», а также «бросить взгляд на нынешнее состояние итальянской литературы»²⁵⁴.

Указанная программа была опубликована в газетах «Одесский вестник» и «Литовский вестник». В результате в совет университета поступили заявления 6 претендентов, одним из которых был сардинский подданный из г. Новара Франц Бертони, приехавший в Россию в 1836 г. Сохранившееся в архивном деле его объемистое конкурсное сочинение на итальянском языке (представленное без указания имени автора, под девизом) было признано наиболее содержательным. Оно, как и его три пробные публичные лекции для студентов, показало, что Бертони обстоятельно знаком не только с классической литературой родной страны, но и ее современными произведениями. На это, в частности, указывало обращение преподавателя в конкурсной «диссертации» к таким наиболее популярным в эти годы произведениям, как роман «Обрученные» Манцони и повесть «Мои темницы» Пеллико, стремление подчеркнуть их гуманистическую сущность²⁵⁵. В мае 1838 г. Бертони был утвержден лектором итальянского языка и с тех пор длительное время трудился в университете на ниве сближения литератур Италии и России. По отзывам современников, занимавшиеся под его руководством студенты самостоятельно читали в подлинниках Данте, Беккарна, Филанджери, произведения других деятелей итальянского Возрождения и Просвещения²⁵⁶.

К первым годам XIX в. относится введение в программы некоторых начальных и средних учебных заведений обучения итальянскому языку. В основанной в Одессе в 1800 г. коллежским ассессором Врето школе, где числилось 70 учеников, изучали три языка — русский, греческий и итальянский²⁵⁷. Как отмечал посетивший в 1834 г. Керчь французский маршал Мармон, в числе четырех языков, которые здесь преподавались, был итальянский²⁵⁸. Необходимость изучения его во многом вызывалась практическими потребностями: в указанный период в портовых городах Европы итальянский язык выполнял роль основного средства общения в международной торговле. В Одессе, например, на нем составлялись счета, векселя, различные договоры, печатались так называемые *portata* — листки о приходящих и отходящих судах. Эту особенность учитывала, в частности, учебная программа Одесского коммерческого училища, учрежденного в 1804 г., а также устав Риппельевского лицея, где первым преподавателем итальянского языка был сицилиец Антонио Пиллер, автор изданной в Москве итальянской грамматики для училищ, пропагандист произведений Данте, Тассо, Гольдони и др.²⁵⁹

Отдельные выходцы из Италии занимались преподаванием и других учебных предметов. К числу первых таких

учителей принадлежал «сардинскоподданный» Маттео Джирардин, уроженец г. Шамбери (Савойя). 18 апреля 1820 г. в своем прошении на имя киевского гражданского губернатора с целью получения разрешения проживать в городе в течение предстоящего года он сообщал, что «определился к содержателю пансиона Графу для обучения пансионеров разным наукам»²⁶⁰.

Помимо учебных заведений итальянцы устраивались частными гувернерами и учителями в помещичьих усадьбах, конкурируя с французами, привлекавшимися в то время местной знатью для домашнего воспитания детей. Претендовавшие на роль частных педагогов, эти лица, согласно существовавшим правилам, обязаны были вступать в контакты с местными официальными учебными заведениями и сдавать в них соответствующие экзамены. Документы органов просвещения сохранили сведения о некоторых из этих лиц. Проживавший в с. Кошелевка Уманского уезда на Киевщине «итальянский подданный Франц Де Паоли», согласно уведомлению директора Киевской второй гимназии и училищ Киевской губернии от 31 января 1840 г., «просил о допущении его к испытанию и выдаче свидетельства на право частного обучения»²⁶¹. Педагогический совет гимназии, установив, что Де Паоли «читает на французском и латинском языках хорошо, арифметику знает хорошо...», принял решение о выдаче ему, уроженцу г. Модены, свидетельства на право частного обучения по этим предметам²⁶². В 1850 г. Де Паоли проживал в доме генерала Орлова в Чигиринском уезде в качестве «учителя музыки»²⁶³. Свидетельства на звание учителя добывались у местных органов просвещения представители разных профессий. Так, адвокат сардинский подданный Джованни Шабери прибыл в мае 1845 г. в Киев «для сдачи экзамена на право преподавания уроков французского языка», после чего поселился в одном из помещичьих имений, чтобы обучать детей хозяина²⁶⁴.

Некоторые итальянцы, получившие звание учителя, занимали и более заметное место в системе образования. Например, поселившийся в России в 1816 г. сардинский подданный Л. Вильетти по истечении ряда лет открыл в местечке Златополе Киевской губернии «мужской благородный пансион», в котором, по данным за 1833 г., находилось более 60 воспитанников²⁶⁵. Еще ранее, в 1820 г., он получил от Московской губернской гимназии свидетельство «о познаниях в италиянском языке», где констатировалось, что Вильетти «знает италиянский язык правильно и имеет хорошие сведения в истории и географии». В начале 1837 г. бывший туринец предъявил это свидетельство в Киевский универ-

ситет с намерением применить свои познания по родному языку при обучении студентов ²⁶⁶.

Обмен научными и прикладными знаниями становился все более важной частью деятельности общественности. Между тем правительства, страшась демократических и революционных идей, которые ассоциировались в их представлении с наукой и литературой, продолжали с подозрением и недоверием относиться к ученым и писателям. «Одной из причин революции,— утверждал министр неаполитанского короля Каноза,— было чрезмерное распространение просвещения. Нам не нужны ученые, нам нужны добрые, спокойные люди, готовые жить, доверяясь другим и предоставляя миру идти своим путем» ²⁶⁷.

В таких условиях для итальянской науки, к тому же разобщенной внутри страны монархическими кордонами, налаживание контактов с учеными за рубежом, и в частности в России, являлось одним из важных факторов ее консолидации, усиления борьбы против феодальных перегородок, сковывавших развитие производительных сил Италии, ее экономический и технический прогресс. Вполне естественно, что активными пропагандистами идеи укрепления связей с Россией выступали всеитальянские форумы ученых и специалистов, собиравшиеся ежегодно в 40-х годах вопреки сопротивлению внутренней реакции. Их организаторы обращались не только к традиционным, давно сформировавшимся столичным научным центрам России, но и к молодым очагам науки, возникавшим на периферии. Заметное место в этих связях занял Киевский университет, уже в первые месяцы после основания наладивший сотрудничество с итальянскими учеными. Так, в своем рапорте, представленном в совет университета, преподаватель зоологии А. Л. Андржеёвский указывал, что один из миланских исследователей изъявил желание иметь сношения с киевскими учеными, в частности обмениваться зоологическими коллекциями ²⁶⁸. С 1837 г. университет начал ассигновывать значительные суммы на приобретение периодической и другой литературы, выпускавшейся Археологическим институтом в Риме. Тогда же в университетскую библиотеку поступили комплекты римских изданий за 1829—1835 гг. ²⁶⁹

В начале 1841 г. Киевский университет получил официальное уведомление о предстоящем в сентябре того же года во Флоренции «третьем собрании итальянских ученых», подписанное генеральным президентом Козимо Ридольфи и генеральным секретарем Фердинандо Тартини. Они приглашали зарубежных ученых принять участие в форуме, предлагая содействие сотрудничеству ²⁷⁰.

Такие письма направлялись также персонально отдельным специалистам. В 1848 г., например, приглашение из Генуи на 8-й съезд было направлено секретарю одесского общества истории и древностей Мурзакевичу²⁷¹. Ф. В. Чижов, командированный на Апеннины для изучения постановки дела в реальных училищах, в своих мемуарных заметках называл имя жителя Триеста доктора Биазолетти, который пригласил его на конгресс итальянских ученых 1844 г.²⁷²

* * *

Рассмотренные, таким образом, документы и материалы дают возможность очертить довольно широкую панораму сотрудничества между обеими странами в целом ряде разделов гуманитарных и естественных наук, в медицине и просвещении, использовании производственного опыта, что обуславливалось прежде всего насущными потребностями общественно-экономического развития и России, и Италии. Формировавшиеся в недрах феодализма новые производительные силы настойчиво диктовали необходимость взаимного обмена знаниями в различных отраслях, вовлечения в эту деятельность новых категорий специалистов. Ход событий показывал, что Украина наряду с другими регионами страны все шире втягивалась в этот процесс, отражавший закономерности мирового исторического развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эпоха разложения феодальной системы и подъема освободительных движений оказала глубокое воздействие на развитие международных отношений в Европе. Неотъемлемую составную часть их истории представляли зародившиеся в глубине веков связи между Россией и Италией. В рассматриваемые десятилетия XIX в. они обрели новые, характерные черты. Анализ этого периода — периода революционных взлетов и спадов в общественно-политической жизни — дает возможность сделать вывод о глубоком и благотворном влиянии ведущих сил социального прогресса на весь комплекс взаимоотношений стран. Усиление факторов, благоприятствовавших становлению и укреплению сотрудничества между народами, — один из главных результатов деятельности декабристских и карбонарских обществ, греческих этеристов и польских прогрессивных организаций, революционных демократов России и Италии. Их патриотические выступления сливались с выполнением задач интернациональной солидарности.

Большой исторической заслугой революционных кругов России и Италии явилось взаимное ознакомление с опытом борьбы против феодального угнетения и политического деспотизма, постановка вопроса об изучении истории и культурного наследия народов. Изложенный в работе материал помогает, таким образом, полнее раскрыть несостоятельность предпринимаемых в буржуазной историографии попыток приуменьшить, а то и вовсе перечеркнуть позитивную роль освободительных движений в налаживании и развитии международного сотрудничества.

Рассмотренные в исследовании материалы позволяют подчеркнуть масштабность вклада, который вносила прогрессивная общественность России в приумножение интернациональных связей. Дух солидарности с лозунгами итальянских патриотов пронизывал различные сферы ее деятельности, содействовал активизации общественно-политической жизни в различных городах и местностях, в том числе крупнейшего

региона страны — Украины, где широкий резонанс получила неутраченная борьба против социального и национального гнета на Апеннингах, становились популярными имена Гарибальди, Мадзини и других представителей революционной Италии.

Анализ, и в частности сравнительное исследование содержания источников, отражающих интересы разных сословно-классовых групп, дает основание существенно дополнить характеристику общественного мнения на Украине на примере периода 1848—1849 гг. выводом о высокой степени информированности относительно революционных процессов за рубежом и особенно в Италии, что создавало объективную основу для усиления симпатий к справедливому делу итальянского народа. Широкое распространение передовыми кругами общественности сообщений из охваченной революционными битвами страны намного превосходило потуги местной администрации наладить, пользуясь реляциями зарубежных агентов самодержавия, собственную систему информации, построенную зачастую на слухах и страдавшую отсутствием полноты.

Совместное участие в зарубежных связях открыло новые горизонты для укрепления дружбы и сотрудничества украинского и русского народов. Этот вывод является новым важным подтверждением исторической правоты решения Переяславской рады 1654 г. о воссоединении двух братских народов, его большого значения для их будущего. Проведенный анализ тем самым дает основание решительно отбросить буржуазно-националистический тезис о некоей «изоляции» Украины, с которым выступают рядящиеся в тогу «украиноведов» и подвизающиеся в некоторых политизированных исследовательских центрах Запада фальсификаторы. Пытаясь во что бы то ни стало очернить взаимоотношения между русским и украинским народами, они вещают, будто «в течение XVIII и XIX столетий Украина шаг за шагом все более отклонялась от первоначального пути (?) и отставала от Европы... В XIX столетии Украина превратилась в глухую провинцию, отгороженную от мира российской государственной границей, словно непроходимой стеной»¹.

Сопоставляя подобные сентенции с итогами проведенного выше исследования обширного фактического материала, читатель может убедиться, насколько грубыми и циничными являются цели и приемы псевдоученых мужей. Подлинная сущность событий прошлого никак не сообразуется с их вымыслами. Двигаясь плечом к плечу по одному пути с русским народом, украинский народ вносил достойный вклад в расширение зарубежных связей, обогащал традиции интерна-

ционального сотрудничества в интересах всеобщего прогресса. Одно из свидетельств этого — важное место, принадлежавшее Украине в российско-итальянских общественных и культурных связях первой половины XIX в.

Выводы, вытекающие из изучения процессов обмена достижениями искусства, литературы, науки, прикладными знаниями, позволяют констатировать возрастание духовного потенциала Украины, как и других районов страны, в результате расширения каналов сотрудничества. В то же время в деятельности писателей, артистов, художников, переводчиков, издателей и книгопродавцов на Украине итальянская культура находила опору для самоутверждения и противодействия нападкам и гонениям, которым она подвергалась у себя на родине.

Естественно, полученные результаты в исследовании не могут исчерпать изучение культурного обмена. Являясь проблемой многогранной и сложной, его история ждет дальнейших исследований — основы для воссоздания всей панорамы связей в области искусства, науки и т. д. Отсутствие таких работ в значительной степени объясняет встречающиеся в отдельных публикациях произвольные попытки поднять наблюдения по иному частному вопросу до уровня всеобъемлющих оценок. Нельзя согласиться, например, с утверждением, что «итало-украинские связи первой половины XIX ст. имели случайный характер», что обе стороны «не могли найти общей платформы» по вопросам, в частности, «культурного единения»². Не повторяя выводов соответствующих разделов проведенного выше исследования и работ других историков, ограничимся лишь напоминанием о весьма интенсивной музыкальной жизни на Украине, обогащавшейся знаменитыми творениями итальянского искусства. Впервые зазвучавшие именно в ту далекую эпоху шедевры музыкально-театральной классики итальянского народа и поныне украшают программы лучших творческих коллективов Украинской ССР, других братских республик страны.

Результаты разработки проблемы позволяют расширить представления об участии итальянской общественности в развитии связей с Россией, в том числе с Украиной, уточнить известные ранее и внести новые положения в ее освещение. Импульсы, придававшие весомость и ценность международным контактам, исходили прежде всего из кругов освободительного течения в общественно-политическом движении Италии.

Исследование документальных материалов дает основание раздвинуть рамки такого, в значительной мере изученного аспекта темы, как отношение в Италии к декабристам, под-

черкнуть, что знакомство с деятельностью первенцев свободы России, отклики на восстание в Петербурге и на Украине были на Апеннинах более широкими, чем это представлялось ранее. Существенным моментом в характеристике идейных взаимосвязей следует считать культивирование декабристских традиций деятелями «Молодой Италии», другими представителями прогрессивных сил в стране и в эмиграции.

Замечательным вкладом в развитие традиций свободолюбия и борьбы с угнетением явилось обращение итальянских патриотов к проблемам славянства. Благодаря их усилиям Италия узнала о деятельности великих представителей русского и украинского народов — Пушкина и Шевченко, целой плеяде выдающихся мыслителей, писателей, деятелей искусств народов России, их борьбе за социальную справедливость, развитие отечественной и мировой культуры. Оказавшись в центре внимания прогрессивной мысли, плодотворная идея итало-славянского союза как средства свержения феодально-абсолютистских режимов, не была результатом сугубо политических рефлексий. Важный фундамент этой идеи составил возраставший интерес в Италии к истории и культуре других народов, в том числе России, поиску в их историческом и культурном наследии ответов на вопросы, поставленные на повестку дня общественно-политического развития Италии. Изучение источников, относящихся к данному аспекту темы, дает возможность глубже и обстоятельнее раскрыть роль представителей революционной демократии России в формировании более широких взглядов итальянских патриотов на пути достижения идеалов Рисорджименто.

События первой половины минувшего столетия в России и Италии свидетельствуют о давнем и глубоком стремлении народов двух стран к познанию друг друга, осуществлению высоких идеалов прогресса и гуманизма. У этого сотрудничества были многочисленные горячие сторонники и вместе с тем — недруги. Но, как вытекает из анализа, никакие преграды, возводившиеся монархическими властителями и другими реакционными силами, не в состоянии были остановить движения к взаимному сближению и контактам народов. В этом проявились глубокие объективные закономерности исторического развития всего человечества — процессы всемирной интеграции.

Примечательной чертой периода явилось все возраставшее участие в интернациональном сотрудничестве непривилегированных различных слоев, вовлечение в него городских и сельских низов. Демократизация общественных

и культурных связей создавала предпосылки для приобщения масс к духовным ценностям других стран.

События первой половины XIX в., представляющие сами по себе большое значение для познания прошлого, все же не принадлежат исключительно к области интересных исторических реминисценций. Они напоминают о глубокой преемственности традиций сотрудничества народов, позволяют говорить об уроках и тенденциях, которые выходят за рамки породившего их периода и обращены в будущее. В наше время живой интерес к достижениям в области экономического, научно-технического и культурного обмена стал важной чертой отношений между Советским Союзом и Италией. Как подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, «основываясь на давних чувствах взаимного уважения и симпатии между советским и итальянским народами, мы можем сделать еще немало полезного для дальнейшего развития советско-итальянских отношений»³.

Изучение богатого опыта исторического прошлого убедительно подтверждает непреходящее значение для дела прогресса, безопасности и мира на земле путей, ведущих народы к взаимопониманию и сотрудничеству.

ПРИМЕЧАНИЯ

К введению

¹ *Энгельс Ф.* Принципы коммунизма.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2 изд., т. 4, с. 326.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза (Новая редакция). Проект.— М., 1985, с. 69.

³ В Отделении истории АН СССР.— *История СССР*, 1983, № 2, с. 206.

⁴ *Там же*, с. 16.

⁵ Россия и Италия: Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений.— М., 1968.

⁶ *Невлер В. Е.* Мадзипи и «Молодая Европа».— *Вопросы истории*, 1972, № 7; *Невлер (Вилли) В. Е.* Демократические силы в борьбе за объединение Италии, 1831—1860.— М., 1982, с. 283—293.

⁷ *Ковальская М. И.* Движение карбонариев в Италии, 1808—1821 гг.— М., 1971, с. 175—245.

⁸ *Варварцев М. М.* Італійська преса про повстання декабристів.— *Український історичний журнал*, 1982, № 2.

⁹ *Пауна Э. С.* Русско-итальянские культурные связи в XIX и начале XX в.— *Ист. архив*, 1960, № 3; *Варварцев М. М.* Джерела з історії України в італійських архівах.— *Архіви України*, 1982, № 5; и др.

К части I

¹ *Канделоро Дж.* История современной Италии.— М., 1961, т. 2, с. 292—411.

² *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России.— *Полн. собр. соч.*, т. 3, с. 184.

¹⁰ *Тимофеев Н. И.* СССР — Италия: культурные связи: История и современность.— М., 1980.

¹¹ *Барсамов Н. С.* Иван Константинович Айвазовский.— М., 1961; *Ацаркина Э. Н.* Карл Павлович Брюллов: Жизнь и творчество.— М., 1963; *Алпатов М. Александр Андреевич Иванов.*— М., 1956.— Т. 1—2; *Алленов М. М.* Александр Андреевич Иванов.— М., 1980; *Кислякова И. В.* Орест Кипренский: Эпоха и герои.— М., 1982; *Сарабьянов Д. В.* Орест Адамович Кипренский.— Л., 1982; *Пархоменко I. В.* Василь Штернберг.— К., 1978; *Ацаркина Э. Н.* Сильвестр Щедрин.— М., 1978, и др.

¹² *Потапова З. М.* Русско-итальянские литературные связи: Вторая половина XIX века.— М., 1973.

¹³ *Берти Дж.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто.— М., 1959.

¹⁴ *Della Peruta F.* Mazzini e i rivoluzionari italiani: Il «Partito d'azione», 1830—1845.— Milano, 1974.

¹⁵ *Кулинич I. М.* Українсько-німецькі історичні зв'язки.— К., 1969; *Сохань П. С.* Очерки истории украинско-болгарских связей.— Киев, 1976.

³ *Дружинина Е. И.* Южная Украина в 1800—1825 гг.— М., 1970, с. 365, 336.

⁴ *История Украинской ССР.* Киев, 1983, т. 4, с. 24, 34.

⁵ *Там же*, с. 29, 30.

⁶ Маркс К. Хлебные цены.— Европейские финансы и военные приготовления.— Восточный вопрос.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд., т. 15, с. 149.

⁷ Золотов В. А. Внешняя торговля Южной России в первой половине XIX века.— Ростов н/Д, 1963, с. 27.

⁸ ВПР, т. 5(13), с. 217.

⁹ Там же, т. 4(12), с. 585.

¹⁰ Шаркова И. С. Россия и Италия: торговые отношения XV — первой четверти XVIII в.— Л., 1981, с. 9.

¹¹ Золотов В. А. Внешняя торговля..., с. 119.

¹² Serristori L. Statistica dell'Italia.— Firenze, 1839, p. 25.

¹³ Брук Ф. О внешней торговле Новороссийского края и Бессарабии в 1846 г.— Зап. Одес. о-на истории и древностей, 1848, т. 2, отд-ние 1, с. 368—389.

¹⁴ Одесса: Ист. и торгово-экон. очерк Одессы в связи с Новороссийским краем.— Одесса, 1881, с. 25.

¹⁵ Одесса, 1794—1894.— Одесса, 1895, с. 172.

¹⁶ Дружинина Е. И. Южная Украина в 1800—1825 гг., с. 358.

¹⁷ Одесса, 1794—1894, с. 194.

¹⁸ Санкт-Петербург. ведомости, 1836, 21 февр.

¹⁹ Золотов В. А. Внешняя торговля..., с. 154.

²⁰ ASF, Esteri, b. 2530, consolato in Odessa, anno 1840.

²¹ Ibid., b. 2524, 2528, 2530, carteggio col console Toscana a Odessa.

²² ASR, Statistica, b. 58, consolato Pontificio in Odessa, 1843, 20 feb.

²³ Ibid., porti G—R, anni 1836—1855, prospetti di movimento della navigazione Pontificio col porto di Marsiglia.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии.— Соч. 2 изд., т. 4, с. 425.

²⁵ Шишмарев В. Ф. Романские поселения на юге России.— М., 1975, с. 161.

²⁶ Скальковский А. Первое

тридцатилетие истории г. Одессы.— Одесса, 1837, с. 155.

²⁷ Bulferetti L., Costantini C. Industrie e commercio in Liguria nell'età del Risorgimento.— Milano, 1966, p. 374.

²⁸ ГАКО, ф. 2, оп. 3, д. 4340, лл. 76, 76об.

²⁹ Там же, д. 5030, л. 16.

³⁰ Там же, оп. 1, д. 6318, лл. 4—57.

³¹ Батюшков К. Н. Соч. Спб., 1886, т. 3, с. 513.

³² Gazzetta di Roma, 1848, 10 luglio, 12 dic.

³³ ВПР, т. 5, с. 329.

³⁴ ASN, Esteri, consolato di Odessa, f. 7139, 1848, 29 luglio.

³⁵ Киев. губерн. ведомости, 1847, 4 апр.

³⁶ ГАКО, ф. 2, оп. 3, д. 6379, л. 15, 15об.

³⁷ Ленин В. И. Из прошлого рабочей печати в России.— Полн. собр. соч., т. 25, с. 93.

³⁸ Подробную характеристику карбонарских организаций см.: Ковальская М. И. Движение карбонариев в Италии, 1808—1821.— М., 1971.

³⁹ См.: Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— Полн. собр. соч., т. 41, с. 8.

⁴⁰ Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу.— М.; Л., 1936, с. 103—110.

⁴¹ Зак Л. А. Монархи против народов: Дипломат. борьба на развалинах наполеон. империи.— М., 1966, с. 168.

⁴² ВПР, т. 3(11), с. 5.

⁴³ Берти Дж. Россия и итальянские государства в период Рисоржименто.— М., 1959, с. 421.

⁴⁴ Россия и Италия, с. 47.

⁴⁵ Cantù C. Il «Conciliatore» e i carbonari.— Milano, 1878, p. 17.

⁴⁶ Берти Дж. Россия и итальянские государства..., с. 345.

⁴⁷ Documente privind istoria României. Răscoale din 1821. București, 1960, vol. 4, p. 67, 48.

⁴⁸ Ари Г. Л. Этеристское движение в России: Освобод. борьба греч. народа в начале XIX в. и рус.-греч. связи.— М., 1970, с. 338.

⁴⁹ ASF, Esteri, b. 2514, carteggio col console Toscana a Odesa, lettera di 13(1) marzo 1821.

⁵⁰ *Ibid.*, proclamation, 1821, 23 fev.

⁵¹ L'Antologia (Firenze), 1821, set., p. 452.

⁵² *Ibid.*, p. 484—485.

⁵³ Оксман Ю. Одесские вольнодумцы.— *Былое*, 1923, № 21, с. 49—56; Рух декабристів на Україні.— *Х.*, 1926, с. 161—163.

⁵⁴ Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа: Полит. соч. Письма.— М., 1963, с. 221.

⁵⁵ Вопрос об откликах российской прессы на события в Италии рассмотрен в литературе в контексте изучения публикаций о революциях 1820—1821 гг. в различных странах.— См.: Орлик О. В. Декабристы и европейское освободительное движение.— М., 1975, с. 11—14; Орлик О. В. Русская печать о революциях в Западной Европе 20-х годов XIX в.— В кн.: Проблемы истории русского освободительного движения и исторической науки. М., 1981, с. 20—22.

⁵⁶ Восстание декабристов: Материалы. М.; Л., 1926, т. 5, с. 302.

⁵⁷ Зак Л. А. Монархи против народов, с. 316—318.

⁵⁸ Моск. ведомости, 1820, 7 авг., 10 нояб.

⁵⁹ ВПР, т. 5(13), с. 759.

⁶⁰ Моск. ведомости, 1825, 19 дек.

⁶¹ Восстание декабристов: Документы. М., 1954, т. 11, с. 37.

⁶² Декабристы: Отрывки из источников.— М.; Л., 1926, с. 112.

⁶³ Рус. архив, 1875, кн. 3, с. 402.

⁶⁴ Восстание декабристов: Материалы. М., 1958, т. 7, с. 152.

⁶⁵ Цит. по: Сыроечковский Б. Е. Балканская проблема в политических планах декабристов.— В кн.: Очерки по истории движения декабристов. М., 1954, с. 204.

⁶⁶ Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955, т. 1, с. 339.

⁶⁷ ВПР, т. 4(12), с. 686.

⁶⁸ Подробнее об этом см.: Ковальская М. И. Движение карбонариев в Италии, с. 231—235.

⁶⁹ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951, т. 1, с. 504.

⁷⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 т. Л., 1977, т. 2, с. 40.

⁷¹ Там же, т. 8, с. 16.

⁷² Восстание декабристов, т. 5, с. 307.

⁷³ Восстание декабристов: Материалы. М., 1950, т. 9, с. 88.

⁷⁴ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 2, с. 161.

⁷⁵ Поджио А. Записки декабриста.— М., 1930, с. 88.

⁷⁶ Восстание декабристов. Л., 1925, т. 4, с. 91.

⁷⁷ Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов.— Киев, 1906, с. 28.

⁷⁸ Поджио А. Записки декабриста, с. 59.

⁷⁹ Восстание декабристов, т. 11, с. 353.

⁸⁰ Там же, т. 5, с. 414.

⁸¹ Подробно о распространении этого произведения см.: Россия и Италия, с. 55—56.

⁸² Восстание декабристов, т. 5, с. 477.

⁸³ Известные ранее и вновь обнаруженные свидетельства о Джильи наиболее полно прокомментированы в кн.: Ковальская М. И. Движение карбонариев в Италии, с. 196—199.

⁸⁴ Восстание декабристов. М., 1950, т. 9, с. 14, 38, 87, 88, 151.

⁸⁵ Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов, с. 366—367.

⁸⁶ Берти Дж. Россия и итальянские государства..., с. 380, 382 и др.

⁸⁷ *Risaliti R. Studi sui rapporti italo-russi (coi «Ricordi di viaggi» inediti di Luigi Serristori).*— Pisa, 1972, p. 10, 61.

⁸⁸ Ленин В. И. Доклад о революции 1905 г.— Полн. собр. соч., т. 30, с. 298.

⁸⁹ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 2, с. 452.

⁹⁰ Берти Дж. Россия и итальянские государства..., с. 380, 382 и др.

янские государства..., с. 427 — 429.

⁹¹ ASN, Esteri, consolato di Odessa, b. 7134, p. 1.

⁹² ASR, Miscellanea di carte politiche e riservate, b. 72, f. 2343, 2344, 2348 etc.

⁹³ Вопрос о роли итальянской прессы в освещении восстания 26 декабря 1825 г. тесно связан с выяснением того, какими сведениями располагало и как формировалось общественное мнение в Италии относительно движения декабристов. В данном исследовании делается попытка рассмотреть этот неразработанный аспект истории общественных связей.

⁹⁴ ASR, Miscellanea di carte politiche e riservate, b. 72, f. 2378.

⁹⁵ Щедрин С. Письма.— М., 1976, с. 111.

⁹⁶ Освободительные движения народов Австрийской империи.— М., 1980, с. 236.

⁹⁷ Цит. по: Дебидур А. Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса (1814—1878). М., 1947, т. 1, с. 213.

⁹⁸ Шильдер Н. К. Император Николай I: Его жизнь и царствование. Спб, 1903, т. 1, с. 341—342.

⁹⁹ Бунт декабристов.— Л., 1926, с. 286.

¹⁰⁰ Gazzetta di Milano, 1826, 16 gen.

¹⁰¹ Санкт-Петербург. ведомости, 1825, 15 дек.

¹⁰² Gazzetta di Milano, 1826, 12 feb.

¹⁰³ Санкт-Петербург. ведомости, 1826, 12 янв.

¹⁰⁴ Gazzetta di Milano, 1826, 25 feb., 1 marzo.

¹⁰⁵ Ibid., 7 ag.

¹⁰⁶ Ibid., 3 marzo.

¹⁰⁷ Ibid., 7, 8 ag.

¹⁰⁸ Ibid., 5 ag.

¹⁰⁹ Ibid., 3, 4, 5 e 6 set.

¹¹⁰ Ibid., 25 feb.

¹¹¹ Ibid., 14 giugno.

¹¹² Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг.: Сб. документов.— М., 1961, с. 36—48.

¹¹³ Семеновский В. И. Полити-

ческие и общественные идеи декабристов, с. 367.

¹¹⁴ Цит. по: Берти Дж. Россия и итальянские государства..., с. 432.

¹¹⁵ Ланда С. С. Дух революционных преобразований...— М., 1975, с. 184—185.

¹¹⁶ Mazzini G. SEI, vol. 2, p. 284.

¹¹⁷ Della Peruta F. Mazzini e i rivoluzionari italiani.— Milano, 1974, p. 91—157.

¹¹⁸ Северная пчела, 1834, 24 февр.

¹¹⁹ Моск. ведомости, 1834, 24 февр.

¹²⁰ Там же, 7 апр.

¹²¹ Там же, 10 марта, 18 апр.

¹²² Гарибальди Дж. Мемуары.— М., 1966, с. 21.

¹²³ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 442, оп. 784, д. 202, л. 1 об.

¹²⁴ Там же, лл. 1об., 2об., 8.

¹²⁵ ASR, Direzione generale di polizia, protocollo segreto, b. 118.

¹²⁶ Невлер (Вилин) В. Е. Демократические силы в борьбе за объединение Италии, 1831—1860.— М., 1982, с. 81—82 и др.

¹²⁷ Della Peruta F. Op. cit., p. 178.

¹²⁸ Mazzini G. SEI, vol. 9, p. 287.

¹²⁹ Lukaszewicz W. Filippo Mazzei, Giuseppe Mazzini: Saggi sui rapporti italo-polacchi.— Wroclaw..., 1970, p. 17.

¹³⁰ Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. М., 1956, т. 2, с. 222.

¹³¹ Mazzini G. SEI, vol. 7, p. 12.

¹³² Ibid., vol. 6, p. 312.

¹³³ Ibid., App. Ep., vol. 1, p. 198.

¹³⁴ Łukaszewicz W. Wpływ masonerii, karbonaryzmu i Józefa Mazziniego na polską myśl rewolucyjną w latach poprzedzających wiosnę ludów.— Wiosna ludów w Europie. Warszawa, 1951, cz. 2, s. 293—294.

¹³⁵ Mazzini G.— SEI, vol. 10, p. 424.

¹³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. О польском вопросе: Речь на торжеств. собрания в Брюсселе,

посвящ. 2-й годовщине краковского восстания 1846 г., 22 февр. 1848 г.— Соч. 2 изд., т. 4, с. 492.

¹³⁷ *Сергієнко Г. Я.* Суспільно-політичний рух на Україні після повстання декабристів.— К., 1971, с. 121; История Украинской ССР, т. 4, с. 127.

¹³⁸ *Mazzini G.* SEI, vol. 10, p. 361, vol. 11, p. 63.

¹³⁹ *Della Peruta F.* Op. cit., p. 168. Ряд аспектов международных идейных взаимовлияний исследовал также В. Е. Невлер, рассмотрев программу «Молодой Италии» и прокламацию студенческого кружка Московского университета «Молодая Россия» (1862 г.). Являясь порождением эпохи падения крепостного права в России, прокламация в то же время несла на себе следы идейных исканий разночинских революционеров, их стремления опереться на итальянский опыт.— Вопросы истории, 1972, № 7, с. 73—76.

¹⁴⁰ *Mazzini G.* SEI, vol. 4, p. 3—6.

¹⁴¹ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 470, оп. 1, д. 181, лл. 58—59.

¹⁴² ГАКО, ф. 2, оп. 2, д. 6707, лл. 9об.—10.

¹⁴³ Цит. по: *Смирнов А. Ф.* Революционные связи народов России и Польши. 30—60-е годы XIX века.— М., 1962, с. 104.

¹⁴⁴ *Mazzini G.* SEI, vol. 2, p. 274.

¹⁴⁵ *Ibid.*, App. Ep., vol. 1, p. 194.

¹⁴⁶ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 470, оп. 1, д. 181, л. 60.

¹⁴⁷ *Mazzini G.* SEI, vol. 2, p. 47.

¹⁴⁸ *Ibid.*, vol. 4, p. 3, 4.

¹⁴⁹ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 470, оп. 1, д. 181, л. 57. Анализ плана будущего государственного устройства, изложенного в уставе «Содружества», см.: *Сергієнко Г. Я.* Суспільно-політичний рух на Україні... с. 132—134.

¹⁵⁰ *Mazzini G.* SEI, vol. 2, p. 52.

¹⁵¹ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 470, оп. 1, д. 181, л. 53.

¹⁵² *Mazzini G.* SEI, vol. 9, p. 64; vol. 7, p. 193, 197.

¹⁵³ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 470, оп. 1, д. 181, л. 54.

¹⁵⁴ *Невлер В. Е.* Мадзини и «Молодая Европа».— Вопр. истории, 1972, № 7, с. 75.

¹⁵⁵ *Маркс К.* Манифест Мадзини.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд., т. 13, с. 381.

¹⁵⁶ *Маркс К.* Мадзини и Наполеон.— Там же, т. 12, с. 435.

¹⁵⁷ ЦГАОР СССР, ф. 109, I экспед., 1833 г., д. 390, л. 1.

¹⁵⁸ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 442, оп. 785, д. 2, лл. 244, 239об.

¹⁵⁹ Там же, оп. 784, д. 165, лл. 4, 4об., 11—11об.

¹⁶⁰ Там же, оп. 786, д. 88, лл. 1, 14—14об., 15об.—16.

¹⁶¹ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 442, оп. 785, д. 162, лл. 1, 3, 4об.

¹⁶² *Dizionario del Risorgimento nazionale.* Milano, 1930, vol. 2, p. 89—90.

¹⁶³ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 442, оп. 783, д. 88, лл. 1, 7—7об., 65.

¹⁶⁴ Рух декабристів на Україні, с. 157.

¹⁶⁵ *Mazzini G.* SEI, vol. 4, p. 206.

¹⁶⁶ ГАКО, ф. 2, оп. 3, д. 6201, лл. 4, 4об., 35об.

¹⁶⁷ Там же, д. 6555, лл. 12об., 13об., 14, 14об., 16об.; д. 6173, л. 5.

¹⁶⁸ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 293, оп. 1, д. 1, л. 20.

¹⁶⁹ Там же, ф. 442, оп. 195, д. 674, л. 2.

¹⁷⁰ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 442, оп. 195, д. 674, лл. 8, 8об., 12, 13, 15об., 16.

¹⁷¹ Киев. губерн. ведомости, 1939, 5 мая, прибавление к № 18.

¹⁷² *Mazzini G.* SEI, vol. 19, p. 9.

¹⁷³ *Ibid.*, vol. 25, p. 213, 214.

¹⁷⁴ *Ibid.*, p. 207.

¹⁷⁵ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 69.

¹⁷⁶ Там же, т. 2, с. 494.

- 177 *Вяземский П. А.* Записные книжки.— М., 1963, с. 82, 230.
- 178 *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 89.
- 179 *Там же*, с. 175.
- 180 *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : В 10-ти т. Л., 1978, т. 7, с. 322—323.
- 181 *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 88—89.
- 182 *Герцен А. И.* Собр. соч., т. 21, с. 32.
- 183 *Вяземский П. А.* Записные книжки, с. 230, 82.
- 184 Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива.— Рус. архив, 1866, с. 503.
- 185 *Mazzini G.* SEI, vol. 12, p. 231.
- 186 ЦГИА УССР в Киеве, ф. 442, оп. 789а, д. 427, лл. 1 об., 73.
- 187 Николай Матвеевич Кантакузин (в деловых бумагах употребляется иное написание его фамилии — Кантакузен) — брат одного из вождей греческой этерпии — Георгия Кантакузина, дом которого в Кишиневе посещал Пушкин. С 1790 г. Н. М. Кантакузин паходился на русской службе, командовал бугскими козаками и участвовал в боях против османского владычества на Балканах.
- 188 ЦГИА УССР в Киеве, ф. 442, оп. 789а, д. 427, лл. 73—73об., 114об., 138.
- 189 *Там же*, лл. 86, 87.
- 190 *Там же*, оп. 788а, д. 392, л. 126.
- 191 *Там же*, оп. 789а, д. 427, л. 230.
- 192 *Там же*, оп. 788а, д. 392, л. 127.
- 193 *Там же*, д. 391, л. 286; д. 392, л. 209об.
- 194 *Невлер (Вилин) В. Е.* Даниэле Манин и Венецианская республика, 1848—1849.— М., 1978, с. 158, 162—163, 222—223 и др.
- 195 *Верди Дж.* Избранные письма.— Л., 1973, с. 42.
- 196 *Маркс К., Энгельс Ф.* Гражданам, членам временного правительства Французской республики.— Соч. 2 изд., т. 4, с. 537.
- 197 *Маркс К.* Иоахиму Лелевелю.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2 изд., т. 30, с. 360—361.
- 198 *Маркс К.* Письмо редактору газеты «Alba».— *Там же*, т. 5, с. 4.
- 199 *Маркс К., Энгельс Ф.* Внешняя политика Германии.— *Там же*, с. 162.
- 200 *Невлер (Вилин) В. Е.* Демократические силы в борьбе за объединение Италии, с. 106.
- 201 *Mazzini G.* SEI, vol. 25, p. 77.
- 202 *Ibid.*, p. 233, 237.
- 203 *Ibid.*, vol. 26, p. 15.
- 204 *Lasorsa C.* Pagine di slavistica italiana: Carlo Tenca e «Il Crepuscolo».— Roma, 1979, p. 11.
- 205 *La Rivista europea (Milano)*, 1947, luglio, p. 52.
- 206 *Lasorsa C.* Op. cit., p. 12.
- 207 *La Rivista europea*, 1847, luglio, p. 54, 62—64.
- 208 ABMRM, archivio Tenca, cart. 5, fasc. 11, foglio 27.
- 209 *La Rivista europea*, 1847, luglio, p. 65.
- 210 ABMRM, archivio Tenca, cart 5, fasc. 9, foglio 10.
- 211 *Ibid.*, fasc. 11, fog. 26.
- 212 *Ibid.*, foglio 14.
- 213 *La Rivista europea*, 1847, luglio, p. 65.
- 214 *Ibid.*, p. 61.
- 215 ABMRM, archivio Tenca, cart. 5, fasc. 11, fogli 12, 20.
- 216 *Ibid.*, fasc. 9, fogli 17—18.
- 217 *Ibid.*, fogli 22—23.
- 218 *La Concordia (Torino)*, 1849, 2 giugno.
- 219 *Ibid.*
- 220 *Gazzetta privilegiata di Venezia*, 1847, 7 maggio.
- 221 *Gazzetta privilegiata di Milano*, 1847, 19 ag.
- 222 ASR, supplemento al N 245 Della Concordia, 1848, 15 ot.
- 223 Museo scientifico, letterario ed artistico (Torino), 1848, N 29, 22 luσ., p. 225.
- 224 *Ibid.*, N 47, p. 376.
- 225 *Giusti W.* Carlo Cattaneo di fronte all'Austria e al mondo slavo.— Trieste, 1958, p. 16.
- 226 *Batowski H.* Legion Mickiewicza w kampanii włosko-austria-

skiej 1848 roku.— Warszawa, 1956, s. 57—60, 64—65.

²²⁷ *Энгельс Ф.* Освободительная борьба Италии и причины ее теперешней неудачи.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд., т. 5, с. 391.

²²⁸ *Канделоро Дж.* Католическое движение в Италии.— М., 1955, с. 86.

²²⁹ История Украинской ССР, т. 4, с. 184—185.

²³⁰ *Шашкевич М. С., Вагилевич И. М., Головацкий Я. Ф.* Твори.— К., 1982, с. 188, 317.

²³¹ Записки архимандрита Владимира Терлецкого, бывшего греко-унитатского миссионера.— Рус. старина, 1889, сент., с. 565.

²³² Рус. старина, 1891, июль, с. 586.

²³³ *Шашкевич М. С., Вагилевич И. М., Головацкий Я. Ф.* Твори, с. 317.

²³⁴ *Косачевская Е. М.* Восточная Галиция накануне и в период революции 1848.— Львов, 1965, с. 110.

²³⁵ Зоря Галицка, 1848, 15 серп.

²³⁶ Революция 1848—1849. М., 1952, т. 1, с. 377.

²³⁷ *Нифонтов А. С.* Россия в 1848 году.— М., 1949, с. 88—89.

²³⁸ *Il Progresso (Torino)*, 1848, 18 marzo.

²³⁹ *Il Corriere mercantile (Torino)*, 1849, 26 feb.

²⁴⁰ *Venturi F.* Esuli russi in Piemonte dopo il '48.— Torino, 1959, p. 15, 16.

²⁴¹ *La Concordia*, 1849, 7 marzo, 6 giugno.

²⁴² *Ibid.*, 21 marzo.

²⁴³ *Ibid.*, 22 marzo.

²⁴⁴ *Ibid.*, 24 marzo.

²⁴⁵ *Ibid.*, 6 giugno.

²⁴⁶ *Ciampini R.* Vita di Niccolò Tommaseo.— Firenze, 1945, p. 532, 533.

²⁴⁷ *Невлер (Вилин) В. Е.* Даниэле Манини..., с. 281—282, 306.

²⁴⁸ *Fratellanza dei popoli (Venezia)*, 1849, 1 apr., p. 2, 6.

²⁴⁹ *Ibid.*, p. 4, 5.

²⁵⁰ *Ibid.*, 29 apr., p. 66.

²⁵¹ Raccolta per ordine cronologico di tutti gli atti, decreti, no-

mine egg. del Governo provv. della Repubblica Veneta.— Venezia, 1848, t. 1, p-te 1, p. 379.

²⁵² *Gazzetta di Venezia*, 1849, 4 feb.

²⁵³ *Ibid.*, 5 feb.

²⁵⁴ *Ibid.*, 6 marzo.

²⁵⁵ Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. М., 1956, т. 2, с. 336.

²⁵⁶ Литературное наследство. М., 1956, т. 63, с. 381—382.

²⁵⁷ *Там же*, т. 62, с. 67.

²⁵⁸ *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. М., 1952, т. 13, с. 408.

²⁵⁹ *Герцен А. И.* Собр. соч., 1961, т. 23, с. 67.

²⁶⁰ *Там же*, т. 5, с. 113, 115.

²⁶¹ *Там же*, т. 23, с. 90.

²⁶² *L'Erosa (Roma)*, 1848, 9 maggio.

²⁶³ *Герцен А. И.* Собр. соч., т. 6, с. 517.

²⁶⁴ *Там же*, с. 192, 216.

²⁶⁵ *Там же*, с. 235.

²⁶⁶ Летопись жизни и творчества А. И. Герцена, 1812—1850.— М., 1974, с. 579.

²⁶⁷ Одесский вестник, 1851, 3 марта, 30 мая.

²⁶⁸ *Герцен А. И.* Собр. соч., т. 20, кн. 1, с. 51, 50.

²⁶⁹ *Ковалевский Е.* Четыре месяца в Черпогории.— Спб., 1841, с. 40.

²⁷⁰ ГПБ, ф. 356, ед. хр. 97, лл. 17, 31 и др.

²⁷¹ «Как старшего брата, как твердого, испытанного судьбою друга» характеризовал Е. П. Ковалевского в своем письме к нему А. И. Пальм 14 декабря 1845 г.— ГПБ, ф. 356, ед. хр. 299, л. 1.

²⁷² *Ковалевский П. М.* Встречи на жизненном пути.— Ист. вестн., 1888, февр., с. 385.

²⁷³ ГПБ, ф. 356, ед. хр. 356, лл. 30об., 4—4об., 6.

²⁷⁴ *Ковалевский Е.* Путешествие во внутреннюю Африку.— Спб., 1849, ч. 2, с. 125.

²⁷⁵ ГПБ, ф. 356, ед. хр. 97, л. 36об. и др.

²⁷⁶ *Ковалевский Е. П.* Собр. соч. Спб., 1872, т. 4, с. 185—186.

²⁷⁷ *Там же*, с. 186, 187, 189.

²⁷⁸ *Там же*, с. 189.

- 279 ЦГИА УССР в Києве, ф. 442, оп. 798, д. 154, лл. 62, 73об., 74.
- 280 Там же, д. 157, л. 2—2об.
- 281 Там же, д. 154, л. 153, 153об.
- 282 Там же, л. 64—64об.
- 283 Шевченко Т. Г. Повне зібр. творів: В 6-ти т. К., 1964, т. 2, с. 96.
- 284 ЦГИА УССР в Києве, ф. 442, оп. 798, д. 154, л. 164.
- 285 Там же, д. 157, лл. 79, 80, 85об.
- 286 Там же, д. 154, лл. 93, 93об., 165.
- 287 Там же, д. 157, л. 13.
- 288 Там же, лл. 56об., 57.
- 289 Там же, л. 171.
- 290 Павловский И. Ф. О мнимо́й агитации в Южной Руси и объявлении важных тайн (в первой половине XIX ст.).— В кн.: Труды Полтавской ученой архивной комиссии. Полтава, 1912, с. 10. Отт.
- 291 ЦГИА УССР в Києве, ф. 442, оп. 798, д. 153, л. 24об.
- 292 Там же, лл. 378—379.
- 293 Там же, л. 351.
- 294 Там же, лл. 314, 322.
- 295 Там же, д. 463, лл. 137, 274, 285—285об., 292об.
- 296 Там же, лл. 47, 140, 141об.
- 297 Там же, оп. 799, д. 44, лл. 49, 121, 162.
- 298 Там же, оп. 798, д. 67, л. 8.
- 299 Там же, д. 436, лл. 4—76.
- 300 ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 экспед., оп. 1, 1848, д. 324, лл. 1—2об., 4—5.
- 301 Одесский вестник, 1852, 23 апр.
- 302 Труды слушательниц Одесских высших женских курсов. Одесса, 1911, т. 1, вып. 2, с. 215.
- 303 Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания.— М., 1959, с. 62—63.
- 304 Там же, с. 81—82.
- 305 ЦГИА УССР в Києве, ф. 293, оп. 1, д. 1, лл. 166об., 168об., 170об.
- 306 Нифонтов А. С. Россия в 1848 году, с. 229—237.
- 307 ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 экспед., оп. 1, 1848, д. 25, ч. 6, лл. 1, 2, 5, 5об., 8.
- 308 Там же, лл. 11, 16об.
- 309 Одес. вестник, 1848, 29 дек., 19 нояб.
- 310 Маркс К. Революционное движение в Италии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд., т. 6, с. 82.
- 311 Никитенко А. В. Дневник. М., 1955, т. 1, с. 326.
- 312 Маркс К., Энгельс Ф. Провозглашение республики в Риме.— Соч. 2 изд., т. 6, с. 330.
- 313 Одесский вестник, 1848, 4, 8 дек.
- 314 Там же, 11, 25 дек.; 1849, 19 янв.
- 315 Маркс К., Энгельс Ф. Революционное движение в Италии.— Соч. 2 изд., т. 6, с. 85.
- 316 Одес. вестник, 1849, 26 янв., 12 февр.
- 317 Там же, 19 февр.
- 318 Там же, 23 февр., 9 марта.
- 319 Невлер (Вилин) В. Е. Демократические силы в борьбе за объединение Италии, с. 199.
- 320 Одес. вестник, 1849, 26 февр., 3 и 16 марта, 9 апр.
- 321 Там же, 19 марта.
- 322 Там же, 11 мая.
- 323 Там же, 14 мая, 18 мая.
- 324 Пантелеев Л. Ф. Воспоминания.— М., 1958, с. 524.
- 325 Герцен А. И. Собр. соч., т. 11, с. 257.
- 326 Одес. вестник, 1848, 9 дек.; 1849, 16 февр.
- 327 Там же, 1849, 25 мая, 15 июня.
- 328 Маркс К., Энгельс Ф. Вопрос об объединении Италии.— Соч. изд. 2, т. 13, с. 170.
- 329 Энгельс Ф. Роль насилия в истории.— Там же, т. 21, с. 430.
- 330 Одес. вестник, 1849, 29 июня.
- 331 Там же, 13 июля, 16 июля.
- 332 Там же, 20 июля, 27 июля.
- 333 Шевченко Т. Г. Повне зібр. творів: В 6-ти т. К., 1964, т. 1, с. 262.
- 334 Сергієнко Г. Я. Т. Г. Шевченко і Кирило-Мефодіївське товариство.— К., 1983, с. 89.
- 335 Одес. вестник, 1850, 5 апр., 3 мая.

³³⁶ Там же, 1849, 24 септ.; 1850, 5 июля.

³³⁷ Там же, 1849, 14 мал, 20 июля, 23 июля, 20 авг.

³³⁸ Там же, 1849, 26 февр.

³³⁹ Там же, 20 апр., 3 авг.

³⁴⁰ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 356, оп. 1, д. 4, л. 2.

К части II

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии.— Соч. 2 изд., т. 4, с. 428.

² *Mazzini G.* SEI, vol. 7, p. 191.

³ *Ibid.*, v. 1, p. 219.

⁴ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 44—45.

⁵ Там же, т. 9, с. 61, 70.

⁶ *Шевченко Т. Г.* Повне зібр. творів: В 6-ти т., т. 1, с. 334.

⁷ *Шильдер Н. К.* Император Николай I: Его жизнь и царствование. Спб., 1909, т. 1, с. 466.

⁸ Цит. по: *Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.— Спб., 1908, с. 46.

⁹ *Батюшков К. Н.* Сочинения, т. 3, с. 540.

¹⁰ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 442, оп. 798, д. 67, л. 33—33об.

¹¹ Русский драматический театр.— М., 1976, с. 112.

¹² *Герцен А. И.* Собр. соч., т. 2, с. 241.

¹³ ЦГИА СССР, ф. 780, оп. 1, д. 57, лл. 7, 16.

¹⁴ ASN, Esteri, anno 1848, b. 1714.

¹⁵ *Хозловкина А.* Западноевропейская опера: Очерки.— М., 1962, с. 264.

¹⁶ ASF, Presidenza del Buon Governo, f. 370, affari 103, anno 1841.

¹⁷ *Enciclopedia della musica.* Milano, 1972, vol. 2, p. 216.

¹⁸ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 642.

¹⁹ *Cicognara L.* Dell'origine composizione e decomposizione dei nielli.— Venezia, 1827, p. 7.

²⁰ *L'Antologia (Firenze),* 1828, ag., p. 20.

²¹ *Боровой С. Я.* Книги в Одессе в первой половине XIX в.— Книга: Исслед. и материалы, 1967, сб. 14, с. 152.

²² Украинский журнал (Харь-

ков), 1824, № 10, с. 187; 1825, № 6, с. 380—382, № 19/20, с. 37.

²³ Одес. вестник, 1852, 5 янв.

²⁴ *Ruschkin A.* Il prigionero del Caucaso.— Odessa, 1837.

²⁵ Одес. вестник, 1837, 11 авг.

²⁶ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951, т. 1, с. 271.

²⁷ *Герцен А. И.* Собр. соч., т. 2, с. 51.

²⁸ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 58.

²⁹ *Della Peruta F.* Mazzini e i rivoluzionari italiani, p. 271.

³⁰ Украинский вестник (Харьков), 1819, кн. 4, с. 99—100; *Квітка-Основ'яненко Г. Ф.* История театра в Харькове.— Зібр. творів: В 7-ми т. К., 1981, т. 7, с. 99.

³¹ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 392—393.

³² *Квітка-Основ'яненко Г. Ф.* Зібр. творів: В 7-ми т., т. 6, с. 369.

³³ Северная почта (Петербург) 1819, 1 окт.

³⁴ Моск. ведомости, 1820, 7 и 21 апр.

³⁵ *Алексеев М. П.* Из музыкальной жизни русской провинции первой половины XIX в.— В кн.: История русской музыки в исследованиях и материалах. М., 1924, вып. 1, с. 32—39.

³⁶ Санкт-Петербург. ведомости, 1836, 28 мая.

³⁷ ГАКО, ф. 2, оп. 3, д. 7494, л. 172.

³⁸ Киев. губерн. ведомости, 1846, 5 апр.

³⁹ Моск. ведомости, 1845, 15 нояб.

⁴⁰ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 442, оп. 194, д. 63, лл. 261, 261об., 266.

⁴¹ Український драматичний театр. К., 1967, т. 1, с. 78.

⁴² Там же, с. 74.

- ⁴³ Н. Ч. Очерки по истории оперы в Харькове.— Южный край (Харьков), 1884, 11 дек.
- ⁴⁴ Волынские губерн. ведомости (Житомир), ч. неофиц., 1846, 15 июня.
- ⁴⁵ Гребенка Е. Опера в Лубнах.— Иллюстрация (Петербург), 1845, 15 дек.
- ⁴⁶ Міклашевський Й. М. Музична театральна культура Харкова кінця XVIII — першої половини XIX ст.— К., 1967, с. 90.
- ⁴⁷ Полтавские губерн. ведомости, неофиц. ч., 1847, 8 февр.; 1849, 4 мая.
- ⁴⁸ Ливанова Т. Н. Оперная критика в России. М., 1967, т. 1, вып. 2, с. 58.
- ⁴⁹ Аглая (Москва), 1812, май, с. 12; Из прошлого Одессы.— Одесса, 1894, с. 36.
- ⁵⁰ Лернер О. М. Одесская старина.— Одесса, 1902, с. 17.
- ⁵¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т.— 4-е изд. Л., 1978, т. 5, с. 178.
- ⁵² Репертуар одесского театра.— Одес. вестник, 1840, 6 апр.
- ⁵³ В 1848 г. вождь итальянских республиканцев Мадзини писал Верди: «То, что я и Гарибальди делаем в политике, что наш общий друг А. Мадзони делает в поэзии, то Вы делаете в музыке. Теперь, как никогда, Италия пуждается в Вашей музыке».— 25 оперных шедевров. М., 1980, с. 54.
- ⁵⁴ Journal d'Odesso, 1846, 26 авг.
- ⁵⁵ Из прошлого Одессы, с. 39.
- ⁵⁶ Одес. вестник, 1849, 29 янв.
- ⁵⁷ Там же, 1850, 4 янв.
- ⁵⁸ Там же, 1851, 8 авг.
- ⁵⁹ Там же, 1850, 7 и 28 окт.
- ⁶⁰ Там же, 1851, 17 февр.
- ⁶¹ Enciclopedia della musica, 1972, vol. 1, p. 390.
- ⁶² Одес. вестник, 1850, 18 окт.
- ⁶³ Новороссийский телеграф (Одесса), 1870, 3(15) мая.
- ⁶⁴ Цит. по: Лернер О. М. Одесская старина, с. 20.
- ⁶⁵ Зеленецкий К. Жизнь в Одессе.— В кн.: Одесский альманах на 1839 год. Одесса, 1839, с. 186.
- ⁶⁶ Одес. вестник, 1858, 30 янв.
- ⁶⁷ Из прошлого Одессы, с. 196—197.
- ⁶⁸ Декабристы на Україні. К., 1930, т. 2, с. 129.
- ⁶⁹ Одесский альманах на 1839 год, с. 185.
- ⁷⁰ Одес. вестник, 1850, 13 дек.
- ⁷¹ Там же, 1852, 19 янв.
- ⁷² Из прошлого Одессы, с. 386.
- ⁷³ Одес. вестник, 1829, 6 февр., 29 июня.
- ⁷⁴ Одесский альманах на 1839 год, с. 185.
- ⁷⁵ ASR, Camerlengato, b. 333, fasc. 993, consolato Pontificio in Odessa — a Camerlengato, 1843, 17 marzo.
- ⁷⁶ Харьковские губерн. ведомости, 1847, 12 апр.
- ⁷⁷ Одес. вестник, 1848, 22 дек.; 1849, 26 февр.
- ⁷⁸ Там же, 1851, 17 марта.
- ⁷⁹ Северная пчела, 1832, 13 окт.
- ⁸⁰ Провинциальные театры в России.— Пантеон (Петербург), 1853, т. 8, с. 2.
- ⁸¹ Рус. инвалид, 1818, 5 янв.
- ⁸² Одес. вестник, 1848, 22 дек.
- ⁸³ Там же, 1850, 13 дек.
- ⁸⁴ Харьковские губерн. ведомости, 1840, прил. к № 33, 24 авг.; прил. к № 34, 31 авг.
- ⁸⁵ ГАКО, ф. 2, оп. 1, д. 21328, л. 17.
- ⁸⁶ Одес. вестник, 1852, 30 янв., 16 апр.
- ⁸⁷ Цит. по: Вестник Европы, 1824, март—апр., с. 158—159.
- ⁸⁸ Всеволожский Н. С. Путешествие через южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836—1837 годах. М., 1839, т. 1, с. 92.
- ⁸⁹ Gazzetta musicale di Milano.— In: Enciclopedia della musica. 1972, vol. 3, p. 100.
- ⁹⁰ Teatri, arti e letteratura (Bologna), 1851, 31 mag., p. 93.
- ⁹¹ Ibid., 21 giugno, p. 116.

⁹² *Ibid.*, 26 giugno, p. 125—126.

⁹³ *Ibid.*, 18 set., p. 18.

⁹⁴ *Ibid.*, 26 giugno, p. 127; 25 set., p. 29.

⁹⁵ *Ibid.*, 1852, 19 feb., p. 208.

⁹⁶ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 442, оп. 194, д. 67, л. 63.

⁹⁷ Там же, оп. 197, д. 142, л. 169об.

⁹⁸ ГПБ, ф. 816, оп. 3, ед. хр. 2475, лл. 2об., 3.

⁹⁹ Там же, лл. 19об., 30об.

¹⁰⁰ Глинка М. Полн. собр. соч. М., 1973, т. 1, с. 246.

¹⁰¹ ГПБ, ф. 816, оп. 3, ед. хр., 2475, л. 60.

¹⁰² Глинка М. Полн. собр. соч. М., 1975, т. 2а, с. 40.

¹⁰³ Teatri, arti e letteratura (Bologna), 1832, N 436.

¹⁰⁴ *Mazzini G.* Filosofia della musica.— SEI, vol. 8, p. 119—165. См. также перевод этой работы в кн.: *Мадзини Дж.* Эстетика и критика.— М., 1975, с. 229—264.

¹⁰⁵ *Mazzini G.* SEI, vol. 8, p. 162.

¹⁰⁶ *Анненков П. В.* Парижские письма.— М., 1983, с. 21.

¹⁰⁷ *Бушен А. Д.* Верди и его переписка.— Верди Дж. Избранные письма, с. 7.

¹⁰⁸ Цит. по: Пантеон русского и всех европейских театров, 1840, № 3, с. 127—128.

¹⁰⁹ Репертуар русского и пантеон всех европейских театров, 1842, кн. 17, с. 29.

¹¹⁰ Journal d'Debats (Paris), 1845, 16 avr.

¹¹¹ ГПБ, ф. 816, оп. 3, ед. хр. 2476, л. 1.

¹¹² La Concordia, 1849, 31 gen.

¹¹³ *Чайковский П. И.* Музыкально-критические статьи.— М., 1953, с. 130.

¹¹⁴ Театр (Київ), 1840, № 1, с. 31.

¹¹⁵ *Кауфман Л. С. С.* Гулак-Артемовский.— К., 1962, с. 19.

¹¹⁶ Письма из заграницы русского певца Михайлова-Остроумова (1839—41 гг.)— В кн.: Музыкальная старина: Сб. ст. и материалов для истории музыки в России. Спб., 1903, вып. 2, с. 160.

¹¹⁷ Там же, с. 161—163, 164.

¹¹⁸ Enciclopedia della musica, 1972, vol. 5, p. 249.

¹¹⁹ ГПБ, ф. 124, ед. хр. 4917, л. 4об.

¹²⁰ В зарубежной, в том числе итальянской, литературе пребывание Гулака-Артемовского в Италии изображается лишь как период его учебы. Так, в частности, дает о нем справку капитальное издание — римская девятитомная театральная энциклопедия.— Enciclopedia dello spettacolo. Roma, 1954, vol. 1, p. 298.

¹²¹ ASF, Presidenza del Buon Governo, f. 370, affare 94, anno 1841. Elenco della compagna di canto per l'le. R. Teatro. Leopoldo.

¹²² *Ibid.*, Alessandro Lanari asente il rappresentante l'impresa a presidente del Buon Governo di Toscana.

¹²³ Репертуар русского и пантеон всех европейских театров, 1842, кн. 17, с. 30.

¹²⁴ Gazzetta di Firenze, 1841, 10 apr.

¹²⁵ ASF, Presidenza di Buon Governo, f. 370, affare 103, commissariato S. Croce — a commissariato R. di Firenze, 1841, 10 luglio.

¹²⁶ Gazzetta di Firenze, 1841, 3 giugno.

¹²⁷ ASF, Presidenza di Buon Governo, f. 370, affare 94, manifesto «Il Firenze nell'I. e. R. teatro Leopoldo posto in via dei Cerni l'estato 1841».

¹²⁸ Gazzetta di Firenze, 1841, 24 luglio.

¹²⁹ ASF, Presidenza del Buon Governo, f. 370, affare 103, Simeone Artemovsky — a presidente del Buon Governo, 1841, 2 ag.

¹³⁰ *Ibid.*, commissariato S. Croce — a commissariato P. di Firenze, 1841, 7 ag.

¹³¹ Gazzetta di Firenze, 1841, 26 ag.

¹³² Оперы с аналогичным названием в XIX в. писали и другие авторы, в том числе Мерканданте. Это послужило источником неправильных сведений, проникших в публикации о Гулаке-Артемовском. См.: *Кауфман Л.*

- С. С. Гулак-Артемовский, с. 22; *Кауфман Л.* Семен Гулак-Артемовский. — Киев, 1981, с. 16; и др.
- ¹³³ *Mazzini G.* Note autobiografiche. — Firenze, 1944, p. 17.
- ¹³⁴ *Dizionario del Risorgimento nazionale.* Milano, 1933, vol. 3, p. 503.
- ¹³⁵ *Della Peruta F.* Mazzini e i rivoluzionari italiani, p. 330—331.
- ¹³⁶ *Dictionnaire des operas.* — Paris, S. a., p. 172.
- ¹³⁷ Сев. пчела, 1837, 21 июня.
- ¹³⁸ Репертуар русского и пантеон всех европейских театров, 1842, кн. 7, с. 76.
- ¹³⁹ *Gazzetta di Firenze,* 1841, 20 e 29 arg., 1 maggio.
- ¹⁴⁰ *Тургенев А. И.* Письма из Парижа. — Москвитянин, 1845, апр., с. 87.
- ¹⁴¹ *Базрушин Ю. А.* История русского балета. — М., 1977, с. 120.
- ¹⁴² Киев. губерн. ведомости, 1846, 5 июля.
- ¹⁴³ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 442, оп. 194, д. 57, лл. 5, 44, 148.
- ¹⁴⁴ ЦГИА СССР, ф. 780, оп. 2, д. 34, л. 6об.; д. 36, л. 4об.; д. 71, л. 3об.
- ¹⁴⁵ *Клинчин А.* Повесть о забытой актрисе. — М., 1968, с. 85—86; История русского драматического театра : В 7-ми т. М., 1978, т. 3, с. 152, 155.
- ¹⁴⁶ ГАКО, ф. 2, оп. 1, д. 15772, лл. 76, 86.
- ¹⁴⁷ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 442, оп. 194, д. 61, л. 51.
- ¹⁴⁸ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 572.
- ¹⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 780, оп. 2, д. 36, л. 6об.; д. 78, л. 3об.
- ¹⁵⁰ Одес. вестник, 1840, 10 февр.
- ¹⁵¹ *Стасов В. В.* Живописец Штернберг. — Вестник изящ. искусств (Петербург), 1887, т. 5, вып. 5, с. 394.
- ¹⁵² *Чижев В.* Русские художники в Риме. — Санкт-Петербург. ведомости, 1842, 7 окт.
- ¹⁵³ ASR, Miscellanea di carte politiche e riservate, b. 72, f. 2343, 2344, anno 1826.
- ¹⁵⁴ *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. М., 1952, т. 11, с. 143.
- ¹⁵⁵ Одес. вестник, 1849, 27 июля.
- ¹⁵⁶ ГАКО, ф. 2, оп. 3, д. 5853, л. 44.
- ¹⁵⁷ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 442, оп. 202, д. 122, лл. 148, 148об., 149.
- ¹⁵⁸ ГАКО, ф. 2, оп. 3, д. 5627, лл. 639, 639об.
- ¹⁵⁹ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 442, оп. 197, д. 142, л. 90.
- ¹⁶⁰ ГАКО, ф. 2, оп. 1, д. 20130, лл. 1—7.
- ¹⁶¹ *Бутурлин М. Д.* Записки. — Рус. архив, 1897, № 2, с. 245.
- ¹⁶² *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 402.
- ¹⁶³ Рус. архив, 1897, № 8, с. 597.
- ¹⁶⁴ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 128, оп. 1 (общие), д. 1498, лл. 2, 6.
- ¹⁶⁵ ГАКО, ф. 2, оп. 1, д. 19449, лл. 1об., 2, 8.
- ¹⁶⁶ Киев. губерн. ведомости, 1845, 13 апр., прибавление.
- ¹⁶⁷ Аглая, 1812, май, с. 13.
- ¹⁶⁸ Южный край, 1884, 11 дек.
- ¹⁶⁹ *Стурдза А.* Записная книжка путешественника против воли. — Москвитянин, 1847, ч. 1, с. 43.
- ¹⁷⁰ Одес. вестник, 1851, 21 и 25 июля.
- ¹⁷¹ *Biblioteca italiana* (Milano), 1833, t. 71, p. 247, 266, 276 etc.
- ¹⁷² Сборник материалов для истории императорской С.-Петербургской академии художеств за сто лет ее существования. Спб., 1865, ч. 2, с. 355.
- ¹⁷³ *Боткин М.* Александр Андреевич Иванов. — Спб., 1880, с. 28.
- ¹⁷⁴ ГПБ, ф. 9, ед. хр. 3, л. 3.
- ¹⁷⁵ ЦГИА СССР, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 2472, л. 83.
- ¹⁷⁶ Худож. газета, 1841, № 11, с. 1.
- ¹⁷⁷ Там же, с. 2.
- ¹⁷⁸ *Gaetano-Tamburini N.* Augusto Vecchi. — Rivista contempo-

ganea nazionale italiana (Torino), 1867, luglio, p. 28.

¹⁷⁹ Айвазовский: Документы и материалы.— Ереван, 1967, с. 69.

¹⁸⁰ Санкт-Петербург. ведомости, 1842, 9 окт.

¹⁸¹ Боткин М. Указ. соч., с. 143.

¹⁸² Рус. старина, 1891, июль, с. 68.

¹⁸³ Айвазовский: Документы и материалы, с. 326.

¹⁸⁴ Барсамов Н. С. Иван Константинович Айвазовский, 1817—1900.— М., 1962, с. 74.

¹⁸⁵ Айвазовский: Документы и материалы, с. 243.

¹⁸⁶ Старые годы, 1912, окт.—дек., с. 39.

¹⁸⁷ Шевченко Т. Г. Повне збір. творів: В 6-ти т., т. 1, с. 70.

¹⁸⁸ Стасов В. В. Живописец Штернберг.— Вестник изящ. искусств, 1887, т. 5, вып. 5, с. 394, 408.

¹⁸⁹ ГПБ, ф. 9, ед. хр. 3, л. 6.

¹⁹⁰ Там же, ед. хр. 11, л. 2.

¹⁹¹ Там же, ф. 63, ед. хр. 136, лл. 6об., 12, 25.

¹⁹² Искусствоведческую характеристику творчества художника в период пребывания в Италии см.: Партоменко I. В. Василь Штернберг.— К., 1978.

¹⁹³ Санкт-Петербург. ведомости, 1842, 9 окт.

¹⁹⁴ ЦГИА СССР, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 2896, л. 8.

¹⁹⁵ ГПБ, ф. 124, ед. хр. 4918, л. 1.

¹⁹⁶ ГПБ, ф. 63, ед. хр. 136, л. 2; Стасов В. В. Живописец Штернберг.— Вестник изящ. искусств, 1887, т. 5, вып. 5, с. 393.

¹⁹⁷ Листи до Т. Г. Шевченка, 1840—1861.— К., 1962, с. 18—19.

¹⁹⁸ Мокрицкий А. Н. Дневник художника.— М., 1975, с. 242—243.

¹⁹⁹ ЦГИА СССР, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3360, л. 3об.

²⁰⁰ Там же, д. 2896, лл. 16об., 17; д. 3027, лл. 2, 7; д. 3360, л. 4—4об.

²⁰¹ Худож. журнал, 1882, т. 3, с. 156.

²⁰² Иордан Ф. И. Записки.— Рус. старина, 1891, июль, с. 64.

²⁰³ Рамазанов Н. Материалы для истории художеств в России. М., 1861, кн. 1, с. 72—74.

²⁰⁴ ГПБ, ф. 124, ед. хр. 3190, л. 4.

²⁰⁵ Боткин М. Указ. соч., с. 208, 211.

²⁰⁶ ЦГИА СССР, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3486, лл. 18об., 19об.

²⁰⁷ Боткин М. Указ. соч., с. 137.

²⁰⁸ Одес. вестник, 1829, 2 янв.

²⁰⁹ Risaliti R. Op. cit., p. 182.

²¹⁰ Мурзакевич Н. Н. Автобиография.— Спб., 1886, с. 112.

²¹¹ ИРЛИ, ф. 603, ед. хр. 32, лл. 3, 10, 12. Оценка в Италии научной деятельности одесского археолога не расходилась с той, которая давалась ей передовыми кругами России. Высокий уровень исследований Мурзакевича, отвечающих «всем правилам археологии», например, отмечал в журнале «Современник» в 1847 г. В. Г. Белинский.— Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 10, с. 188.

²¹² Mouravieff-Apostol I. Viaggio per la Taurida, fatto nel 1820.— Napoli, 1833.

²¹³ Моск. ведомости, 1834, 12 дек.

²¹⁴ Отчет Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1847 по 14 ноября 1848 года.— Одесса, 1849, с. 13.

²¹⁵ Отчет Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1860 по 14 ноября 1861 года.— Одесса, 1862, с. 8.

²¹⁶ Отчет Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1845 по 14 ноября 1846 года.— Одесса, 1847, с. 18; Отчет Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1847 по 14 ноября 1848 года.— Одесса, 1849, с. 21.

²¹⁷ ВПР, т. 5(13), с. 798.

²¹⁸ ASR, Statistica, busta 58, E. Taitbout de Marigni — a console

- generale Pontificio in Odessa, 1848, 10 marzo.
- ²¹⁹ *Ibid.*, lettera di console generale in Odessa, 1848 15 marzo.
- ²²⁰ *Benvenuti L.* Dizionario degli italiani all'estero.— Firenze, 1890, p. 131.
- ²²¹ *Бутурлин М. Д.* Записки.— Рус. архив, 1897, № 5, с. 17.
- ²²² Одесса, 1794—1894.— Одесса, 1895, с. 277.
- ²²³ ASR, Esteri, carteggio con i consoli e viceconsoli toscani all'estero, b. 2514 etc.
- ²²⁴ *Risaliti R.* Op. cit., p. 148.
- ²²⁵ *Ibid.*, p. 150—151.
- ²²⁶ *Ibid.*, p. 156, 158, 160, 182.
- ²²⁷ *L'Antologia* (Firenze), 1828, ag., p. 49.
- ²²⁸ Ришельевский лицей и императорский Новороссийский университет. Одесса, 1898, ч. 1, с. 49.
- ²²⁹ Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель, 1839—1842.— Спб., 1895, с. 210.
- ²³⁰ *Там же*, с. 215.
- ²³¹ *Там же*, с. 209, 210.
- ²³² Архив князя Воронцова. М., 1893, кн. 39, с. 14.
- ²³³ *Там же*, с. 8.
- ²³⁴ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 446.
- ²³⁵ *Viaggio in Ungheria, Transilvania e nella Russia Meridionale del maresciallo Marmont.*— Milano, 1841, p. 207, 256.
- ²³⁶ ЦГИА СССР, ф. 44, оп. 2, д. 560, лл. 153—154, 219.
- ²³⁷ *Пажитнов К. А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России.— М., 1958, с. 329—331.
- ²³⁸ ГАКО, ф. 2, оп. 1, д. 4145, лл. 25, 25об.
- ²³⁹ *Там же*, лл. 2об., 5.
- ²⁴⁰ Полтавские губерц. ведомости, 1849, 23 марта.
- ²⁴¹ Одес. вестник, 1852, 9 янв.
- ²⁴² *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 274.
- ²⁴³ *Букишпан П. Я.* Шелководство в России в предреформенное время.— Вопр. истории, 1973, № 7, с. 47.
- ²⁴⁴ Одес. вестник, 1849, 2 марта.
- ²⁴⁵ ИРЛИ, ф. 527, ед. хр. 127, л. 33—34об.
- ²⁴⁶ *Всеволожский Н. С.* Путешествие через Южную Россию..., т. 1, с. 78—79.
- ²⁴⁷ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 442, оп. 197, д. 142, л. 410.
- ²⁴⁸ *Там же*, оп. 202, д. 122, лл. 31, 92об., 93.
- ²⁴⁹ ГАКО, ф. 2, оп. 1, д. 17356, л. 342.
- ²⁵⁰ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 70, д. 437, лл. 1об., 9, 9об.
- ²⁵¹ *Там же*, л. 139об., 159.
- ²⁵² ГАГК, ф. 16, оп. 294, д. 168, лл. 3об., 4.
- ²⁵³ Северная пчела, 1834, 1 нояб.
- ²⁵⁴ ГАГК, ф. 16, оп. 275, д. 1, лл. 4, 4об.
- ²⁵⁵ *Там же*, лл. 37об., 73об.
- ²⁵⁶ *Селецкий П. Д.* Записки.— Киев. старина, 1884, февр., с. 283.
- ²⁵⁷ Одесса, 1794—1894. Одесса, 1895, с. 621, 633.
- ²⁵⁸ *Мармон О. Ф.* Путешествие в Венгрию, Трансильванию, Южную Россию, по Крыму и берегам Азовского моря в Константинополь, некоторые части Малой Азии, Сирию, Палестину и Египет. М., 1838, т. 1, с. 240.
- ²⁵⁹ Ришельевский лицей и императорский Новороссийский университет, с. 13, 35, 55.
- ²⁶⁰ ГАКО, ф. 2, оп. 3, д. 4340, л. 132.
- ²⁶¹ *Там же*, оп. 1, д. 14607, лл. 1, 1об.
- ²⁶² ГАГК, ф. 16, оп. 279, д. 64, л. 2.
- ²⁶³ ГАКО, ф. 2, оп. 3, д. 7958, лл. 24об., 25, 73.
- ²⁶⁴ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 442, оп. 207, д. 231, л. 3.
- ²⁶⁵ ГАКО, ф. 2, оп. 3, д. 5850, л. 220.
- ²⁶⁶ ГАГК, ф. 16, оп. 276, д. 668, лл. 3об., 4.
- ²⁶⁷ Цит. по: *Фриче В.* Литература эпохи объединения Италии.— М., 1916, с. 118.

²⁶⁸ ГАГК, ф. 16, оп. 276, д. 61,
л. 2.
²⁶⁹ Там же, д. 777, лл. 3—3об.,
л. 17.
²⁷⁰ Там же, оп. 280, д. 33,
л. 1.

²⁷¹ Мурзакевич П. Н. Авто-
биография, с. 183.

²⁷² Чижев Ф. В. Воспоми-
ня.— Ист. вестник, 1883, № 2,
с. 250.

К заключению

¹ Rudnytsky I. Between Histo-
ry and Politics.— Munich, 1973,
p. 110.

² Нудьга Г. Українська пісня

і дума в Італії.— Жовтень, 1969,
№ 1, с. 116.

³ Правда, 1985, 30 мая.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВПР	Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел.— М., 1960—1982, т. 1—13. (1801—1824 гг.)
ГАГК	Государственный архив города Киева
ГАКО	Государственный архив Киевской области
ГПБ	Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей
ИРЛИ	Институт русской литературы АН СССР, рукописный отдел
ЦГАОР СССР	Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР
ЦГИА СССР	Центральный государственный исторический архив СССР
ЦГИА УССР в Киеве	Центральный государственный исторический архив УССР в Киеве
Белинский В. Г. Полн. собр. соч.	Белинский В. Г. Полное собрание сочинений.— М., 1953—1959, т. 1—13
Герцен А. И. Собр. соч.	Герцен А. И. Собрание сочинений.— М., 1954—1965, т. 1—30
ASF	Archivio di Stato di Firenze (Государственный архив Флоренции)
ASN	Archivio di Stato di Napoli (Государственный архив Неаполя)
ASR	Archivio di Stato di Roma (Государственный архив Рима)
ABMRM	Archivio-biblioteca di museo del Risorgimento di Milano (Архив-библиотека музея Рисорджименто в Милане)
Mazzini G. SEI	Mazzini G. Scritti editi ed inediti.— Imola, 1906—1943, vol. 1—100. (Мадзини Дж. Изданные и неизданные сочинения)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Часть I. ОБЩЕСТВЕННЫЕ СВЯЗИ</i>	9
1. Социально-экономические предпосылки	9
2. Карбонарии и декабристы	19
3. От «Молодой Италии» к «Молодой Европе»: солидарность революционных демократов	45
4. Революции 1848—1849 гг. и борьба прогрессивной общественности Италии за союз со славянскими народами.	68
5. Эхо национально-освободительной войны итальянского народа	97
<i>Часть II. КУЛЬТУРНЫЕ И НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ</i>	116
1. Сторонники и противники обмена духовными ценностями	116
2. Театр	124
3. Изобразительное искусство	155
4. Научные и прикладные знания	166
Заключение	185
Примечания	190
Список сокращений	205

INDICE

Introduzione	3
<i>Parte prima.</i> LE RELAZIONI SOCIALI	9
1. Le premesse di economico sociale	9
2. I carbonari ed i decabristi	19
3. Dalla «Giovine Italia» alla «Giovine Europa»: solidarietà dei democratici rivoluzionari	45
4. La rivoluzione degli anni 1848—1849 e la lotta della opinione pubblica progressiva di Italia per l'alleanza coi popoli slavi	68
5. Gli echi della lotta del popolo italiano per la liberazione nazionale	97
<i>Parte seconda.</i> I CONTATTI CULTURALI E SCIENTIFICI	116
1. Partigiani ed avversari del scambio dei valori spirituali	116
2. Teatro	124
3. Arti figurativi	155
4. Gonoscenze scientifiche ad applicate	166
Conclusione	185
Le note	190
Tavola delle abbreviazioni	205

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ВАРВАРЦЕВ

УКРАИНА
В РОССИЙСКО-
ИТАЛЬЯНСКИХ
ОБЩЕСТВЕННЫХ
И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ
(первая половина XIX в.)

*Утверждено к печати ученым советом
Института истории АН УССР*

Редактор *Е. Л. Пугачева*
Оформление художника *Н. И. Слепцовой*
Художественный редактор *С. П. Квитка*
Технический редактор *И. Н. Лукашенко*
Корректоры *Л. Н. Творковская, З. П. Школьник*

На обложке:

1. Провозглашение республики в Венеции
17 марта 1848 г. Литография середины XIX в.
2. Первое здание театра в Одессе.

ИБ № 7348

Сдано в набор 08.10.85. Подп. в печ. 25.12.85. БФ 01168. Формат 84×108/32. Бум. тип. № 1. Обыкн. пов. гарн. Выс. печ. Физ. печ. л. 6,5+0,75 л. вкл. на мел. бум. Усл. печ. л. 12,18. Усл. кр.-отт. 12,5. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 1470 экз. Зак. 5-296. Цена 2 р. 50 к.

Издательство «Наукова думка», 252601 Киев 4, ул. Репина, 3.

Киевская книжная фабрика «Жовтень»,
252053, Киев, ул. Артема, 25.

1037-10

Ва 443451⁽²⁾
86-1037-10

В монографии на основе
большого круга
источников, в том числе
неопубликованных
документов из советских
и итальянских архивов,
рассматриваются
идейные связи и контакты
революционных
организаций России
и Италии в борьбе против
феодално-клерикальной
реакции в первой половине
XIX в., дается
характеристика
их деятельности
на Украине.
Анализируются процессы
взаимодействия передовой
общественности в области
культуры, науки
и прикладных знаний,
роль обмена духовными
ценностями в расширении
и укреплении
сотрудничества между
народами.

НАУКОВА ДУМКА

Handwritten notes and signatures in the bottom left corner.

Handwritten checkmark or signature in the bottom right corner.